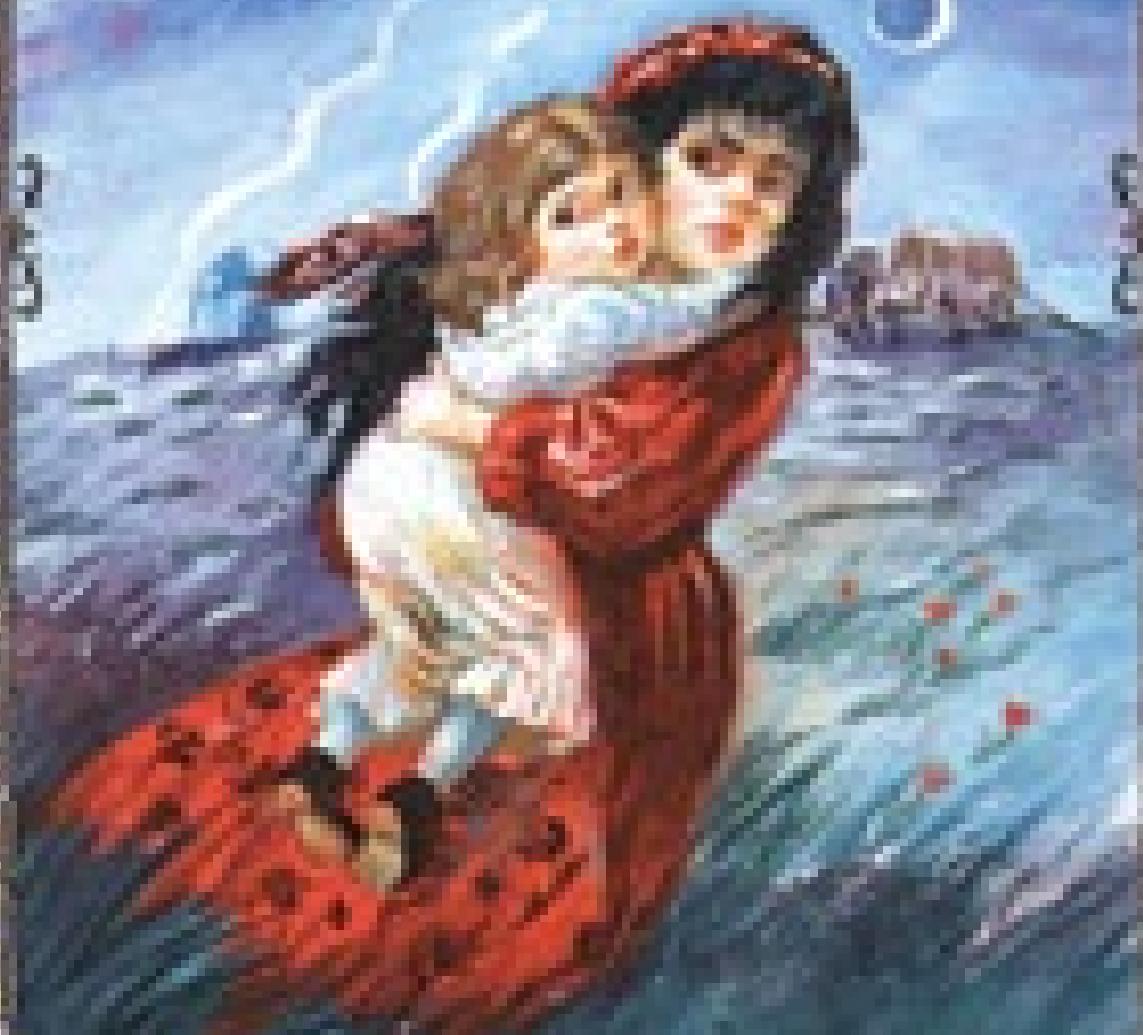

Литературная мастерская

Энн Сиверт Янссен

девичий мирок

Annotation

После смерти матери Эстер отправляется в школу для девочек. Разлученная с младшой сестрой, оторванная от дома и привычной обстановки, она тяжело привыкает к школьным порядкам. Новые подруги помогают ей освоиться, но со всеобщей любимицей Энни у амбициозной Эстер отношения не складываются.

Тесный школьный мирок потрясают таинственные происшествия. Все улики указывают на Энни, и только Эстер может доказать, что ее соперница невиновна...

- [Элизабет Мид-Смит](#)

- [Предисловие от издательства](#)
- [Глава I. Прощай, прежняя жизнь!](#)
- [Глава II. Попутчицы](#)
- [Глава III. Лавандовый дом](#)
- [Глава IV. Маленькие «уголки» и мелкие ссоры](#)
- [Глава V. Директриса](#)
- [Глава VI. Я так несчастна!](#)
- [Глава VII. Первый день в школе](#)
- [Глава VIII. Ты слишком рано меня разбудила!](#)
- [Глава IX. Труды и забавы](#)
- [Глава X. Разные разности](#)
- [Глава XI. Что оказалось в классном столе](#)
- [Глава XII. В часовне](#)
- [Глава XIII. Все о том же](#)
- [Глава XIV. В ссылку](#)
- [Глава XV. Добрые люди](#)
- [Глава XVI. Неведомый враг](#)
- [Глава XVII. Отравленные леденцы](#)
- [Глава XVIII. В гамаке](#)
- [Глава XIX. Игра в бильбоке](#)
- [Глава XX. В южной гостиной](#)
- [Глава XXI. Украденное сердце](#)
- [Глава XXII. На месте сгоревшего замка](#)
- [Глава XXIII. Мальчик-с-пальчик упал](#)

- [Глава XXIV. Испытание](#)
- [Глава XXV. Избалованное дитя](#)
- [Глава XXVI. Под лавровым кустом](#)
- [Глава XXVII. Пикник](#)
- [Глава XXVIII. На «волшебном поле»](#)
- [Глава XXIX. Забытая книга](#)
- [Глава XXX. Мутный ручей](#)
- [Глава XXXI. Добрые и злые ангелы](#)
- [Глава XXXII. Новые подозрения](#)
- [Глава XXXIII. Наказание](#)
- [Глава XXXIV. Несвоевременная болезнь Бетти](#)
- [Глава XXXV. Грустные мысли](#)
- [Глава XXXVI. Как Мозес Мур исполнил поручение](#)
- [Глава XXXVII. Признание](#)
- [Глава XXXVIII. Сесиль Темпл](#)
- [Глава XXXIX. Тяжелое испытание для Эстер](#)
- [Глава XL. Девочка-цыганка](#)
- [Глава XLI. Энни](#)
- [Глава XLII. Эстер](#)
- [Глава XLIII. Сьюзен](#)
- [Глава XLIV. Под стогом сена](#)
- [Глава XLV. Тигр](#)
- [Глава XLVI. Ради Нэнси](#)
- [Глава XLVII. Оправдана!](#)
- [Глава XLVIII. Мрачная неделя](#)
- [Глава XLIX. Две исповеди](#)
- [Глава L. Отец](#)
- [Глава LI. Награда за сочинение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Элизабет Мид-Смит
Девичий мирок (История одной школы)

Предисловие от издательства

Английская писательница Элизабет Томасина Мид-Смит родилась в 1844 году в Ирландии, в семье протестантского священника. Мать девочки рано умерла, и когда отец женился во второй раз, Элизабет отправилась в Лондон. Она упорно занималась в читальном зале Британского музея и самостоятельно подготовила себя к писательской карьере. Первые произведения Элизабет появились в 1861 году, когда ей исполнилось 17 лет.

Наиболее известны ее романы для девочек и женщин, особенно – вышедший в 1886 году под псевдонимом Л. Т. Мид «Девичий мирок», огромная популярность которого фактически породила такой вид литературы, как «школьные романы». Тем не менее она продолжала экспериментировать и в других жанрах: ее перу принадлежат исторические, приключенческие и детективные романы и повести. За свою жизнь Элизабет Мид-Смит опубликовала около 300 произведений, включая короткие рассказы и статьи в журналах. В свои лучшие годы она писала до 10 романов в год.

Роман «Девичий мирок», который мы сегодня предлагаем нашим читателям (вернее, читательницам), был переведен М. А. Лялиной на русский язык в 1900 году. И с тех пор у нас не переиздавался.

Мы решили сохранить прелест исходного текста, безошибочно передающего атмосферу того времени. Литературная обработка – лишь способ подготовить современного читателя к восприятию хрупкого мира прошлого.

Действие романа разворачивается в английской школе для девочек, куда после смерти матери отец отправляет двенадцатилетнюю Эстер. Непокорному сердцу девочки предстоит привыкнуть к строгим школьным порядкам, познакомиться с новыми подругами и пройти через множество испытаний – чтобы научиться управлять своими эмоциями, осознавать последствия своих поступков, ценить дружбу и преданность.

Глава I. Прощай, прежняя жизнь!

– Нэн хотеть к Этти, – пропел тонкий детский голосок.

– Сегодня нельзя, мисс Нэнси; нельзя, моя радость.

– Нэн хотеть к Этти, – еще настойчивее повторила девочка. И так как ответа не последовало, она лукаво взглянула на няню и незаметно выскользнула в полуотворенную дверь.

Перебежав холл, Нэнси очутилась в комнате сестры. Тут царил полный беспорядок: постель была не прибрана, вещи разбросаны; но самой Этти в комнате не было.

Вернувшись в холл, малышка позвала:

– Этти! Этти!

Она поглядывала на дверь детской в ожидании погони. Но няня не появлялась. Тогда девочка, сообразив, что сестра, вероятно, находится внизу, храбро начала спускаться с лестницы.^[1]

Одолев это сложное препятствие, Нэнси снова позвала сестру. Одна из дверей отворилась, и на пороге появилась девочка лет двенадцати в глубоком трауре.

– Ты сама нашла меня, мое сокровище! Какая ты умница! Иди, моя дорогая, я дам тебе покушать.

– Нэн хотеть сухалик.

Пока пухлые ручки обнимали шею сестры, быстрые глазки оглядывали стол, отыскивая чего-нибудь вкусное.

– Вот тебе два сухарика. Сядь ко мне на колени, Нэн, и посмотри мне

в глаза. Ты меня любишь?

— Нэн любить Этти.

— А Этти уезжает. Долго, очень долго я не увижу тебя, мое золото; но душа моя будет с тобой. Я стану думать о тебе днем и ночью. Я люблю тебя больше всего на свете, Нэнси. А ты не забудешь меня?

— Нэн не забудет. Нэн хотеть сухалик, Этти.

— Дам, дам; и сахару дам. Обними меня покрепче, еще крепче. Вот тебе два кусочка. Хоть сахар тебе и вреден, но пусть уж сегодня будет твой праздник. Ведь нам недолго оставаться вместе, и я хочу дать тебе все, чего бы ты ни пожелала.

Цепкие пальчики Нэнси немилосердно мяли креповую оборку траурного платья сестры. Набитый сахаром ротик не мешал девочке повторять:

— Сахал, сахал, Нэн любить сахал.

Появилась няня и положила угощению конец.

— Ах, маленькая плутовка! Нашла-таки дорогу. Зачем вы даете ей сахар, мисс Этти? Ведь знаете, что он ей вреден. Фуй, мисс Нэнси, какие у вас грязные ручки. Глядите, мисс, она совсем смяла ваше платье.

— Ничего, няня. Я дала ей всего два или три кусочка. Мне так хотелось, чтобы она приласкала меня. Теперь иди к няне, Нэнси. Возьмите ее, няня. Боюсь, что расплачусь, если она останется тут.

Няня взяла малышку на руки.

— Прощайте, мисс. Старайтесь быть умницей в школе.[\[2\]](#) Поверьте, там не так дурно, как кажется.

— Прощайте, няня. Ах, папа зовет меня. Сейчас, сейчас!

И, схватив перчатки, Этти побежала к двери. Сэр Торnton, высокий мужчина, суровый на вид, ожидал ее в прихожей, застегивая пальто. Экипаж стоял у подъезда. Минуту спустя он уже вез Эстер и ее отца к железнодорожной станции. Когда аллея оказалась позади и милый старый дом скрылся из вида, Эстер откинулась на подушки и закрыла глаза. Все, что ей было дорого, осталось в прошлом. Впереди ее ожидал чужой мир и чужие люди.

Сердце девочки сжалось. Она взглянула на отца — тот невозмутимо читал газету.

Наконец они добрались до станции. Сэр Торnton посадил дочь в дамское купе первого класса, вручил ей билет и воскресную газету.

— Кондуктор позаботится о тебе, Эстер, — сказал он. — На каждой станции он будет заходить и приносить из буфета все, что тебе потребуется. Поезд доставит тебя прямо в Сефтон, там миссис Виллис

встретит тебя или кого-нибудь пришлет за тобой. Прощай, моя девочка. Страйся быть умницей, укрощай свой нрав...

Не успел он договорить, как Эстер обвила руками шею отца. Горячие слезы омочили его лицо.

– Полн, Этти. Ты знаешь, я не люблю нежностей, особенно при посторонних людях.

И сэр Торнтон поспешно вытер мокрые щеки.

Глава II. Попутчицы

Поезд быстро катился по рельсам, а маленькая путешественница тихо плакала в уголке под своей креповой вуалью. Ее сердце было переполнено печалью и негодованием. Школьная жизнь, с ее строгими ограничениями и возможными наказаниями, была ей отвратительна. Девочке казалось, что поезд несет ее из прежней вольной жизни в настоящую тюрьму, и тюрьму эту она заранее ненавидела всей душой.

Всего три месяца назад не было на свете девочки счастливее и жизнерадостнее Эстер Торnton. У нее была мама, которая умело руководила своей живой и впечатлительной дочкой, добиваясь от нее любовью и лаской всего, чего хотела. Господь призвал к себе этого доброго ангела. Эстер и крошка Нэнси остались сиротами.

Между этими двумя девочками у Торntonов были еще дети, но они умирали в младенчестве, уцелели только старшая да младшая.

Отец Эстер был человеком вполне порядочным, но слишком серьезным и необщительным. Не имея ни малейшего понятия о воспитании

детей, он приходил в ужас от выходок своей старшей дочери: Эстер лазила по деревьям, рвала платья, скакала на его резвых лошадях. От наказаний, которыми отец старался обуздить своевольную девочку, пользы не было. Убедившись в том, что его воспитательные меры не исправляют Этти, он решил поместить ее в один из первоклассных пансионов. Туда-то и ехала теперь Эстер.

Маленькое сердечко ее возмущалось и негодовало; в особенности тяжело ей было вспоминать прощание с отцом. Нет, она не будет умницей, не станет прилежно учиться и не явится домой с наградою, чтобы на нее смотрели как на самую заурядную девочку. Она не хочет быть благовоспитанной. Она останется прежней взбалмошной Этти – и когда отец увидит, что школа не исправила ее, он оставит ее дома. А дома будет крошка Нэнси и воспоминания о покойной маме.

Впечатлительной Этти были свойственны сильные чувства. После смерти матери она почти не упоминала о ней, и когда отец заговаривал о покойной жене, Этти убегала из комнаты. Крошка Нэн была единственным существом, при котором она решалась произносить дорогое ей имя.

Когда Нэн молилась, Этти учила ее вместо обычного «помяни Господи» говорить: «благодарю тебя, Господи, что ты обратил мою маму в прекрасного ангела». Нэн спрашивала, что такое ангел, и Этти со слезами на глазах объясняла ей, как умела. Однажды она показала малышке картинку, на которой был нарисован ангел в белоснежной одежде. Нэн так понравился этот ангел, что она захлопала в ладоши и закричала:

– Нэн тозе будет ангел, как мама! Да, Этти?

Впрочем, подобные разговоры случались нечасто, а в последнее время и вовсе прекратились, так как спустя три месяца Нэн, которой было всего два с половиной года, совсем позабыла мать.

Наплакавшись досыта под вуалью, Этти принялась рассматривать своих попутчиц. С ней ехали две худенькие пожилые леди, которые старательно кутали ноги в пледы. Они в свою очередь наблюдали за Эстер. Одна из них предложила Этти бутерброд, от которого девочка, хоть и была голодна, отказалась – отчасти из гордости, отчасти из застенчивости.

– Может быть, вы предпочитаете пирожное, моя дорогая? – продолжала добродушная старушка. – У сестры в корзинке превкусные бисквиты. Хотите попробовать?

Этти застенчиво согласилась, и бисквит очутился у нее в руках. Мало-помалу девочка приободрилась и, откинув вуаль, стала посматривать в окно.

– Вот так лучше, – проговорила все та же милая леди. – Идите-ка на

этую сторону, дорогая. Мы скоро будем проезжать красивые места, отсюда вам будет лучше видно. Кстати, и корзинка сестры Агнес стоит тут: если вам захочется перекусить, нужно лишь протянуть руку.

— Благодарю вас, — ответила Эстер на этот раз гораздо приветливее. — Пирожные очень вкусные. Нэн такие очень любит.

— Кто такая Нэн? — поинтересовалась другая сестра, которой, собственно, и принадлежали бисквиты.

— Это моя маленькая сестричка, — грустно вздохнула Эстер.

— Ах, так это о ней вы так плакали, — сказала первая старушка, взяв Эстер за руку. — Не обращайте на нас внимания, деточка. Мы в жизни видели много слез. Это самая обыкновенная вещь в нашем мире, в особенности для женщин. Так естественно, что вы плакали о сестричке. Если бы мы только могли послать ей пирожных, раз она их так любит! Вы надолго расстаетесь с нею, дорогая?

— О да, на многие месяцы, — ответила Эстер. — Я не знала, — прибавила она, — что слезы такая обыкновенная вещь. До сих пор мне почти не приходилось плакать.

— Ах, у вас было большое горе, бедное дитя! — заметила женщина, оглядывая траурное платье Этти.

— Да, оттого я и плачу так часто; но, пожалуйста, не будем говорить об этом.

— Хорошо, хорошо, милочка, — согласилась мисс Агнес, не менее словоохотливая, чем ее сестра. — Мы поговорим о чем-нибудь более веселом. Джейн правду говорит, что в жизни много слез, но зато в ней много и радостей, и веселого смеха, смеха молодости, дитя мое. Вот и теперь, вероятно, вы едете навестить какую-нибудь старую тетушку или подругу, которая ждет вас с нетерпением.

— О нет, нет. Я еду в ужасное место, и от одной мысли об этом, не говоря уже о разлуке с Нэн, я готова плакать. Я еду в тюрьму; да, в тюрьму.

— Боже мой! — воскликнули испуганно попутчицы.

— С Джейн чуть не сделалось дурно, — отметила мисс Агнес. — Да, Джейн, я вижу: у тебя опять участился пульс. Ничего, дорогая, не пугайтесь; это с ней часто бывает. Но я думаю, вы пошутили, упомянув о тюрьме. Конечно, вы пошутили! Ведь если бы вы действительно направлялись в такое ужасное место, при вас был бы полицейский. Вы просто любите сильные выражения, милочка, как многие в ваши годы.

— Конечно, это так только говорится, — пояснила Этти, смущенная волнением и испугом старушек. — Это такое страшное слово, не правда ли? То, что я называю тюрьмой, папа называет школой. Неудивительно, что я

плачу. Что с вами?

Ее вопрос был вызван неожиданным поведением обеих дам. Встав со своих мест, они расцеловали Этти.

— Деточка! — вскрикнули они в один голос. — Мы очень рады! Вы так напугали нас сначала. Школа — совсем не то, что вы себе выдумали, дорогая. Ах, Джейн, мы с тобой никогда не забудем счастливых дней, проведенных в школе!

Мисс Джейн мечтательно вздохнула, и сестры принялись успокаивать Этти. Эстер неожиданно для себя сделала сразу несколько открытий. Оказалось, что пожилые женщины жили недалеко от той школы, куда направлялась она. Они были знакомы с директрисой, миссис Виллис, и знали двух или трех учениц. Сестры Брюс с таким воодушевлением говорили об этой школе, что Этти начала улыбаться и почти совсем успокоилась.

— Я рада, что вы будете близко! — сказала девочка с обычной своей искренностью. Добрые попутчицы окончательно покорили ее сердце.

— Мало того, дорогая, — продолжила мисс Джейн. — Мы будем посещать одну церковь и сможем видеться по воскресеньям. А потом, — она взглянула на сестру, — может быть, миссис Виллис позволит вам иногда бывать у нас.

— Я приду завтра, если вы позволите.

— Это будет зависеть от миссис Виллис, дорогая. Ах, вот, наконец, и Сефтон. До свидания. Увидимся в церкви в воскресенье!

Глава III. Лавандовый дом

Путешествие Эстер оказалось действительно удачным. Она привязалась к двум пожилым леди, которые были так добры к ней. В их глазах маленькая сиротка была почти героиней, и это льстило самолюбию Этти. Восторженные отзывы сестер Брюс о школе и школьной жизни навели девочку на мысль о том, что мрачная картина, которую нарисовало ее воображение, может иметь и другую, более светлую сторону, поэтому будущее перестало казаться ей таким ужасным, как прежде.

Старушки сели в омнибус, который должен был доставить их в Сефтон, где у них был собственный домик. Школа находилась гораздо дальше, и омнибус туда не шел. За Эстер был прислан старомодный экипаж. Кучер поставил ее вещи наверх, сел на козлы, и лошадка, столь же дряхлая, как и повозка, затрусила по каменной мостовой Сефтона. Эстер снова овладело тоскливо одиночество. Время было зимнее, смеркалось рано, и, когда путники подъехали к школе, было почти совсем темно. Краснощекий десятилетний мальчик отворил ворота, а когда они вновь закрылись, Эстер почувствовала себя пленницей.

Экипаж катился по длинной аллее. В темноте ничего нельзя было различить, слышалось только шуршание ветвей по крыше кареты. Наконец лошадь остановилась. Старый кучер слез с козел и, отворив дверцы, помог маленькой путешественнице выйти.

— Пожалуйте, мисс, — сказал он ласковым голосом. — Пожалуйте, обогрейтесь. Ах, Боже мой! Вы совсем замерзли. Бедная маленькая леди!

Он позвонил у широких входных дверей. Тотчас же двери широко распахнулись. Эстер вошла.

— Приехала! Приехала! — послышались голоса, но, осмотревшись, Эстер никого не заметила, кроме опрятной служанки, которая приветливо ей улыбалась.

— Добро пожаловать в «Лавандовый дом», мисс. Пожалуйте на минутку в холл: здесь топится камин. А я доложу мисс Дейнсбери о вашем приезде.

Просторное помещение с мозаичным полом и светло-зелеными стенами, освещенное пылавшим в камине огнем, выглядело очень уютно. Но доносившиеся откуда-то голоса и таинственная мисс Дейнсбери, которая могла каждую минуту появиться, привели Эстер в такое смущение, что она дрожала как в лихорадке, и камин, возле которого она стояла,

почти не согревал ее.

— Довольно высока для своих лет, но, кажется, гордячка, — сказал кто-то позади Эстер. Девочка испуганно оглянулась и очутилась лицом к лицу с благообразной, средних лет, особой и с хорошенькой девочкой, похожей на цыганку.

— Энни Форест, как вам не стыдно прятаться за дверь! Вы не имели права прийти сюда без разрешения. Я должна буду пожаловаться на вас, и непременно сделаю это. Вы потеряете два балла из поведения и, вероятно, должны будете переписать тридцать лишних строчек французских стихов.

— Нет-нет, вы не сделаете этого, миленькая мисс Дейнсбери, — затрещала маленькая цыганка. — Вы не столь жестоки. Поцелуйте меня, мисс Дейнсбери, и будьте великодушны!

И шалунья убежала.

— Какая ужасная, дурно воспитанная девочка! — вспыхнув, воскликнула Эстер. Никогда еще ей не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь отпускал замечания о человеке в его присутствии.

— Я надеюсь, что она будет строго наказана. Вы ведь не простите ее? — спросила Этти, от гнева растеряв свою обычную застенчивость.

— Полно, полно, милочка, всем нам следует быть снисходительнее друг к другу, — кротко возразила мисс Дейнсбери. — Жаль, что меня здесь не было, когда вы приехали; тогда этого досадного недоразумения не приключилось бы. Энни Форест не хотела вас обидеть. Она взбалмошная, но добрая девочка. Вы со временем полюбите ее. А теперь пойдемте в вашу комнату. Через пять минут позвонят к чаю, вам нужно подкрепиться.

Эстер последовала за классной дамой через холл, затем наверх по широкой, покрытой ковром лестнице. Они поднялись на второй этаж и остановились на площадке. Мисс Дейнсбери сказала:

— Видите эту дверь, дорогая? Она ведет в школьное помещение. По ту сторону — квартира миссис Виллис, и воспитанницы не имеют права входить туда без позволения. Школьная жизнь кипит там, за этой обитой сукном дверью. И могу вас уверить, это счастливая жизнь для девочек, которые хорошо ведут себя. Теперь поцелуйте меня, дорогая, и будьте в «Лавандовом доме» как дома.

— Вы, вероятно, учительница старших классов? — спросила Эстер.

— Я? О, нет. Я преподаю в младших классах английский язык и наблюдаю за порядком. Я люблю детей, моя девочка, и они это знают. Когда с ними случается какая-нибудь беда, они тотчас бегут ко мне. Но не будем терять времени, дорогая, пойдем в вашу комнату, а потом — к чаю.

Мисс Дейнсбери открыла обитую сукном дверь, и Эстер очутилась

совсем в ином мире. По ту сторону двери все было нарядным, даже роскошным; по эту сторону – совсем просто: узкие коридоры, голые стены, некрашеные полы без ковров; но вокруг царила удивительная чистота.

Мисс Дейнсбери провела Эстер по коридору мимо нескольких запертых дверей, за которыми слышались разговоры и смех, и, наконец, остановилась у двери с номером 32.

– Вот ваша спальня, милая. Эту ночь вы проведете здесь одна, а завтра приедет ваша соседка, Сьюзен Драммонд. Миссис Виллис уже получила телеграмму от ее родителей.

Насколько непривлекательны были коридоры, настолько комнатка № 32 была мила и уютна. Пол был покрыт зеленым сукном, на окне висели занавеси, вдоль стен стояли две неширокие, но опрятные кровати. Возле каждой располагался комод красного дерева, а в углах – два умывальника. В эркере уместилась пара туалетных столиков. В камине весело потрескивал огонь.

– Теперь это ваша комната, милочка. Вы приехали раньше, поэтому можете выбрать себе кровать и комод. Элис потом разложит ваши вещи и уберет сундук. Пригладьте волосы и вымойте руки; я скоро приду за вами.

Глава IV. Маленькие «уголки» и мелкие ссоры

Через пять минут мисс Дейнсбери вернулась и повела Эстер в столовую.

Они спустились по широкой, не застеленной ковром лестнице и остановились в дверях столовой, откуда слышались звонкие голоса.

— Я представлю вас подругам, а затем провожу к миссис Виллис. За чаем ее не бывает. Председательствуют мисс Гуд или мадемуазель Перье.

— Пожалуйста, позвольте мне сесть возле вас, — взмолилась Эстер.

— Этого нельзя, дорогая. Я присматриваю за маленькими, а они сидят отдельно. Теперь пойдемте. Ваше смущение тотчас же пройдет, вот увидите.

Не тут-то было. За всю жизнь Эстер не смогла забыть того страха, смущения и неловкости, которые овладели ею в длинной, ярко освещенной столовой. Сорок пар глаз были устремлены на нее, пронизывая, будто раскаленными лучами. Она готова была убежать и спрятаться; но вместо этого очутилась, сама не зная как, на конце стола, возле милой девочки с кроткими манерами. Этти машинально ела хлеб с маслом и глотала горячий чай, едва сознавая, что она ест и пьет. Жужжание голосов и разговор по-французски, беспрестанно прерываемый замечаниями и поправками мадемуазель Перье, доносились, как казалось Эстер, откуда-то издалека. Голова ее кружилась, глаза отяжелели; утомленная застенчивая девочка чувствовала, что силы покидают ее.

Впоследствии, с удовольствием и любовью вспоминая о времени, проведенном в «Лавандовом доме», Эстер Торnton не раз удивлялась тому ужасу, который испытала в первый день. Но впечатление было столь сильным, что она не могла его забыть, даже когда каждый уголок милого дома, где протекла ее юность, стал ей знаком до мельчайших подробностей.

В тот вечер, когда она, сидя за столом, в полубессознательном состоянии грызла черствый невкусный кусок хлеба с маслом, сидевшая рядом девочка положила ей на тарелку свежий, только что отрезанный ломтик, шепнув при этом:

— Ешь это, остальное несъедобно. Как не стыдно мисс Перье угощать такой гадостью новеньющую!

— Мадемуазель Сесиль, вы нарушаете порядок, вы говорите по-английски, — затараторила француженка, сидевшая во главе стола. — Вы теряете один балл.

Соседка Эстер склонила голову в знак покорности, а Этти, взглянув на нее украдкой, заметила, как она вспыхнула.

Это была самая обыкновенная девочка; но выражение ее лица было так кротко, а взгляд карих глаз столь приветлив, что Эстер, несмотря на свою застенчивость, почувствовала к ней симпатию. Она поняла, что соседка отдала ей свою порцию, и немало удивилась, заметив, что она ест хлеб лучшего качества, чем остальные воспитанницы.

Эстер понемножку ободрилась и стала украдкой разглядывать воспитанниц. Но, неожиданно встретив пристальный, испытующий взгляд той девочки, которая ее так поразила в холле, Этти опустила глаза и снова замкнулась в себя. Между тем веселые глаза похожей на цыганку девочки продолжали лукаво посматривать на новую подругу, кудрявая головка приветливо кивала, но Этти сохраняла неподвижность статуи. Ни за что на свете она не ответила бы на поклон человека, которого считала ниже себя.

После чая была прочитана молитва, и воспитанницы друг за другом стали чинно выходить из столовой. Эстер поисками глазами приветливую мисс Дейнсбери, но ее нигде не было видно.

— Полчаса мы можем говорить по-английски, — сказала соседка Этти, дотронувшись до ее руки, — и большинство девочек идут в рекреационную залу.^[3] Там мы садимся вокруг камина и рассказываем друг другу разные истории. Хочешь пойти со мной?

— Хорошо, я пойду, — ответила Эстер, стараясь улыбнуться.

Сесиль взяла ее под руку и через просторный холл ввела в рекреационную залу. Такой большой комнаты Эстер еще не приходилось видеть. Зала была так велика, что два больших камина, топившихся по обоим концам, едва нагревали ее. Массивные висячие лампы давали достаточно света; пол был покрыт матами.

Часть залы была разделена легкими перегородками и драпировками так, что получились небольшие помещения.

— Вот мой уютный «уголок», — сказала Сесиль. — Мы посидим здесь. Видишь, каждая из нас в своем «уголке» хозяйка. Мы можем развесить здесь фотографии, картины — все, что хотим. Тут у нас есть и рабочие столики. Остальная часть залы — общее достояние. У того камина, ближе к двери, располагаются младшие девочки. Мы, старшие, пользуемся камином в этом конце залы. Ты, верно, будешь с нами? Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

– Тогда, конечно, ты будешь на нашей половине.

– И у меня тоже будет свой «уголок»? Как славно придумано! Я бы хотела быть по соседству с вами, мисс...

– Темпл. Но зови меня просто Сесиль. Да, ты спрашивала о наших гостиных. Мы зовем эти «уголки» гостиными. Поначалу гостиной у тебя не будет, потому что ее нужно заслужить. Но я буду часто приглашать тебя к себе. Не правда ли, здесь мило? Жаль, что у меня только одно кресло; на сегодня я уступлю его тебе, а сама сяду на табурете. Я коплю деньги, чтобы купить другое кресло, и Энни обещала его обить.

– А кто эта Энни, служанка?

– Нет, что ты! Наша милая Энни Форест – одно из прелестнейших созданий «Лавандового дома». Она, бедняжка, часто попадает впросак, но мы, если получается, выручаем ее. Едва ли ей удастся когда-нибудь заслужить «уголок», но мы любим ее, и каждая из нас всегда рада пригласить Энни к себе в гостиную. В целом свете нет существа веселее и забавнее!

– Мне она совсем не нравится. Такая грубая и неуклюжая...

Сесиль Темпл, поправлявшая в это время темно-зеленую скатерть с искусно вышитыми по ней цветами, обернулась и пристально посмотрела на новенькую.

– Не надо делать слишком быстрых выводов. Энни Форест любит вся школа, даже учительницы, которым приходится часто ее наказывать. Чем она могла тебя обидеть?.. Тише,тише – вон она сама.

Из холла послышались звуки веселой песни, дверь с шумом отворилась, и Энни Форест вступила в рекреационную залу. На обоих ее плечах восседало по маленькой девочке.

– Держись крепче, Джени! Обними меня за шею, Мэйбл! Ну, теперь поскакаем вокруг залы. Чур, два раза, не больше. У меня, кроме вас, есть и другие дела.

Дважды обогнув залу под громкие возгласы и аплодисменты, Энни наконец спустила девочек на пол. Младшие дети окружили ее, цепляясь за платье. Всем хотелось покататься. Энни с трудом отделалась от малышей, перепрыгнув черту, заходить за которую тем было запрещено.

Пока не появилась Энни, в зале царили относительная тишина и порядок. Девочки ходили группами и поодиночке; болтали, смеялись, но в целом вели себя довольно сдержанно. Приход Энни вызвал шум и суматоху.

– Энни, иди скорее сюда!

– Энни, душечка, что ты думаешь по этому поводу?

– Энни, моя прелесть, расскажи мне про твою последнюю проказу!

Наскоро перецеловав нескольких из своих поклонниц, Энни направилась в «уголок» Сесиль Темпл.

– Сесиль ждет меня, мои дорогие, – объявила она. – У ее священного очага теперь восседает чужестранка.

И с громким смехом она вбежала в «уголок» Сесиль.

– О, дорогая чужестранка! – начала она торжественным тоном, глядя в упор на Эстер. – Я чуть не пострадала от желания поскорее тебя увидеть. Говорила ли она тебе, Сесиль, на что я отважилась ради нее? Я осмелилась переступить священную черту и проникнуть в парадный холл. Бедняжка! Как она подпрыгнула, услыхав мой голос. А мисс Дейнсбери тут как тут. Представь, она чуть не плакала, когда ей пришлось на меня пожаловаться. Но для мисс Дейнсбери долг превыше всего, и я уважаю ее за это. Мне пришлось выучить двадцать строчек этих ужасных французских стихов.

Брр... Противно даже думать об этом. Я чувствую, что выкину какую-нибудь штуку. Да-да, Сесиль, непременно выкину! Я забежала только затем, чтобы поздороваться с мисс Торnton, потом я должна засесть за стихи. Воображаю, как я буду их учить! Приветствуя тебя, мисс Торnton. Смотри на меня как на союзницу, и если в твоем сердце есть хоть капля чувства, ты пожалеешь бедную девочку, пострадавшую из-за тебя с первых минут твоего пребывания в этом святилище.

– Я вас не понимаю, – подчеркнуто холодно ответила Эстер, – и нахожу, что вы были очень грубы и неделикатны, отпуская замечания на мой счет в моем присутствии.

– Боже мой, я только сказала, что ты высока для своих лет и довольно надменна. Ведь это правда!

– Все-таки это было неделикатно, – настаивала Эстер, стараясь скрыть слезы.

– Я, право, не хотела тебя обидеть. Дай мне руку, и будем друзьями.

Но Эстер вовсе не желала примирения. Она сделала вид, что не заметила протянутой руки, и отвернулась.

– Не обращай внимания, – шепнула Сесиль Энни.

Но любимица школы не привыкла к такому обращению. Она густо покраснела и, вызывающе взглянув на Эстер, затянула какую-то залихватскую песенку и оставила «уголок».

Девочки, ставшие свидетельницами этой сцены, начали перешептываться друг с другом.

– Она недобрая. Она не захотела протянуть руку Энни; подумай – нашей Энни!

Глава V. Директриса

Едва успела Энни Форест выйти, как появилась мисс Дейнсбери и пригласила Эстер следовать за ней к миссис Виллис. Бедная дикарка была рада уйти от своих сверстниц, которые теперь, наверное, осуждали ее. Она слышала их перешептывание и со страхом думала о своем поступке. Эстер была настойчива и упрямая. Она всегда отстаивала свое мнение, и раз уж невзлюбила Энни Форест, решив, что это невоспитанная девочка, ей нетрудно было убедить себя в том, что и ее покойная мать не одобрила бы ее общения с подобной особой.

Эстер, следуя за мисс Дейнсбери, снова очутилась в парадном холле. Поднявшись по устланной ковром лестнице, учительница и ученица вошли в дверь, завешанную тяжелой плюшевой портьерой. Мисс Дейнсбери, сделав шага два, проговорила:

— Я привела Эстер Торnton, миссис Виллис, как вы велели.

Учительница удалилась, а Эстер решилась поднять глаза и взглянуть на начальницу.

Высокая красивая женщина с серебристыми седыми волосами шла ей навстречу. Остановившись возле девочки, она положила руки ей на плечи и поцеловала в лоб.

– Твоя мать была одной из первых моих учениц, Эстер, – сказала она. – Ты на нее мало похожа, но все равно – ты ее дочь и потому близка моему сердцу. Пойдем к камину, дружочек, и поболтаем.

С этой милой женщиной Эстер почувствовала себя гораздо свободнее, чем с подругами. Обстановка комнаты напоминала ей будуар ее матери. Безукоризненное серое атласное платье директрисы и дорогие кружева также показались Этти знакомыми с детства, а сочувственный разговор о покойной матери окончательно покорил ее сердце и привязал его к начальнице. Миссис Виллис, несмотря на седые волосы, выглядела вполне моложаво, и Эстер не удержалась и пробормотала:

– Глядя на вас, я бы никогда не подумала, что вы были воспитательницей моей мамы.

– Мне шестьдесят лет, милочка, и я уже тридцать лет заведую школой. Твоя мать не единственная из моих учениц, дети которых у меня воспитываются. Сядь поближе, поговорим о твоей семье. Твоя мама... Ах, бедная моя девочка, я вижу, что тебе тяжело говорить. Дочь Элен должна глубоко чувствовать. Да-да, оно так и есть. В другой раз мы еще поговорим об этом. А теперь расскажи мне о твоем отце, о маленькой сестричке. Ты, может быть, не знаешь, что Нэн – моя крестница?

Начальница и ученица разговаривали долго. От обычной застенчивости Эстер не осталось и следа. Девочка всей душой тянулась к этой симпатичной женщине, которая знала, любила и воспитывала ее мать.

– Я постараюсь хорошо вести себя, – говорила Эстер. – Но мне кажется... О, не сердитесь, миссис Виллис, но мне кажется, я никогда не буду счастлива в школе.

– К школьной дисциплине надо привыкнуть, дитя мое; но благородным, мужественным девушкам это дается легко. И с каким удовольствием они вспоминают потом это время! Здесь особый мирок, в котором немало искушений, но зато сколько возможностей выработать характер и закалить душу. Из моих воспитанниц выходят хорошие девушки, и я уверена, что они здесь хорошо себя чувствуют. Главное правило «Лавандового дома» – серьезное отношение к занятиям. Мы серьезно работаем, серьезно развлекаемся. Свободное время проводим с самыми живыми и веселыми девочками, дитя мое. А учебное – с самыми прилежными и усидчивыми. Ты поняла меня, Эстер?

– Я стараюсь понять, но все это как-то странно.

– Так и должно быть сначала. Ты встретишь немало трудностей, но пусть тебя это не пугает. Если в тебе сильная душа, ты скоро отыщешь правильный путь. Скажи мне, дружочек, ты уже познакомилась с кем-нибудь?

– Да, Сесиль Темпл была очень добра ко мне.

– Она одна из лучших наших учениц. Постарайся подружиться с нею, Эстер. Она честная и добрая девушка. Я не ошибусь, если скажу, что у нее чуткое сердце.

– Еще одна девочка хотела познакомиться со мной. Но с ней я не должна дружить, не правда ли?

– Кто же это?

– Энни Форест. Она мне очень не нравится.

– Энни, всеобщая любимица? Ты скоро изменишь мнение о ней, я надеюсь. О, слышишь? Звонят к молитве! Пойдем в часовню, я представлю тебя мистеру Эвераду.

Глава VI. Я так несчастна!

На утреннюю и вечернюю молитвы в часовне школы собиралось около сорока или пятидесяти девочек различных возрастов. Эта часовня, заново отремонтированная, принадлежала ранее монастырю, на развалинах которого был выстроен «Лавандовый дом». Ее стены и готические окна с витражами уцелели от прежних времен. Благодаря приподнятым сводам и искусно рассчитанным пропорциям все сооружение выглядело величественным и внушительным.

Миссис Виллис любила свою часовню. Здесь, по ее мнению, воспитанницы получали наилучшие уроки, и не раз приходилось ей приводить сюда слишком строптивых питомиц для назидательной беседы. Каждый вечер, в девять часов, приходил местный викарий для совершения общей молитвы. Почтенный старец был истинным другом директрисы и считал ее воспитанниц важнейшими членами своей паствы.

В этот вечер Эстер вместе с другими девочками пришла в часовню. Смутное состояние, в котором находилась ее душа, и чувство тягостного одиночества особенно располагали к молитве. Когда стройный хор девичьих голосов пропел под звуки органа заключительный гимн, миссис Виллис взяла Эстер за руку и подвела к седовласому викарию.

– Вот моя, или, вернее, наша новая ученица, мистер Эверад. В ее воспитании вы будете принимать участие не меньше моего.

Взяв Эстер за руки, викарий повернул ее к свету.

– Лицо как будто знакомо мне. Виделись мы где-нибудь, дочь моя? – спросил он.

– Нет, сэр, – смущалась Эстер.

– Вы видели ее мать, – пояснила миссис Виллис. – Помните Элен Энстей? Она была вашей любимой ученицей много лет назад.

– Элен Энстей, конечно... Ее я не забуду никогда. Так вы ее дочь, дитя мое?

Но Эстер не слышала этих слов. Волнение и многочисленные впечатления трудного дня расстроили ее нервы. Ей показалось, что часовня и все присутствующие завертелись вокруг нее, и если она не потеряла сознания, то только благодаря тому, что нервный припадок разрешился слезами.

– О, я так несчастна, мне так плохо без мамы! – рыдала она. – Пожалуйста, прошу вас, не говорите о ней.

Эстер едва ли была в состоянии понять ласковые речи, с которыми обращались к ней викарий и миссис Виллис. Последняя расчувствовалась до того, что обняла и поцеловала свою воспитанницу, проявив тем самым нежность, не свойственную сдержанному характеру англичан.

Появившаяся мисс Дейнсбери отвела Этти в ее комнату, помогла ей раздеться и уложила в постель.

— Теперь, дорогая, съешьте немного горячей каши. Нет-нет, ни слова. Ведь я видела, что вы почти ничего не ели за чаем. Нервный припадок и чувство томления, которое вы испытываете, — в том числе и от голода. Я уверена в этом, дорогая. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Ну, кушайте же. А теперь закройте глаза и постарайтесь заснуть.

— Вы очень добры ко мне, и миссис Виллис тоже. И мистер Эверад. Сесиль Темпл мне очень нравится, но... ах, как бы я хотела, чтобы Энни Форест не было в школе.

— Тише, тише, моя дорогая, я прошу вас. Мне очень грустно это слышать. Я уверена, что скоро вы будете думать иначе и полюбите нашу Энни.

Эстер промолчала, но по ее глазам видно было, что она остается при своем мнении.

Глава VII. Первый день в школе

Эстер Торnton заснула со смутным ощущением того, что в школе, куда она попала, большого порядка нет, и каждый здесь делает, что хочет. Но после пробуждения от подобных мыслей не осталось и следа.

Утренние часы в школе были строго упорядочены. Громкий звонок разбудил Эстер, когда было еще совсем темно. Она вскочила и в испуге села в постели. Вошла опрятная горничная с кувшином теплой воды, зажгла свечи на камине и, объявиив, что через полчаса будет другой звонок и что к семи часам девицы должны собраться в часовне, вышла.

Эстер достала из-под подушки свои хорошенъкие золотые часики и тяжело вздохнула. Они показывали половину седьмого.

— Как рано они здесь встают, — проговорила она про себя. — Недаром я всегда думала, что школа — самое невыносимое место.

Минут пять понежившись в постели, Эстер встала и начала одеваться — довольно вяло и, по правде сказать, небрежно. Ко второму звонку одеться она все же успела, а вот помолиться — нет. «Это не беда, — подумала она, — ведь мы сейчас пойдем в часовню». Посещение часовни накануне вечером произвело на Эстер столь сильное впечатление, что теперь она шла туда с удовольствием и с тайной надеждой снова увидеть миссис Виллис и мистера Эверада. Викарий выказал ей так много участия и так сочувственно говорил о ее матери, что Эстер всерьез рассчитывала на то, что он пригласит ее провести денек в его семействе. Ей казалось, что мистер Эверад может иметь на нее хорошее влияние и вообще — если бы кто-нибудь, столь же необыкновенный, взялся руководить ею, она была бы способна выносить даже присутствие Энни Форест.

Девочки небольшими группами стекались в часовню, которая была так же ярко освещена, как и накануне. Эстер указали место на одной из задних скамеек. Она уже не занимала почетного места возле начальницы. Теперь она была одной из многих, на нее никто особенно не обращал внимания. Службу совершил помощник викария, молодой, несимпатичный священник. Мистера Эверада не было, а миссис Виллис прошла мимо Эстер, не заметив ее. Для мечтательницы это было не очень приятно, но дальше стало еще хуже.

Миссис Виллис остановилась возле Энни Форест и, положив руку ей на плечо, что-то шепнула девочке на ухо. Цыганское лицо Энни густо покраснело.

— Это для тебя же, дитя мое, — прибавила миссис Виллис.

Эстер услышала эти слова, и в ее душе против воли всколыхнулась зависть.

После молитвы девочки перешли в классную комнату и разместились по классам.^[4] Эстер пока не прикрепили ни к одному классу, поэтому у нее было достаточно времени, чтобы предаться мрачным мыслям и помучиться ревностью по поводу Энни Форест, которой начальница отдавала заметное предпочтение. Так во всяком случае казалось Этти.

«Как только выносят эту шумную Энни мистер Эверад и миссис Виллис, которая сама — настоящая леди», — думала Эстер. Ее размышления были прерваны резким замечанием француженки.

— Mademoiselle, почему вы ничего не делаете? Праздности здесь не терпят. Pardon, вы не понимаете по-французски. Вот вам легкий урок. Выучите его и не зевайте по сторонам.

Этти наградила француженку презрительным взглядом и молча раскрыла протянутую книгу.

В восемь часов подали завтрак, красиво сервированный и вкусный. Эстер к этому времени уже проголодалась и не смущалась, как накануне. Она сидела между двумя девочками, которые заговорили с ней очень приветливо, но Эстер отвечала неохотно, поэтому разговор не клеился.

После завтрака был получасовой перерыв в занятиях, и так как погода была сырая, девочки собрались в уютной рекреационной зале. Эстер поисками глазами Сесиль, та ответила ей приветливым взглядом, но в свой уголок не пригласила. Энни Форест в зале не было, и Эстер вздохнула с облегчением.

Эти полчаса показались новой ученице вечностью. Выросшее в благополучной семье балованное дитя, Эстер не пыталась понять окружавший ее мирок, все интересы школьниц казались ей чуждыми. Подруги нашли ее надменной, скучной и скоро перестали обращать на нее внимание. Ей хотелось поговорить с Сесиль, но та воспользовалась свободной минутой, чтобы написать письмо домой. Эстер надоело бродить одной, и она решила подойти к младшим девочкам.

В школе было от двенадцати до пятнадцати малышей. Эстер с любопытством к ним приглядывалась, стараясь найти хоть отдаленное сходство со своей сестренкой. «Они будут мне рады, — подумала она. — Малыши всегда приходят в восторг, когда старшие обращают на них внимание. Как они возились вчера с Энни Форест! Нэн ведь очень любит меня, и вообще дети понимают, с кем имеют дело».

Малыши играли на своей половине залы и шумели, как пчелки. Эстер

любила детей. Некоторые из самых маленьких так напоминали Нэн, что сразу же привлекли ее сердце. Она присела на корточки и взяла в руки безголовую куклу.

— Я знаю девочку, у которой точь-в-точь такая кукла.

Несколько пар глаз с любопытством уставились на нее.

— Бедная куколка сломалась, — объявила одна девочка с глубоким огорчением.

— Ты все ломаешь, Мэг, — заметила пятилетняя сестренка собственницы куклы, а потом обратилась к Этти. — Пожалуйста, расскажите нам про девочку, у которой такая же безголовая кукла.

— Она отвезла куклу в лазарет, — улыбнулась Эстер, — там кукла поправилась и стала лучше прежнего.

Это сообщение крайне заинтересовало публику. Эстер с любовью глядела на Мэг, большие черные глаза которой так напоминали ей Нэн. Но тут дверь с шумом распахнулась, и веселый голос запел:

Волшебница-царица сейчас ко мне пришла,
Гостинцев умным деткам с собою принесла.

В ту же минуту дети дружно вскочили на ноги и захлопали в ладоши:

— Энни! Энни пришла!

Они бросились к своей любимице, а Эстер осталась в одиночестве с безголовой куклой в руках. Вспыхнув с досады, она не заметила устремленный на нее торжествующий взгляд черных глаз. Взяв какую-то книгу, Этти села в угол, стараясь сдержать готовые хлынуть слезы.

Наконец томительные полчаса перерыва кончились, и старшие девочки под предводительством мисс Дейнсбери вернулись в классную комнату. Начались серьезные занятия. Интересно было бы проследить за выражением молодых лиц, склонившихся над столами. Все ученицы прилежно занимались своими делами, дисциплина была образцовой.

Эстер в большом смущении осталась стоять, не зная, что ей делать. Она уже собиралась тихонько сесть на стоящий неподалеку стул, как мисс Дейнсбери подошла к ней:

— Следуйте за мною, мисс Торnton.

Они пересекли длинную классную комнату и, откинув тяжелую портьеру, вошли в кабинет, где за письменным столом сидела миссис Виллис. На директрисе вместо серого платья теперь было черное, поэтому, вероятно, она показалась Эстер гораздо строже, чем накануне. Она не

протянула руки и не поцеловала Эстер, а деловым тоном произнесла:

— Мне нужно тебя проэкзаменовать, Эстер, и определить в соответствующий класс.

Эстер была способной девочкой, поэтому экзамен выдержала весьма достойно. Миссис Виллис осталась довольна ее познаниями в английском языке. Французский был плох, немецкий – удовлетворителен.

— Я довольна твоим общим развитием, Эстер, и мне кажется, ты одарена хорошими способностями, – сказала начальница. — Я попрошу мисс Гуд, нашу учительницу английского, отвести тебя в третий класс. Однако тебе придется поработать над своим французским. Мадемуазель Перье добра и внимательна, она поможет тебе. Старайся больше говорить по-французски, чтобы приобрести практику. А теперь, дружок, иди в класс.

— Позвольте мне остаться еще на одну минутку. Мне нужно вам кое-что сказать.

— Относительно уроков?

— Нет-нет. Я хотела...

— Тогда извини, дорогая. От восьми до половины девятого я в распоряжении моих учениц, если им нужно поговорить со мной. Но во время уроков можно говорить только об уроках. Ах, вот и мисс Гуд. Прошу вас, мисс Гуд, посадить Эстер Торnton в третий класс. По английскому языку она вполне подходит, а что касается французского – я поговорю с мадемуазель Перье сама.

Эстер последовала за учительницей английского в классную комнату, заняла место в третьем классе за указанным ей столом и получила целую кипу новых книг. Шел урок истории.

Несмотря на недовольство начальницей, которая, как ей показалось, изменила к ней отношение, Эстер сумела обуздать свои чувства и держалась в классе с таким достоинством, что подруги стали уважительно поглядывать на нее. За историей последовала английская литература, здесь Эстер опять отличилась. Читали драму Шекспира «Юлий Цезарь», которую она раньше уже изучала с матерью.

Но когда наступила очередь языков, ее триумфу пришел конец. Ниже и ниже опускалась она во мнении своих сверстниц, по мере того как коверкала французские слова. Мадемуазель Перье, вспыльчивая француженка, покрикивала на нее, а ученицы хихикали. Эстер надеялась вернуть лавры на уроке немецкого языка, который ей нравился гораздо больше французского. Но от непривычных усилий голова у нее так разболелась, что больших успехов достичь не удалось.

В полдень уроки закончились. Мисс Гуд приказала воспитанницам

одеваться и готовиться к прогулке.

Прогулка, длившаяся целый час, была тяжелым испытанием для Эстер. Нельзя было ни бегать, ни играть, ни говорить по-английски. Она так тяжело вздыхала, что другие, поглядывавшие на нее втихомолку, согласились с мнением Энни Форест: Торnton действительно угрюмая и необщительная девочка.

За прогулкой последовал обед, потом получасовой перерыв и долгожданная усиленная болтовня на родном языке.

В три часа все опять собирались в классной комнате, но теперь девочке ждали занятия более приятные. На уроке рисования Эстер старательно срисовала старый дуб, надеясь получить похвалу учителя. Каково же было ее разочарование, когда тот, посмотрев рисунок, перечеркнул его карандашом крест-накрест:

— Я просил вас особенно не тушевать, мисс Торnton. Ведь я объявил, что сегодня будет урок очертаний. Вы получили растущеванный рисунок только для того, чтобы срисовать очертания. Разве вы не поняли?

— Сегодня первый день, как я здесь, — ответила совсем сконфуженная Эстер.

Учитель улыбнулся, и тем все кончилось.

Затем у Эстер был урок музыки. Учитель, маленький сухонький старичок, отличался изрядной раздражительностью, но так как Эстер играла неплохо, ей досталось всего несколько ударов по пальцам.

Потом пили чай, полчаса отдыхали и затем в течение двух часов готовили уроки на завтра. Эстер, решив стать выдающейся ученицей, прилежно работала. Даже в этот первый день, когда она чувствовала себя несчастной и смущенной, она не раз получала одобрение за быстроту мышления, смекалку и наблюдательность. Всем было ясно, что в будущем, когда она освоится и поймет, что от нее требуется, она будет учиться намного лучше.

Несмотря на усиленные занятия Эстер не могла не заметить, что Энни Форест целый день не показывалась. Ее не было ни в классе, ни в рекреационной зале. Когда часы пробили восемь раз, она вошла в класс и небрежно села на свое место в этом же третьем классе. Глаза ее были опухшими: по-видимому, девочка плакала. Когда ее соседка сочувственно и в то же время вопросительно на нее взглянула, Энни лишь печально покачала головой и ничего не ответила.

Воспитанницы получили по стакану молока и по куску хлеба с маслом. Потом мисс Дейнсбери спросила, не желает ли кто видеть начальницу перед молитвой. Эстер было вскочила со своего места, но

тотчас же села обратно. Миссис Виллис обидела ее тем, что отказалась выслушать, когда она хотела с ней говорить. Самолюбивая девочка решила, что не будет надоедать директрисе.

– Значит, на этот раз никто? – спросила мисс Дейнсбери, заметив движение Эстер.

– Я иду, – заявила Энни Форест, поспешно поднявшись с места. – Вам не нужно, мисс Дейнсбери, показывать мне дорогу, я ее знаю.

Глава VIII. Ты слишком рано меня разбудила!

Когда после вечерней молитвы Эстер пришла в свою комнату, она обнаружила, что уже не является здесь единовластной хозяйкой. В одном углу валялся чулок, в другом — грязная туфля. На подушке, окруженная целой гривой рыжих волос, располагалась круглая, с веснушками, физиономия — и громко храпела.

Эстер остановилась в растерянности:

— Какой ужас! Она храпит. Я не смогу здесь спать!

Она стояла неподвижно и с комическим ужасом смотрела на это новое испытание. В довершение ко всему, новоприбывшая спала на ее постели. Полуоткрыв глаза, незнакомка тягучим голосом, несколько в нос, спросила:

— Ты моя новая соседка?

— Да, к сожалению.

— Пожалуйста, не жалей, милое создание. Сожалеть тут решительно не о чем. Я перестану храпеть, как только повернусь на бок. Но сначала я всегда лежу на спине — и храплю. О, не принуждай меня открывать глаза; мне вовсе не любопытно тебя видеть. У тебя такой грубый голос. Ничего, скоро ты ко мне привыкнешь.

Эти попыталась установить дистанцию и подчеркнуто холодно произнесла:

— Вы лежите на моей постели. Не угодно ли вам перелечь на свою?

— Ах, нет, мне здесь больше нравится. Я раньше на этой кровати спала. Комод я тоже переменила, надеюсь, тебе все равно. Пожалуйста, выставь мои грязные туфли за дверь и повесь чулки на спинку кровати. Я совсем позабыла о них и потеряю балл в поведении, если мисс Дейнсбери вздумает зайти. Спокойной ночи. Я поворачиваюсь на бок, больше храпеть не буду.

Круглое лицо теперь было видно в профиль. Эстер, зная, что мисс Дейнсбери непременно придет, чтобы посмотреть, потушиены ли свечи, поспешила скорее лечь в постель. Что-то побудило ее, однако, исполнить просьбу соседки. Брезгливо, едва прикасаясь двумя пальцами, она взяла грязные туфли и выставила их за дверь.

Эту ночь Эстер спала лучше, и несносный звонок утром уже не

испугал ее. Горничная пришла как обычно, принесла два кувшина теплой воды и зажгла свечи.

– Вы проснулись, мисс? – спросила она Эстер.

– Проснулась, – ответила Эстер почти весело.

– Прекрасно. Теперь мне надо разбудить мисс Драммонд, и это нелегкая задача. Если вам не трудно, мисс, окликайте ее, когда будете одеваться; то есть, это в том случае, если мне не удастся ее разбудить сразу.

Горничная подошла к кровати, где рыжеволосая девица лежала на спине и хрюпала.

– Мисс Драммонд, проснитесь. Уже половина седьмого. Пора вставать. Я принесла вам теплой воды.

– А? Что? Не надоедайте мне, Энн, я не буду сегодня ездить верхом. Подите прочь.

Все это новенькая говорила в полусне, а потом, засыпая окончательно, начала нести какую-то чепуху о собаках и лошадях.

– Я не лошадь, не собака и не Энн, – проговорила горничная с раздражением. – Вставайте, мисс. Право, я в жизни не видывала такой сони.

– Не надоедай мне! – мисс Драммонд повернулась к стене и захрапела громче прежнего.

– Ничего не поделаешь! – заметила горничная Элис, разводя руками. – Не удивляйтесь, мисс. Ведь каждое утро такая история. Из-за этого у нее никогда нет хорошего балла. Сейчас увидите, что будет.

Горничная взяла губку, обмакнула ее в холодную воду и выжала на лицо спящей. Средство подействовало. Соседка Этти раскрыла свои бесцветные глаза и спокойно проговорила:

– Благодарю вас, Элис, стало быть, я опять здесь, в этой противной школе.

– Спустите ноги, мисс Драммонд, иначе вы опять заснете. Теперь надо поскорее одеваться, чтобы не опоздать.

Эстер от души повеселилась во время необычной процедуры пробуждения. Она была уже почти одета, а соседка сидела на краю постели и смотрела на нее заспанными глазами.

– Так ты моя новая подруга? Вот оно что! Как тебя зовут?

– Эстер Торnton, – ответила Этти с достоинством.

– А меня Сьюзен Драммонд. Можешь звать меня Сьюзи, если хочешь.

Эстер промолчала, а мисс Драммонд продолжала сидеть, покачиваясь.

– Вы бы лучше одевались, – решилась заметить Эстер, которой

показалось, что удивительное создание заснет даже сидя.

Мисс Драммонд встрепенулась.

– Одеваться? Да-да, милое создание. Будь ангелом, подай мне платье.

– Где оно? – сердито спросила Эстер, которая вовсе не расположена была исполнять должность горничной.

– Вон там, на стуле, в этой грандиозной куче. Наверху плед. Ну, брось его мне! Я уж как-нибудь справлюсь.

Мисс Драммонд кое-как оделась. Даже после этого вид у нее был настолько непривлекательный, что Этти невольно осмотрелась, сравнивая себя с нею.

– Ну, наконец-то. Уф! – проговорила мисс Драммонд. – Какая скуча одеваться. Одно утешение, что в часовне тепло. Я постараюсь спрятаться за кого-нибудь повыше ростом и назеваться всласть. И почему это людям не позволяют хорошоенько выспаться? Не правда ли, странно?

Эстер надевала в это время чистый воротничок. Мисс Драммонд лениво следила за нею.

– Ах, ты мой кролик! – воскликнула она.

– Почему это я кролик? – сердито спросила Эстер.

– Потому, душечка, что ты на него похожа. Не сердись, моя радость. На Сьюзи Драммонд никто не сердится. Скажи-ка лучше, что было вчера на завтрак?

– Я не помню.

– Не помню! Скажите, пожалуйста! Не камешки ли с маслом? Скажи, по крайней мере, были ли яйца свежи, а кофе достаточно крепок? А масло? Первого или второго сорта? Завтрак для меня очень важен.

Эстер пыталась держаться отчужденно:

– Сегодня вы сами увидите, достаточно ли хорош для вас завтрак. Для меня он был хорош, но я не помню, что ела.

– О Боже! Она таки с душком, соседка-то моя. Попробовать разве, не смягчит ли ее шоколадная тянучка?

– Пожалуйста, не разговаривайте, я буду молиться, – сказала Эстер.

Встав на колени, она старалась сосредоточиться, прося у Бога помощи на текущий день. Как ни коротка была молитва, но она ободрила и успокоила девочку.

Прозвонили к молитве, и воспитанницы собрались в часовне. Все приветливо раскланивались с мисс Драммонд, у которой карманы как-то странно оттопыривались. Эстер с облегчением отметила, что ее соседка оказалась в другом классе, да и в столовой сидела поодаль.

После завтрака Эстер не сочла нужным примкнуть к какой-нибудь

компании. Во время перемены она поудобнее устроилась в кресле и принялась читать. Вдруг целый поток леденцов посыпался ей на голову, на шею и на колени. Она с досадой вскочила, а Сьюзи Драммонд тотчас же плюхнулась на ее место.

— Спасибо, душечка, — проговорила она своим тягучим голосом. — Кушай леденцы и смотри на меня. Я сейчас засну. Толкни меня, когда покажется мисс Дейнсбери. О, фуй, маленький кролик! Не будь такой надутой. Соси леденцы — они смягчат выражение твоей рожицы.

С последними словами мисс Драммонд заснула.

Глава IX. Труды и забавы

Прошло несколько дней, и Эстер понемножку привыкла к школьной жизни. Она освоилась со школьными порядками и приобрела если не любовь, то уважение своих новых подруг. Она прилежно училась, делала большие успехи во французском языке и вообще оказалась способной; учителя и учительницы ее хвалили. Пробы в «Лавандовом доме» две недели, Эстер стала находить, что сестры Брюс были правы, говоря, что школа – приятное место для некоторых девушек. Только не для нее, конечно. Она была слишком застенчива и необщительна, чтобы сближаться с подругами. Все их интересы были ей чужды. Она не умела приспосабливаться к обстоятельствам, не понимала наслаждения обмениваться мыслями и одолжениями, не могла пропустить без внимания насмешливый взгляд или необдуманное слово. Все, что касалось уроков, она исполняла добросовестно; но в самом труднейшем уроке – выработке характера, для которого общество товарищей дает так много материала, – Эстер не делала ни малейших успехов. День ото дня она все более замыкалась в себя, избегая общества подруг, насколько возможно. Одна Сесиль Темпл ей искренне нравилась, и с ней Этти охотно разговаривала.

У миссис Виллис были собственные приемы воспитания, выработанные долгим опытом. Она применяла их в течение тридцати лет, и ни разу ей не приходилось жалеть об этом. Ее школа давала воспитанницам больше свободы, чем другие подобные учреждения. Девочкам позволялось болтать в спальнях, во время перемен за ними никто не следил, их писем не читали. Только ежемесячные официальные письма к родственникам начальница просматривала. Когда кто-то выражал удивление по поводу свободы, которой пользовались ученицы, миссис Виллис отвечала:

– Я убедилась, что гораздо лучше доверять воспитанницам. Если какая-нибудь девочка злоупотребит моим доверием, я попрошу родителей забрать ее и поместить в более строгую школу.

Способствовали такому воспитанию и те полчаса, которые директриса уделяла нуждающимся в откровенной беседе. В эти минуты миссис Виллис оставляла роль воспитательницы и становилась матерью. Она не бранила строптивых учениц, а лишь уговаривала их и убеждала. Если это не помогало, она прибегала к последнему средству: приглашался викарий. С девушкой, которая оставалась невосприимчивой к нежному материнскому

внушению, должен был поговорить духовный отец. Но к такой мере прибегали редко.

— Ваше влияние должно быть господствующим, — говорил господин Эверад. — В исключительных случаях я поддержу вас, но, кроме вечерних молитв, моих уроков и воскресных проповедей, я не желал бы вмешиваться в ваши дела. Девочкам гораздо лучше иметь дело с вами.

Так думали и сами воспитанницы. Поэтому, когда начальнице приходилось раз или два в году приглашать для увещеваний викария, все пребывали в крайне подавленном состоянии и говорили об этом событии с нескрываемым ужасом.

Миссис Виллис делала все возможное, чтобы ее воспитанницы были счастливы и довольны. С этой целью и были устроены «уголки» в рекреационной зале.

— Для старших девушки нет большего удовольствия, как иметь собственный «уголок», — говорила она, — где каждая из них — полная хозяйка. Никто не смеет войти туда без ее приглашения. «Уголок» этот она может убрать по своему вкусу, разместить там все свои сокровища. Словом, этот «уголок» должен составлять как бы часть ее родного дома.

В рекреационной зале можно было устроить только двадцать «уголков», и заслужить их было нелегко. Высоких баллов по отдельным предметам было недостаточно, много зависело и от поведения. Мало того, нужно было отличиться чем-нибудь особенным. Определенных правил для этого не существовало. Миссис Виллис лично назначала «уголки», ее выбор нередко удивлял и самих избранных.

Получить «уголок» было трудно, но еще сложнее было его удержать. На это у начальницы тоже были собственные взгляды. Во время перерыва девочки иногда видели, как какая-нибудь «гостиная» очищалась от всех украшений, вещи уносились — и одна только провинившаяся знала причину такой перемены. Энни Форест за четыре года пребывания в школе, владела «уголком» в течение одного-единственного месяца. Она получила его в награду за самоотверженный поступок. Одна из младших воспитанниц однажды случайно подожгла свой передник. Старших поблизости не было, и девочки с криком побежали за помощью. Только Энни не растерялась и руками потушила огонь. Малышка была спасена, а Энни пролежала целую неделю в лазарете. Когда она вернулась в класс, ее встретили как героиню. Миссис Виллис поцеловала ее и наградила прехорошеньким «уголком», которым Энни владела не больше месяца.

Все воспитанницы «Лавандового дома» помнили это счастливое время. Свою гостиную Энни оформила в японском вкусе, так, как ей

нравилось. В этом маленьком пространстве совершались всевозможные проказы, здесь был центр самого шумного веселья. Толпы девочек постоянно вертелись около него, надеясь на приглашение. Избранных Энни уговаривали чаем из японского сервиса. Нечего и говорить, что внутри «уголка» царил полнейший хаос. Все кончилось, когда однажды Энни до того расшалилась, что опрокинула столик с японским прибором: посуда разбилась вдребезги, а чай и молоко пролились на пол. В этот же вечер миссис Виллис послала за Энни. От директрисы девочка вернулась с заплаканными глазами.

– Ну, мои дорогие, – объявила она подругам, – я не сумела достойно управлять своим царством, за что и была свергнута с престола. Увы, задача оказалась мне не по силам.

На другой день «уголок» был передан другой собственнице.

Воскресенья в «Лавандовом доме» считались самыми тоскливыми днями; но миссис Виллис, заботившаяся о том, чтобы ее ученицы не скучали, нашла средство и эти дни сделать приятными. Она целый день проводила с воспитанницами и была такой, как в вечерние получасы: простой, неофициальной – словом, доброй матерью. В эти дни она никого не бранила и не наказывала. Начальница обыкновенно усаживалась в кресло, малыши окружали ее, а старшие толпились неподалеку.

От милого и приветливого лица словно исходили лучи, согревавшие девочек. Директриса казалась воспитанницам олицетворением богини милосердия. Ее присутствия было достаточно, чтобы скучный праздник показался веселым. Только дети с дурными наклонностями продолжали дуться и выражать недовольство.

Миссис Виллис обладала особым умением направлять своих воспитанниц и пробуждать их энергию. В воскресенье не было ни уроков, ни наказаний. Девочки писали письма, читали, бродили по дому. Все двери были открыты, в том числе и личные апартаменты начальницы. Все предоставлялось в их распоряжение. Если погода была хорошей, воспитанницы ходили в церковь. В дождливые дни мистер Эверад служил в часовне.

Самым приятным был воскресный вечер, его старшие девочки проводили в гостиной миссис Виллис. Директриса много рассказывала и потом пела. В свои шестьдесят лет она сохранила чудный голос. Когда Энни в первый раз услышала ее пение, она не могла удержаться от слез. Только двое видели эти слезы – начальница и Энни Форест. Миссис Виллис приласкала девочку и шепнула ей несколько ободряющих слов. Энни Форест ничего не сказала, но подумала, что у новенькой, пожалуй,

есть сердце, хотя она и смотрит букой.

Вечером директриса лично обходила все кроватки, целовала своих питомиц и благословляла на труд грядущей недели. Не раз эта материнская ласка пробуждала самые лучшие намерения, и если не все они тотчас же выполнялись, то доброе семя было все-таки брошено и в конце концов приносило плоды.

Глава X. Разные разности

Впечатлительная и бурная Энни Форест, вне всякого сомнения, была любимицей школы. Она вечно попадала в разные переделки, тотчас же раскаивалась, но природа брала свое, и добрые ее намерения снова разлетались в прах. При всем том Энни была такая хорошенькая, такая милая, добрая, остроумная, веселая, что мало кто мог устоять против ее неотразимой привлекательности. Малыши просто обожали ее; девочки восхищались ее блестящими качествами, не замечая слабостей. Девушки постарше и поблагоразумнее старались ее сдерживать, но это не мешало им поддаваться ее обаянию, как и всем остальным.

Только Эстер не находила в Энни ничего привлекательного. Сразу же определив ее как дурно воспитанную девочку и немало подивившись ее несомненной популярности, она вздернула носик и решила, что такая мисс Форест не будет иметь на нее влияния.

Для своих двенадцати лет Эстер была очень наблюдательна и вдумчива. Не поддавшись чарам маленькой волшебницы, она видела ее недостатки яснее, чем другие. У блестящей, очаровательной Энни их было множество. Она была легкомысленна и непостоянна. Обладая горячим сердцем, своими необдуманными поступками она часто вовлекала в беду даже тех, кого очень любила. Энни обожала миссис Виллис и почитала ее выше всех на свете. Бывали минуты, когда она до того увлекалась, что страстно желала иметь возможность пожертвовать ради нее жизнью. Однажды во время болезни начальницы Энни просидела всю ночь на площадке около ее двери и сама сильно простудилась. Никакими силами девочку не могли увести с ее поста, пока ей не позволили наконец взглянуть на директрису, чтобы убедиться, что та вне опасности.

— Докажи мне свою любовь, Энни, иди вниз и не нарушаи порядка, — проговорила миссис Виллис.

— Никогда в жизни я не нарушу порядка, миссис Виллис, только бы вам было лучше, — ответила девочка.

Она спустилась вниз с твердым намерением вести себя хорошо, но не прошло и часу, как уже была наказана за непослушание.

Однажды в среду, когда занятия продолжались только до обеда,^[5] Сесиль Темпл пригласила Эстер Торnton и первоклассницу^[6] Дору Рассел в свой «уголок» на чай с шоколадными вафлями. Девочки сидели вокруг маленького столика на трехногих легких стульчиках и вели себя как

благовоспитанные леди, когда из-за портьеры вдруг выглянуло лукавое лицо Энни, окаймленное легкими непослушными завитками.

– Мне позволено будет войти в святынище?

– Конечно, Энни, – приветливо ответила Сесиль, – я достану чашку и блюдечко, а чаю в чайнике еще достаточно.

Энни вошла и без церемоний уселась на пол, не обращая внимания на строгий взгляд Эстер и на ледяное выражение лица Доры. Вечно увлекающаяся Энни была всецело поглощена мыслью, которая пришла ей в голову. Она полагала, что следует сделать подарок миссис Виллис, и хотела знать мнение остальных по этому поводу.

– Я хочу сделать ей подарок через неделю, – с жаром объявила Энни. – Хотите присоединиться ко мне?

– Но ведь нет никакого повода для этого, – возразила Сесиль Темпл. – В будущую среду не будет ни дня рождения миссис Виллис, ни Рождества, ни Пасхи. Среда как среда, и ничего больше. С какой стати нам делать подарок миссис Виллис?

– Сегодня утром она была такая грустная! Право, ей будет приятно такое доказательство нашего внимания. Это бы ее утешило, я уверена.

– Фу, – скривилась Эстер.

– Как ты смеешь гримасничать, когда я говорю о нашей начальнице! – вспыхнула Энни, с негодованием глядя на Эстер своими большим глазами. – Сесиль, пожалуйста, преподнесем ей букет или какую-нибудь безделушку. Просто, чтобы она видела, как мы ее любим.

– Вы же первая ее и не любите, – оборвала ее Эстер.

Перчатка была брошена. Энни вскочила на ноги и осыпала Эстер целым потоком колкостей. Эстер тоже не стала себя сдерживать и заявила во всеуслышание, что любовь доказывается не словами, а действиями; и если бы Энни хорошо училась и не отступала от правил заведения, этим она выказала бы гораздо более любви начальнице, чем ничтожными знаками внимания. Эстер говорила правду, но слова ее были резки; они уязвили Энни до глубины души. Из красной она сделалась совершенно бледной, и на глазах ее выступили слезы.

– А ты жестока, – проговорила она сдавленным голосом и, откинув портьеру, вышла из владений Сесиль в общую залу.

Оставшиеся девочки долго молчали. Эстер старалась уверить себя в том, что она была права, говоря с Энни в таком тоне, но в глубине ее души шевелилась жалость к этой девочке, лицо которой вдругисказилось страданием. Она, присмирев, сидела с чашкой в руках на трехногом стуле, потягивая остывший чай.

Сесиль Темпл первая нарушила молчание.

– Как ты могла! – с упреком сказала она. – Руководить поступками Энни совсем непросто, да и не так надо исправлять ее. Миссис Виллис было бы очень неприятно, если бы она слышала твои слова. Ты слишком беспощадна. Я бы не хотела показаться невежливой, но мне нужно уйти. Я пойду поискать Энни.

– А я пойду к себе, – объявила мисс Рассел, вставая.

– Может быть, ты заглянешь ко мне вечером, после чая, – прибавила Сесиль, обернувшись к Эстер с приветливой улыбкой.

– Прости меня, – сказала Эстер, взглянув на подругу полными слез глазами. – Я совсем не хотела быть жестокой, но, право, смешно, что вы все так балуете эту девочку. Вероятно, за хорошенъким лицом не видны ее недостатки.

– Ты предубеждена против нее, Эстер, – кротко заметила Сесиль. – Ты сразу невзлюбила Энни. Не задерживай меня, я должна сейчас же найти ее. Боюсь, что твои слова наделали много вреда. Энни – особенная девочка. Если б ты знала все обстоятельства, то была бы к ней гораздо снисходительнее.

Она поспешило выбежала, а Эстер, оставшись в одиночестве, глубоко задумалась. Упрямая от природы, она вовсе не собиралась отступать от своего мнения, даже ради Сесиль Темпл. Тем не менее слова Сесиль произвели на нее впечатление.

Вечером, после чая, Сесиль вошла в свой «уголок» вместе с Энни. Обыкновенно бледное лицо девочки пылало, глаза горели. Она была чудо как хороша в эту минуту. Вся ее внешность выражала готовность на всякие проделки. Словом, девочка окончательно распоясалась. За чаем мадемуазель Перье беспрестанно покрикивала на нее по-французски. Энни тотчас же принимала вид кроткой овечки, но едва француженка опускала глаза, шалунья пускала в ход мимику, да так, что подруги с трудом сдерживали смех. Не раз она задорно взглядала на Эстер, но, встретив ее взгляд, тотчас же напускала на себя показное равнодушие.

После чая Дора Рассел удивила всех своих одноклассниц. Она прямо подошла к Эстер и, взяв ее под руку, повела в свой «уголок».

– Должна сказать тебе, что я полностью согласна с твоим мнением относительно Энни Форест, – сказала Дора, когда они вошли в «уголок». – Ты очень смело говорила с ней сегодня. Вообще я не интересуюсь третьеклассницами и редко замечаю Энни Форест, но полагаю, что она действительно избалована и твой урок пойдет ей на пользу.

Такое одобрение со стороны старшей воспитанницы, гордой мисс

Рассел, окончательно вскружило голову бедной Эстер.

– О, я так рада, что ты со мной согласна, – проговорила она, покраснев от удовольствия.

– Видишь ли, – прибавила она многозначительно, – дома я привыкла к самому изысканному обществу.

– Это заметно, – кивнула мисс Рассел.

– Я нахожу, что Энни дурно воспитана, и не понимаю, почему мисс Темпл так ее любит.

– О, Сесиль слишком добра, она во всех людях видит только хорошее. Энни, конечно, не дворянской крови. Наконец-то нашелся хоть один человек в школе, способный распознать это. Мне, первокласснице, конечно, нет никакого дела до мисс Форест, но я считаю, что миссис Виллис не совсем красиво поступает относительно своих воспитанниц, оставляя среди них девочку такого сорта. Я искренне сочувствую тебе, Этти, и приглашаю заглядывать в мой «уголок».

За портьерой послышался подозрительный шорох. Дора выглянула, но поблизости никого не оказалось.

Все девочки, не обладавшие «уголками», столпились на другом конце залы, вокруг старшей ученицы Эммы Маршалл, развлекавшей подруг интересными рассказами.

Проговорив еще некоторое время, Эстер и Дора рука об руку вошли в классную комнату. Такое проявление дружбы со стороны старшеклассницы наполняло сердце Эстер гордостью.

Увидев эту пару, Сьюзи Драммонд, которая несмотря на возраст была только в четвертом классе, бросилась к Энни Форест и что-то шепнула ей.

– Точно, как я говорила! – прибавила она громко, из чего можно было заключить, что предмет разговора был ей небезразличен.

Энни дружески ущипнула ее за щеку, и Сьюзи вернулась на свое место, получив выговор от учительницы.

Мисс Рассел уселась со своим обычным важным видом. Она была неглупой девушкой, но тщеславной и благородством души не отличалась. В этом году Дора заканчивала обучение. Родители ее были богаты, и благодаря своему общественному положению Дора пользовалась в классе некоторым влиянием. Никто ее особенно не любил, зато никто и не ненавидел. Класс с ней ладил, и для Доры этого было более чем достаточно: она была совершенно равнодушна и к похвале, и к порицанию. Она в большой мере обладала пагубным свойством, которое более всего отталкивает людей, а именно – эгоизмом.

Теперь она сидела за своим столом, даже не подозревая о том вреде,

который нанесла Эстер своим необдуманным одобрением ее поступка. Впрочем, если бы она и знала об этом, все равно не изменила бы своего поведения. Просмотрев заданные уроки, она решила, что они не потребуют много времени, и, взяв книгу, искусно спрятанную под тетрадями, начала читать ее. Дора знала, что нарушает правила, но это ее не останавливало, поскольку по природе она была столь же легкомысленной, как и Энни, но далеко не так обаятельна.

Мисс Рассел отличалась большой аккуратностью. В ее столе царил безупречный порядок. Ее руки всегда были чисты, а волосы гладко уложены. Когда приготовление уроков закончилось, Дора сложила книги и тетради в стол и закрыла крышку. Эстер посмотрела Доре вслед, когда та выходила из классной комнаты, ожидая, что она на нее взглянет. Но мисс Рассел о ней уже забыла – ее внимание и похвала были мимолетными.

В этот вечер Сьюзен Драммонд вела себя в спальне очень странно. Куда только подевалась ее обычная слащавая любезность по отношению к Эстер! Сегодня она как будто не замечала соседку. А потом и вовсе приступила к каким-то непонятным приготовлениям.

– Что ты делаешь, Сьюзи? – поинтересовалась Эстер.

– А тебе что за дело? – мисс Драммонд раскраснелась от досады. – Иди на свое место и оставь меня в покое! Иначе я не успею сделать, что мне нужно, до того как мисс Дейнсбери придет гасить свечи.

Эстер нисколько не обидел такой ответ. Она с интересом наблюдала за Сьюзен, которая, сидя на постели, старалась соединить шнурком большой палец ноги с перекладиной кровати. Будучи довольно неуклюжей, девочка кряхтела, сопела и обливалась потом.

– Что ты такое делаешь? – смеясь, спросила Эстер.

– Ох, ты прямо шпионка! Я всего лишь хочу пораньше встать, вот и все. Когда я повернусь, шнурок дернет меня за ногу, и я поневоле проснусь. Если бы ты была добрее, я дала бы другой конец шнурка тебе, но с тобой это невозможно.

– Конечно, я не собираюсь утруждать себя, только чтобы разбудить такую соню. На твоем месте я бы больше рассчитывала на губку с холодной водой, чем на это сомнительное приспособление.

– А теперь я хочу спать, – отрезала мисс Драммонд. – Ложусь на спину и начинаю храпеть. Спокойной ночи.

Засыпая, Эстер слышала мычание Сьюзи. Очевидно, шнурок, привязанный к пальцу, беспокоил ее.

Этти спала крепко, как все девочки ее возраста. Но для всей школы было бы лучше, если б она бодрствовала. Увы, она не слышала, как среди

ночи Сьюзен встала, завернулась в теплую шаль и выскользнула из комнаты. Вернулась она лишь спустя полчаса. Зато к утру мисс Драммонд спала так крепко, что даже мокрая губка не могла ее разбудить.

– Потяните за шнурок, Элис, – посоветовала Эстер горничной. – Она привязала себя за ногу к кровати. Дерните посильнее, может быть, подействует!

Но ни на пальце Сьюзи, ни на перекладине кровати шнурка не оказалось. На полу его тоже не было.

Глава XI. Что оказалось в классном столе

На следующее утро, когда ученицы расселись по своим местам в классной комнате, мисс Гуд показала им новенькую книжку и поинтересовалась, кому она принадлежит. Роман! Книги такого рода в школе были строжайше запрещены.

— Горничная нашла его на полу, когда подметала класс, — продолжала учительница. — Первая страница вырвана, поэтому я не знаю, кому из вас книга принадлежит.^[7] Однако я прошу владелицу встать и объявить свое имя, иначе я должна буду доложить об этой неприятной истории миссис Виллис.

Мисс Гуд закончила свою речь и обвела глазами классную комнату. Девочки, пораженные столь вопиющим нарушением школьных правил, молчали.

Эстер, наверное, и сама не могла бы объяснить, почему вдруг так забилось ее сердце. Никто на нее не смотрел, все взоры были устремлены на учительницу.

— Девочки, — снова заговорила мисс Гуд. — Я даю вам минуту на размышление. Если никто не признает книги, я передам дело в руки миссис Виллис.

Наконец, на середину класса вышла высокая девушка в сером кашемировом платье и без всякого смущения, ясным и твердым голосом сказала:

— Я и не думала отрицать, что книга моя. Просто пыталась понять, как она очутилась на полу, потому и ответила не сразу. Вчера вечером я аккуратно положила книгу в стол. Это обстоятельство следовало бы выяснить!

— О! о! — послышалось с разных концов. — Кто бы подумал, что Доре Рассел придется дождаться такого унижения!

— Внимание, девочки. Прошу вас не шуметь. Стало быть, этот роман принадлежит вам, мисс Рассел. Я правильно поняла вас?

— Да, мисс Гуд.

— Зачем вы держали его в классном столе? Вы читали во время подготовки домашнего задания?

— О да, конечно.

— При этом вы сознавали, что нарушаете правила школы. Вы не могли не знать, что в классе запрещено держать посторонние книги, и в

особенности романы. Можете сесть на место, а книгу я конфискую.

Мисс Рассел сдержанно поклонилась и отправилась на место. Она казалась невозмутимой, только слабый румянец на нежных щеках выдавал ее волнение.

Уроки пошли своим чередом; во время перерывов таинственная находка книги служила предметом оживленных разговоров между воспитанницами. Девочки, как всегда, разделились на группки. Одни жалели Дору, другие злорадствовали. Эстер, разумеется, была на стороне Доры. Она следила глазами за мисс Рассел, надеясь, что та, может быть, подойдет к ней.

Но Дора и не подумала подходить. Она избегала говорить об этом предмете с подругами, и никто не знал результатов ее беседы с миссис Виллис. О наказании тоже ничего не было известно. Девочки полагали, что у нее отнимут «уголок», но этого не случилось. По прошествии нескольких дней история с романом была забыта.

Тем не менее в школе ощущалось какое-то волнение, как будто легкий ветерок всколыхнул зеркальную поверхность озера. Сьюзи Драммонд, самая неинтересная из обитательниц «Лавандового дома», часто прогуливалась с Энни Форест и о чем-то оживленно с ней разговаривала. Иной раз Энни слушала внимательно, смеялась, иной раз отрицательно качала хорошенкой головкой.

Энни всегда возглавляла всевозможные проказы и шалости и часто бывала за них наказана. Но кроме нее самой никто из девочек ни разу не пострадал. Она была легкомысленна и безрассудна, но всегда благожелательно относилась к своим подругам. Энни никогда не злословила, ее остроумие не ранило окружающих, поскольку по большей части было направлено на нее саму. Старший класс мало обращал на нее внимания, но остальные легко подпадали под ее влияние. Сто раз на дню Энни ссорилась с одноклассницами и сто раз мирилась, но это нисколько не умаляло ее обаяния.

Эстер была единственной из учениц, кто отнесся к ней недоброжелательно. Несмотря на это добродушная Энни постаралась сблизиться с нею, но, убедившись в бесплодности своих попыток, оставила ее в покое. При этом она не чувствовала к ней враждебности до той минуты, пока девочки не встретились в «уголке» Сесиль. Оскорбительные слова Эстер привели к тому, что пылкая девочка отвернулась от нее.

С этого дня Энни заметно изменилась. Она не была так весела, как прежде, в ней появилась какая-то раздражительность, подталкивавшая ее все делать назло. Ее внезапная дружба с Сьюзен Драммонд не шла ей на

пользу, а Сесиль Темпл, имевшую на нее хорошее влияние, Энни намеренно избегала.

История с романом Доры была позабыта, но спокойствие, царившее до той поры в школе, не восстановилось. С собственностью воспитанниц продолжали происходить странные вещи.

Эстер оказалась одной из пострадавших. Будучи аккуратной от природы, она содержала вещи свои в порядке, особенно оберегая тетради и книги. Можно себе представить ее ужас, когда однажды утром она обнаружила, что ее тетрадь по французскому языку испачкана и одна страница из нее вырвана. Мадемуазель Перье принялась жестоко бранить ее за неряшливость. Этти пыталась объяснить ей, что непричастна к бессмысленному преступлению, но француженка лишь пожимала плечами и поднимала брови, давая понять, что чем меньше Эстер будет говорить об этом, тем лучше.

В качестве наказания Этти должна была заново переписать урок и осталась для этого в классе. Девочке показалось, что Энни Форест насмешливо посмотрела на нее.

– Сесиль, – позвала Эстер проходившую мимо мисс Темпл.

Сесиль остановилась.

– Что случилось, Этти? Ах, как жаль, что ты должна сидеть взаперти в такой чудный день.

– Я не виновата, – пожаловалась Эстер. – Мне бы и в голову не пришло пачкать тетрадь или вырывать из нее страницы. Почему мне не верят и наказывают, если я не виновата?

Сесиль выглядела смущенной и грустной.

– Мне нельзя здесь стоять, Эстер, – шепнула она, – это нарушение правил. Приходи потом в мой «уголок», и мы поговорим об этом.

Но и обсудив все детали, подруги не сумели приблизиться к разгадке таинственного происшествия. Сесиль даже мысли не допускала, что это проделки Энни Форест:

– Это совершенно противоречит ее характеру. Я сделаю все возможное, чтобы добраться до истины, но полностью исключаю возможность участия Энни в этом деле. Она на такое не способна.

– А я утверждаю, что это она, – горячо возражала Этти, – и отказываюсь говорить с ней, пока она не сознается и не извинится. Я думаю пойти к миссис Виллис и все рассказать ей.

– Я бы не стала этого делать. Если ты обвинишь всеобщую любимицу в таком скверном проступке, не имея никаких доказательств, остальные девочки никогда не простят тебе этого. Имей терпение, Эстер. Тогда я буду

на твоей стороне и постараюсь разгадать эту загадку.

Но Сесиль заблуждалась, разгадка не находилась. А Энни, когда при ней говорили об этом деле, смеялась так искренне, что у подруг не было оснований сомневаться в ее невиновности.

Дух смуты, нарушивший покой мирной обители, продолжал время от времени проявлять себя. Неделю спустя произошли еще два события.

В то утро Дора Рассел, открыв свой стол, всплеснула руками. Накануне она закончила сочинение и начисто переписала его. Теперь тетради в столе не оказалось, на ее месте красовались два грязных свертка, один с пудингом, другой – с халвой. И то, и другое было завернуто в страницы из пропавшего сочинения. Позабыв школьные правила, Дора встала и направилась к мисс Гуд, уже начавшей урок английского языка с третьим классом.

– Мисс Гуд, я прошу вас заглянуть в мой стол, – сказала она дрожащим голосом.

В эту минуту Сесиль достала из своего стола тетрадь стихов и остолбенела: переплет оторван, а на первой странице нарисована остроумная карикатура на миссис Виллис.

В суматохе, вызванной происшествием в первом классе, Сесиль успела спрятать тетрадь в карман, чтобы скрыть непочтительный рисунок от глаз подруг. Из всех учениц школы рисовать карикатуры умела только Энни Форест. Сесиль невольно взглянула на Энни. Та смотрела весело и открыто, ее глаза с обычным задором наблюдали сцену у стола Доры Рассел.

Дора, по-видимому, совершенно потеряла самообладание. Она возражала мисс Гуд, говоря, что теперь ей не до правил, что она во что бы то ни стало добьется, чтобы та, что так бессовестно поступила с ней, была найдена и строго наказана.

– Так больше продолжаться не может, мисс Гуд, – с жаром говорила она. – Среди нас есть невыносимая особа, чьи проделки дальше терпеть нельзя. Позвольте мне обратиться к миссис Виллис с просьбой провести расследование и отчислить недостойную из школы.

– Остановитесь, мисс Рассел. Вы забываетесь, я не узнаю вас. Все мы взволнованы, но это не повод разыгрывать здесь роль судьи и обвинять других воспитанниц. Для вашего поведения нет оправдания. Я возьму дело в свои руки и доложу о нем миссис Виллис. Она поступит, как посчитает нужным, чтобы образумить вас и обнаружить виновную. Извольте идти на место.

Мисс Гуд вышла, захватив с собою пудинг и халву, а ученицы

принялись за урок, насколько это было возможно в их возбужденном состоянии.

В полдень, когда девочки уже собирались на ежедневную прогулку, в классную комнату вошла миссис Виллис.

— Остановитесь, юные леди, — начала она своим сочным грудным голосом. — Мне нужно сказать вам несколько слов. Мисс Гуд сообщила мне о непозволительных безобразиях, которые творятся здесь в последнее время. В этом доме около пятидесяти воспитанниц, и все они до сих пор жили счастливо и в согласии друг с другом. Вдруг среди них нашлась одна, задавшаяся целью сеять раздор и смуту между подругами. Три из вас уже серьезно пострадали. Возможно, причинены неприятности и другим ученицам, но по благородству души они не стали жаловаться. С грустью вижу, что в вашей среде обнаружилась нравственная болезнь. Она гораздо опаснее болезни физической, и поэтому должна быть остановлена немедленно. Я спрашиваю вас и требую откровенного ответа: кроме мисс Рассел и мисс Торнтон пострадал еще кто-нибудь?

Директриса окинула взглядом присутствующих. В ее прекрасных глазах плескалась грусть, а печаль, явно различимая в голосе, произвела гнетущее впечатление даже на малышей — некоторые заплакали. Помолчав с минуту, начальница повторила вопрос.

— Я желаю знать истину, юные леди, — сказала она кратко, но решительно.

— В моем столе тоже беспорядок, — ответила тихим голосом Сесиль Темпл.

Ученицы с любопытством повернулись к Сесиль, в том числе и Энни Форест.

— Подойди ко мне, Сесиль Темпл, — приказала миссис Виллис.

Сесиль пересекла комнату и остановилась возле директрисы.

— В твоем столе тоже беспорядок?

— Да, миссис Виллис.

Ее голос до такой степени дрожал от волнения, что подруги не узнавали его.

— Когда ты это обнаружила?

— Сегодня утром.

— И промолчала?

— Да.

— Расскажи, что именно случилось. И громко, чтобы все слышали.

— Простите меня... Я не могу этого сделать.

— Ты решительно не желаешь отвечать?

— Я не могу...

Щеки миссис Виллис вспыхнули, но не от гнева. Она положила руку на плечо Сесиль и, пристально глядя ей в глаза, ласково произнесла:

— Ты одна из лучших моих учениц, Сесиль. В такой трудный момент ты обязана помочь мне. Я настаиваю, чтобы ты сказала правду.

— Я не могу, — прошептала Сесиль, бледнея. — Бога ради, не принуждайте меня; я не могу.

— Ты отказываешься повиноваться мне, Сесиль? — с глубокой скорбью проговорила миссис Виллис. — Но я обязана требовать от тебя послушания, особенно сейчас. Мисс Гуд, проводите мисс Темпл в часовню. Через час я приду туда, Сесиль.

Сесиль заплакала и вышла. Ее решительный отказ сообщить о случившемся произвел сильное впечатление на подруг. Все были взволнованы, Энни Форест казалась бледнее обычного.

— Зло, как видно, пустило глубокие корни, — продолжила миссис Виллис, когда Сесиль вышла. — Только серьезные причины могли заставить мисс Темпл поступить таким образом. Она пребывает в заблуждении, пытаясь защитить виновницу происходящего. Я очень привязана к Сесиль, но подобное ее поведение не приемлю. Пока она не скажет правды, я не могу позволить ей общаться с остальными воспитанницами. Помочь ей, однако, можно. Пусть та из вас, кого Сесиль так великодушно оберегает, выйдет и сознется во всем. Так Сесиль будет избавлена от того сложного положения, в котором оказалась. А виновная своим признанием докажет мне, что способна исправиться.

Миссис Виллис замолчала и посмотрела на своих питомиц почти умоляющим взглядом. Несколько пар глаз сочувственно устремились на нее, иные смотрели в сторону, но многие обернулись к Энни Форест. Заметив, что на нее подозрительно поглядывают, та приняла самый вызывающий вид.

— Виновная полностью лишена благородства, — снова заговорила начальница. — Теперь мне остается только одно: вызывать вас одну за другой и прямо задавать вопрос, виновны вы или нет. После этого можете переодеваться и отправляться на прогулку.

Началась перекличка. Одна за другую подходили девочки к начальнице и, ответив отрицательно, выходили из классной комнаты. Виновной не оказалось. Все с трепетом ожидали ответа Энни Форест. Но она тоже сказала «нет», хотя не решилась взглянуть в глаза миссис Виллис.

Глава XII. В часовне

Лучи полуденного солнца лились через цветные окна часовни, освещая ее фантастическим светом. Здесь Сесиль ожидала свою начальницу.

Сесиль была удивительной девочкой. Природная кротость самым замечательным образом сочеталась в ней с твердостью характера. При этом Сесиль обладала благородной и мужественной душой. Узнав Сесиль, нельзя было не полюбить ее. Отец девочки, полковник Темпл, служил в Индии, мать умерла. Окончив школу, Сесиль должна была ехать к отцу.

Миссис Виллис принимала большое участие в этой девушке и особенно ценила ее возвышенную душу. Сесиль не отличалась блестящими способностями, но благодаря прилежанию и добросовестности всегда стояла во главе класса. Она была очень религиозна, но без всякого ханжества. Она не стыдилась своих убеждений и, когда представлялся случай, мужественно высказывала их.

Миссис Виллис звала Сесиль своим знаменосцем и находила ее

влияние благотворным для всего третьего класса, которому уделяла особое внимание.

— Это поворотный пункт, — говорила она. — У девочек в этом возрасте складывается характер, формируются убеждения, которые иногда влияют на всю их жизнь. Хорошая третьеклассница останется хорошей и во втором, и в первом классе. А вот на то, что ленивая шалунья из третьего класса станет образцом всех добродетелей к окончанию школы, надежды мало.

Миссис Виллис вошла в часовню печальная и задумчивая. Если бы столько упорства выказала другая ученица, она бы знала, как поступить с ней. Сесиль же — другое дело, ее неповинование могло быть следствием только очень серьезных обстоятельств. Директриса была грустна, но не разгневана, когда села возле своей любимой ученицы.

— Меня задержали, дитя мое, — сказала она, — и тебе пришлось подождать. Но это не беда, у тебя было время подумать.

— Я много думала, — тихо ответила Сесиль.

— И может быть, здесь, в тишине и покое, моя дорогая девочка помолилась?

— Я молилась.

— В таком случае Господь не откажет тебе в указании правильного пути. Теперь ты будешь откровенна со мной, Сесиль, не правда ли, дорогая?

— Я просила Бога наставить меня на путь истинный, но я, право, не знаю, что сказать вам. Мне кажется, что гораздо лучше было бы скрыть то, что вы желаете знать. Я глубоко убеждена, что говорить этого не следует. Я знаю, что с моей стороны это страшное непослушание и вы вправе наказать меня самым строгим образом. Миссис Виллис, я готова подвергнуться какому угодно наказанию, но только не спрашивайте меня ни о чем!

— Обыкновенные наказания не годятся для тебя, Сесиль, — сказала миссис Виллис, дружески положив руку на плечо девочки. — Нет смысла прибавлять тебе уроков, лишать полупраздника или отбирать «уголок». Но ты потеряешь нечто, чем, я знаю, ты очень дорожишь, — мое доверие.

— Ваше расположение? — спросила Сесиль, глядя на воспитательницу умоляющими глазами. — О, не может быть, чтобы вы совсем разлюбили меня!

— Разве может существовать любовь без доверия, Сесиль? Я не буду стараться подавить расположение к тебе, но оно ослабеет само собой. Короче говоря: того искреннего чувства, на котором основывалось мое

безусловное доверие к тебе, уже не будет.

Сесиль закрыла лицо руками.

– Это очень жестокое наказание, – сказала она. – Оно поражает меня в самое сердце. Но, – продолжала она, и глаза ее засветились энтузиазмом, – я постараюсь все вынести, и придет день, когда вы поймете меня.

– Послушай Сесиль. Ты молилась, прося у Бога указать тебе правильный путь. Помолимся вместе. Я тоже нуждаюсь в помощи Божией, чтобы руководить тобою, как следует воспитательнице и искреннему другу.

Они встали на колени. Миссис Виллис в немногих, но горячих словах просила у Бога поддержки и указания.

– Теперь, Сесиль, – сказала она, когда они опять сели, – я постараюсь убедить тебя в твоей неправоте и именем Господа прошу тебя не упрямиться.

– Я бы от всей души хотела этого.

– Господь даст мне необходимое для этого красноречие. Ты должна верить мне Сесиль. Я всю свою жизнь посвятила воспитанию, много девушек прошло через мою школу. Мне приходилось многое видеть. Посмотри мне в глаза, Сесиль. Я читаю в твоей душе, как в открытой книге.

Сесиль доверчиво посмотрела ей в глаза.

– Причина твоей скрытности ясна для меня, как день. Ты молчишь потому, что не хочешь выдать виновную. Ведь так?

Краска залила бледное лицо Сесиль. Она утвердительно кивнула головой, но говорить была не в состоянии. Губы ее дрожали, и слезы застилали глаза.

– Виновная, которую ты не хочешь выдать, дорога нам обеим. За нее мы молились. Для нее мы готовы на самопожертвование. Это...

– Не называйте ее, умоляю вас. У вас нет оснований подозревать ее.

– Я должна назвать ее, дорогая Сесиль. Если ты подозреваешь Энни Форест, почему же не могу подозревать ее я?

Сесиль уже не могла удержать слез.

– Хорошо. Теперь предположим, как это ни грустно, что виновна действительно Энни. Прикрывая ее, ты наносишь ей ужасный вред. Подумала ли ты об этом, Сесиль? Представь теперь, что Энни удалось бы из трусости скрыть от меня этот проступок. Что бы вышло?

– Ее репутация была бы спасена, – ответила Сесиль.

– Хорошо. Но ее дальнейшее поведение было бы еще позорнее. Выходит, Сесиль, что относительно подруги, которую ты любишь, ты

поступаешь, как самый лютый ее враг.

Девочка молчала.

– Это с одной стороны, – продолжала миссис Виллис, – но этот случай может быть рассмотрен и с другой. Ты не принимаешь в расчет, что у тебя есть обязанности относительно других твоих подруг и относительно меня. Если у тебя есть нить, которая поможет мне уличить Энни, ты не имеешь права утаивать ее. Подумай о том, что пока Энни, если она виновна, живет спокойно, другая, совершенно невинная, может быть оскорблена подозрением. Молчанием ты нарушаешь свои обязанности в отношении подруг и, не доверяя мне, грешишь против твоей воспитательницы. Скрывая от меня зло, ты лишаешь меня возможности остановить его в самом зародыше и тем губишь ту, кого защищаешь. Таким образом, ты идешь против Бога и против порядков, установленных Богом. Больше сказать нечего.

Сесиль вскочила на ноги.

– Это никогда не приходило мне в голову, – воскликнула она. – Вы тысячу раз правы, но это так тяжело... Не будьте строги к ней. Ведь это только подозрение. Могу я идти?

И, вынув из кармана изорванную тетрадь, Сесиль положила ее на колени своей воспитательницы и спешными шагами вышла из часовни.

Глава XIII. Все о том же

Энни Форест, сидя в кругу своих поклонниц, о чем-то оживленно рассказывала им. Она была сильно возбуждена; лицо ее горело; глаза лучились задором. Сесиль, проходя мимо, невольно остановилась. Энни вскочила и взяла ее под руку.

— Мы говорим об этом таинственном приключении, дорогая. Разбирали его так и сяк, со всеми подробностями, но до сути так и не добрались. Мы ломаем голову, почему ты не захотела сказать миссис Виллис то, что знаешь. Видимо, ты, дорогая наша мученица, имеешь серьезные причины для этого. Ты представить себе не можешь, как мы взволнованы, даже Сьюзи Драммонд не заснула, слушая нас. Садись, Сесиль, в это кресло и расскажи, о чем вы там толковали в часовне. Как страшно было, когда тебя послали в часовню!

Сесиль спокойно слушала речь своей подруги. Она избегала смотреть на нее, но руки не отнимала. Когда же Энни попробовала втащить ее в кружок сидевших вокруг огня девочек, она остановилась, взглянув в сторону своего «уголка», но после минутной нерешительности все же подчинилась.

— Вот вам трон, королева Сесиль, — возвестила Энни, стараясь усадить подругу в легкое кресло, но Сесиль осталась стоять.

— Хорошо, что ты пришла, Сесиль, — сказала второклассница Мэри Пирс.

— Мы были потрясены, когда ты не подчинилась миссис Виллис. А теперь сгораем от любопытства. Правда, Фло?

— Да, да, мы словно на иголках, — подтвердила другая второклассница, Фло Данстэн.

— Ну, рассказывай, дорогая наша героиня, — произнесла Энни самым вкрадчивым голосом. — Ты не захотела ничего ей рассказать, не правда ли? Ты была тверда как скала, храбрая душа!

— Сесиль стойкая. Она ни за что не скажет, чего не хочет сказать. Она точно леденец, о который обломаешь зубы, прежде чем откусишь кусочек, — сказала Сьюзи Драммонд.

— Фуй, Сьюзи, что за сравнение, — заметили некоторые из девочек.

Только одна из всех сидевших вокруг огня за все время не раскрыла рта — Эстер Торnton. Она примкнула к кружку из любопытства, но приставать к Сесиль считала неделикатным. Только теперь она решилась

заговорить:

– Если бы Сесиль и хотела что-нибудь сказать, вы не даете ей этого сделать.

– Благодарю тебя, Эстер, – сказала Сесиль с облегчением. – Я не задержу вас, девочки. Я ничего не могу поведать вам относительно тех проделок, что нарушают наше спокойствие в последнее время, но я открыла миссис Виллис все, что знала. В ее руках находится теперь та вещь, которую я нашла в своем столе сегодня утром. Она доказала мне, что моя скрытность может стать причиной еще большего зла, и как ни тяжело мне было, я ничего не утаила.

С этими словами Сесиль покинула подруг и направилась в свой «уголок»; она не видела странного взгляда Сьюзи Драммонд и не слышала ее еще более странного замечания:

– Сесиль не похожа на твердый леденец. Я ошиблась в ней.

Не видела она и того, с каким вызовом взглянула Эстер на Энни Форест. Впрочем, не заметила этого и сама Энни, погруженная в свои мысли. Постояв некоторое время в задумчивости, она всплеснула руками и побежала через всю залу к «уголку» Сесиль.

– Сесиль, могу я войти?

Сесиль ответила утвердительно, и Энни, очутившись в хорошенъкой «гостиной», бросилась на шею подруги.

– Сесиль, – заговорила она пылко. – Ты чем-то сильно расстроена! Я безрассудная, дрянная девчонка, но я не могу видеть, когда кто-то страдает. Что с тобой, Сесиль? Скажи мне!

– Я скажу тебе все, Энни, садись. Ты имеешь право знать, и я рада, что ты пришла. Я думаю… ну, да это все равно. Энни, можешь угадать, что я скажу?

– Не думаю. Я заметила сегодня, что некоторые из этих глупых девчонок вздумали подозревать меня в этой мерзости. Ты знаешь, Сесиль, что я до смерти люблю всякие проказы. Раз мне что-нибудь засело в голову, я делаюсь как безумная, пока не приведу свой план в исполнение. Но то, что было сделано, совсем не в моем характере. Разорвать тетрадь Доры Рассел и насовать в ее стол грязных свертков со сладостями – это слишком плоская шутка. Мне кажется, я придумала бы что-нибудь пооригинальнее. Дора не так бы еще возмущалась. Ты знаешь, что наша Дора порядочная трусиха? Что бы с ней было, если бы я подложила ей гнездо полевых мышей! Я знаю, что милое создание подразумевало меня, когда пустило словечко о дурно воспитанной девушке. Но ты, Сесиль, меня знаешь. Господи, какая ты бледная! И плачешь! Что происходит? Дорогая

моя, что стряслось?

Сесиль быстро вытерла глаза.

– Ты помнишь мою тетрадку с переписанными стихами, Энни?

– Конечно. Ты мне ее давала. Я еще плакала над этой маленькой девочкой, замученной фабричной работой. Почему ты спрашиваешь, Сесиль? Что-то случилось с этой тетрадкой?

– Я нашла эту тетрадь в своем столе, – начала Сесиль, пристально глядя на Энни, стоящую возле нее на коленях, – хотя я ее туда не клала. Ты знаешь: держать посторонние вещи в классе запрещено. И я строго соблюдаю эти правила. Впрочем, это дело совести. Ну, как бы там ни было, тетрадка со стихами была в классном столе. Переплет оторван, а на заглавной странице нарисована карикатура на миссис Виллис.

– Да ты что? Неужели это правда?

– Может быть, тебе известно что-нибудь об этом?

– Я не рисовала карикатуры на твоей тетради, если ты это хочешь узнать.

С Энни творилось что-то необычное, она непрестанно менялась в лице. Когда Сесиль упомянула о карикатуре, она сначала вдруг вспыхнула, а потом побледнела.

– Я вижу, – заговорила она, с трудом переводя дыхание, – что и ты меня подозреваешь, поэтому ты и старалась скрыть эту проделку. Конечно, обстоятельства против меня, здесь только я умею рисовать карикатуры, но я никогда не думала, Сесиль, что ты способна так обо мне подумать.

– Я верю тебе, Энни, я так хочу тебе верить! Несмотря на все твои недостатки, тебя никто никогда не уличал во лжи. Посмотри мне в глаза: если ты скажешь, что к этой карикатуре ты не имеешь никакого отношения, я поверю тебе, пойду с тобой к миссис Виллис, и она убедится, что ты в этом невиновна. Скажи же, дорогая Энни, что это не твоих рук дело, и сними тяжесть с моей души!

– Я не рисовала карикатуры на твоей тетради, Сесиль.

– И ничего не знаешь об этом?

– Этого я не могу сказать. Повторяю, что в твоей тетради я карикатуры не рисовала.

– О, Энни, ты стараешься обмануть меня. Будь же мужественна. Я никогда не думала, что ты унизишься до лжи!

– Я не лгу, – пылко возразила Энни, – относительно карикатуры я кое-что знаю, но я никогда не рисовала ее в твоей тетради. Ты не веришь мне. Я не буду больше тратить слов понапрасну.

Глава XIV. В ссылку

Этот печальный день остался в памяти у многих: день показного веселья и скрытой тревоги. Подспудно крепло убеждение в том, что именно Энни Форест является виновницей всех проказ, и на сердце у воспитанниц становилось все тяжелее. Школа – это маленький мирок, в котором общественное мнение меняется быстро. Энни, без сомнения, была общей любимицей, тем не менее враги у нее были – мелочные и вздорные девицы, которые ей завидовали. Таких, впрочем, было немного.

У Энни, несмотря на ее легкомыслие, было глубоко любящее сердце. Для любимого человека она была готова на любые жертвы. Талантами она не обладала, если не считать хорошего, но непоставленного голоса. Училась плохо, постоянно отставала от класса, сплошь и рядом делала не то, что следовало. Зато она была добродушна, никому никогда не завидовала, никому умышленно не причиняла зла, а если и случалось нечаянно досадить кому-нибудь, она первая бежала мириться.

Не удивительно ли, что у такой симпатичной девочки были недоброжелатели? Но они были; а с тех пор как Эстер Торnton и Дора Рассел так враждебно отнеслись к ней, враги стали вести себя еще смелее.

Первый класс, который прежде не обращал на Энни никакого внимания, теперь буквально разбирал ее по косточкам, не оставляя без внимания ни один поступок девочки. После нескольких таких подробных обсуждений «судьи» из первого класса решили, что Энни Форест должна быть исключена из школы и что они непременно должны добиться этого.

В младших классах тоже не все дружелюбно относились к Энни. Заметив, что Эстер Торnton не любит ее, малыши поинтересовались ее мнением относительно предполагаемого проступка Энни.

– Разумеется, это она, – необдуманно ответила Эстер. – Тут и сомнения быть не может. Посмотрите на нее.

Как раз в эту минуту Энни с красными глазами и растрепанными волосами бежала через залу из «уголка» Сесиль. Она казалась очень расстроенной, но, заметив плачущую пятилетнюю девочку, подхватила ее на руки и шепнула что-то ласковое. Детское лицико расцвело, а маленькие ручки крепко сжали шею Энни. Опустив вмиг повеселевшего ребенка на пол, Энни вышла из залы.

Ученицы средних классов сидели у камина. Эстер и здесь открыто высказала свое нелестное мнение об Энни. Первый раз в жизни на ее долю

выпало такое внимание окружающих, и она по недомыслию явно злоупотребляла им.

Как часто случается не только с детьми, но и с взрослыми, многие из тех, кто был на стороне Энни, постепенно стали разочаровываться в своем кумире и примкнули к враждебному лагерю. Они теперь даже полагали, что если из-за Энни страдают некоторые воспитанницы и их собственность, то виновную следует отправить в «ссылку».

— Что это такое — ссылка? — спросила маленькая девочка, которую Энни только что ласкала и успокаивала.

— Ах, это ужасное место, Фиона, — ответила Мэри Белл, привлекая к себе малышку.

— А кого туда посылают?

— Дурных детей, например Энни Форест.

— Энни не дурная! Энни не пойдет в ужасное место! Ты гадкая, гадкая, Мэри Белл!

Разгневанная малышка вырвалась и убежала, на прощание одарив старшеклассниц сердитым взглядом.

— Глупо говорить это ребенку, Мэри, — заметила одна из девочек. — Что касается меня, то я раньше считала Энни безобидной шалуньей. Если же будет доказано, что она имеет отношение ко всему происходящему, я постараюсь держаться от нее подальше.

— Мы все сделаем то же самое, — заявили девочки в один голос.

Молчала одна лишь Сьюзен Драммонд, лениво качаясь на стуле.

— А ты, Сьюзи? Ты за все время не открыла рта.

— Я? О чём это вы?.. — Сьюзи потянулась и зевнула. — Ах, насчет Энни Форест. Я полагаю, что вы правы. Что это, звонят к чаю? Наконец-то, я страшно голодна.

Эстер Торnton отправилась в столовую, чрезвычайно гордая собой. Ей казалось, что она особенно отличилась. Самонадеянной девочке и в голову не приходило, какое ядовитое семя она посеяла и как горько ей придется в этом раскаиваться.

Глава XV. Добрые люди

Несколько дней спустя Эстер получила приглашение от сестер Брюс провести с ними полупраздник. Добрые леди помнили о девочке, которую они утешали в поезде шесть недель назад. Этти должна была отправиться к ним в субботу, миссис Виллис позволила ей остаться у новых друзей до восьми часов вечера и пообещала прислать за нею экипаж.

События, настроившие воспитанниц школы против Энни Форест, имели место на той же неделе, в среду. Со среды до субботы ничего нового не произошло. Все, казалось, шло своим чередом, и посторонний глаз вряд ли заметил бы легкое облако, появившееся над счастливым когда-то гнездышком. Не бросались в глаза и перемены в Энни Форест. По-прежнему отовсюду слышался ее веселый смех, быстрые ноги легко скользили по рекреационной зале. Разве что в классе девочка стала более внимательной, и потому учебные дела ее шли успешнее. Лукавое лицо было по-прежнему оживленным, забавные гримасы продолжали смешить подруг, но тот, кто хорошо знал и любил Энни, заметил бы в ней едва

уловимые метаморфозы.

На переменах она больше времени проводила с малышами, одноклассниц избегала и совсем не подходила к «уголку» Сесиль. За обедом она ела мало, а ее соседка по комнате иногда слышала тихий плач по ночам. В часовне, когда Энни думала, что ее никто не видит, она украдкой вытирала слезы. Но стоило миссис Виллис взглянуть на нее, девочка опускала глаза и ее лицо принимало равнодушное выражение. Эстер более чем когда-либо была уверена в виновности Энни, но многие колебались и готовы были снова принять ее в свою среду, если бы она только пожелала сделать первый шаг.

Энни и Эстер совсем не разговаривали. Когда Этти одевалась, чтобы поехать к сестрам Брюс, в дверь постучали.

– Войдите, – раздраженно произнесла Эстер, опасаясь, как бы ее не задержали.

К ее удивлению, в приоткрытую дверь сначала прятиснулась кудрявая головка Энни, а затем и сама она вошла в комнату и положила на стол букетик подснежников.

Этти посмотрела на вошедшую, потом на букет. Она страстно любила цветы и пришла бы в восторг, если б их принес кто-то другой, только не Энни.

– Я прошу тебя, – сказала Энни с необычной для нее застенчивостью, – передать эти цветы мисс Джейн и мисс Агнес Брюс. Извини, что побеспокоила.

Она уже собиралась уйти, когда Эстер нашла нужным спросить:

– Не будет ли записки к букету?

– О нет, только привет от Энни Форест. Они поймут.

Энни отвернулась, в ее глазах стояли слезы. Эстер была невольно тронута. В эту минуту лицо Энни напомнило ей Нэн: в нем была какая-то растерянность, желание ласки и участия.

Эстер вовсе не собиралась расчувствоваться. Что могло быть общего между Нэн и Энни? Смешно ласкать и утешать такую большую девочку. Тем не менее выражение глаз Энни не выходило у Эстер из ума, и она с большой осторожностью отвезла букетик и передала его старушкам с приветом от Энни. Сестры очень обрадовались и, посмотрев друг на друга, добавили:

– Бедная девочка!

Пожилые леди поставили букет в изящную вазу, без конца любовались им и показывали всем гостям.

Маленький домик сестер Брюс показался Эстер кукольным по

сравнению с родовым именем ее отца. Но он был так изящен, так уютен, что невольно напоминал гнездышко малиновок, а сами хозяйки – милых щебечущих птичек.

Эстер прекрасно провела время. Пророчество мисс Агнес исполнилось – Этти больше не скучала в школе. Она охотно рассказывала о своих подругах, о занятиях. Обе мисс Брюс любили поболтать, но старательно ограждали себя от всего негативного. Они сразу и прямо объявили, что хотят слышать только хорошее. Даже забавный рассказ о вечно сонной Сьюзи Драммонд не вызвал на их лицах улыбки, напротив, они жалели ее. Мисс Джейн выразила мнение, что эта девочка больна, а мисс Агнес посоветовала Эстер пробудить в ней интерес к жизни, чтобы Сьюзен не проводила большую часть времени во сне.

В доброте и кротости есть волшебная сила, она делает окружающих лучше и добре. Так случилось и с Этти. Поступив в школу, она не стремилась быть приятной другим девочкам, и незаметно в ней развился эгоизм. А после беседы с милыми пожилыми леди на нее как-то сразу нахлынули чувства, остывшие в душе после смерти матери. Эстер захотелось принять участие в Сьюзи Драммонд и даже помириться с Энни. Она попыталась даже заговорить об Энни со старушками, но те незаметно перевели беседу на другую тему. Прощаясь, сестры поцеловали девочку и выразили надежду, что она вскоре снова навестит их. А еще вручили небольшой сверток – для Энни.

Эстер вернулась в школу к вечерней молитве. Мисс Белл, проходя мимо нее, шепнула:

– Мы не сумели раскрыть эту таинственную историю с Энни Форест. Очевидно, миссис Виллис тоже оказалась бессильна. Кажется, сам мистер Эверад будет говорить с нею.

В это время Энни проходила мимо них. Она выглядела возбужденной, кудряшки растрепались и лезли ей на глаза.

– Это тебе от мисс Брюс, – сказала Эстер, передавая ей сверток, и голос ее звучал мягче обычного.

– Брось его куда-нибудь.

Эстер не решилась этого сделать, тогда Энни растолкала подруг, выхватила сверток у нее из рук и подбросила его вверх, что было крайне неприлично в священном месте. Сверток со звоном упал на пол.

– Подай мне этот сверток, Энни Форест, – строго приказала начальница.

Энни угрюмо повиновалась. Миссис Виллис взяла сверток и указала Энни на низкую скамейку позади себя.

Глава XVI. Неведомый враг

Молитва кончилась, и воспитанницы одна за другой стали выходить из часовни. Энни тоже поднялась, собираясь последовать за другими, но миссис Виллис шепнула ей что-то на ухо, и Энни, густо покраснев, осталась на месте. Несколько девочек заметили ее смущение, а взгляд Сесиль Темпл был полон такого глубокого сочувствия, что гордое сердечко Энни было бы тронуто, если бы только она заметила.

Когда шаги стихли, Энни решилась поднять глаза: на месте миссис Виллис сидел мистер Эверад.

— Ваша воспитательница просила меня переговорить с вами, дочь моя, — сказал священник. — Речь идет о шалостях, которые всех нас так огорчают. Может быть, вы мне поведаете что-нибудь об этом?

— Нет, сэр, мне нечего сказать, — ответила Энни, и лицо ее приняло жесткое выражение.

— Бедное дитя! Может быть, вы не совсем понимаете, ради чего я говорю с вами, — продолжал мистер Эверад. — Я не собирался делать вам выговор. Виновны вы или нет, в любом случае вы достойны сожаления. Тяжело и горько быть осужденным невинно, но еще горше, еще ужаснее согрешить и скрыть свой грех. В таких случаях Бог отвращает от грешника лицо свое. Бедное дитя!

Энни наклонила голову и закрыла лицо руками. Послышалось всхлипывание, потом рыдание. Вся маленькая фигурка Энни сотрясалась от истерического плача.

Старый священник, много видавший на своем веку, не стал уговаривать девочку: он знал, что и без того после припадка она станет спокойнее. Так и случилось.

— Мне было так горько, — заговорила Энни, подняв на пастора заплаканные глаза, — что именно вы остались говорить со мною. Миссис Виллис обращается к вам, когда ничто уже на нас не действует. Могла ли я подумать, что со мной это случится! Сначала я решила ничего вам не говорить, но вы так добры ко мне, что теперь я думаю иначе. Я расскажу вам, что у меня на душе. Обещаю перед Богом ничего не скрывать, если только вы пообещаете...

— Что именно, дитя мое?

— Поверите ли вы мне?

— Вполне.

– Уверены ли вы в этом? Миссис Виллис готова была поверить, но она говорит, что против меня много улик. Может быть, и вы скажете то же самое.

– Если вы перед Богом обещали ничего не скрывать, как же я могу не поверить вам?

Энни встала перед священником, заговорила, открыто глядя ему в глаза.

– Вы знаете, как я любила миссис Виллис? У меня есть причины ее любить, о которых остальные не имеют понятия. Девочки не ведают, что моя мать, умирая, поручила меня миссис Виллис, пока не вернется отец. Мама не знала, где он, но была уверена, что он вернется. Миссис Виллис дала слово не оставлять меня, и вот уже четыре года я живу здесь, об отце – ни слуху ни духу. Я подозреваю, что та маленькая сумма, которую оставила мне мать, уже давно закончилась, хотя миссис Виллис ничего не говорит об этом. Она же запретила мне рассказывать о моих семейных обстоятельствах подругам. Одна Сесиль Темпл знает. Если отец вернется, он, конечно, отдаст миссис Виллис деньги, истраченные на мое содержание, но он никогда не сумеет отблагодарить ее за бесконечную доброту ко мне. Как же мне не любить миссис Виллис! Как же мне не ценить такого друга! Я знаю, что я взбалмошная девчонка, способная на всякие дикие выходки. Но повредить кому-нибудь преднамеренно – нет, на это я никогда не пойду. В эту среду в столах мисс Рассел и Сесиль Темпл был произведен беспорядок – вы, конечно, знаете, какой. Миссис Виллис позвала меня и спросила относительно карикатуры, нарисованной на тетради мисс Темпл, я сказала ей чистую правду, как перед Богом. И она не поверила мне! Что же мне теперь делать?

Энни замолчала, обратив на пастора умоляющий взгляд.

– Вы можете повторить мне все, что сказали воспитательнице?

– Я сказала вот что: да, миссис Виллис, карикатура нарисована мною. Трудно себе представить такую чудовищную неблагодарность. Как повернулась у меня рука, чтобы изобразить любимую начальницу в смешном виде! Я готова дать на отсечение руку, лишь бы этого никогда не случилось, но я должна сказать правду. Миссис Виллис спросила меня, как и когда я это сделала. Недели две тому назад, во время дождя, мы, ученицы средних классов, сидели вместе. У меня были карандаш и бумага. От нечего делать я начала набрасывать карикатуры на некоторых подруг, и выходило так удачно, что они от души смеялись. Они стали подзадоривать меня, мол, я не осмелюсь нарисовать карикатуру на миссис Виллис. Я храбро ответила, что действительно не осмелюсь. Но когда я пошла в свою

комнату, чтобы вымыть перед чаем руки, искушение овладело мною так сильно, что я схватила листок бумаги и в одну минуту набросала рисунок. Он показался мне до того забавным, что я хотела как сумасшедшая; потом заперла рисунок в бювар и позабыла о нем; однако отлично помню, что его никому не показывала. Как он попал в тетрадь Сесиль, для меня загадка.

Немного помолчав, Энни продолжила:

– Миссис Виллис спросила, уверена ли я, что заперла бювар, и не теряла ли я ключей. Я ответила, чтоключи всегда в моем кармане, а в течение последней недели ключей у меня и вовсе не было. Я их забыла в ночной кофточке, и они отправились в стирку. Кто-то взял листок из моего бювара и перевел на тетрадь Сесиль. Иначе быть не может. Миссис Виллис спросила, уверена ли я, что листок исчез из бювара. Конечно, я уверена. Как и в том, что в школе только я умею рисовать карикатуры. Ах, как я раскаиваюсь в своей глупости! Миссис Виллис взяла у меня ключи и послала за бюваром. Мы обыскали бювар и, конечно, ничего не нашли. Миссис Виллис предложила посмотреть в потайном ящике. Но я никогда не клала его туда. И вдруг, представьте мой ужас – листок оказался там! Миссис Виллис побледнела, и руки ее задрожали. Мне же, напротив, кровь бросилась в голову, я не могла выговорить слова. Второпях я сложила все в бювар и убежала.

Священник с сочувствием смотрел на девочку. Она тяжело вздохнула:

– Вот и вся история, мистер Эверад. Что же я могу сказать? Я сделала карикатурный рисунок моей дорогой воспитательницы, но только один; другого я не делала. Это, конечно, копия, но я не знаю, кто ее автор. Вижу, мистер Эверад, что и вы мне не верите. Оно и понятно. Я на вашем месте тоже не поверила бы.

– Обстоятельства против вас, Энни, но я вам верю. Если здесь, в присутствии Бога, вы мне солгали, то кому же тогда верить? Нет, Энни Форест, у вас много недостатков, но вы не лгунья, поэтому сейчас я пойду к миссис Виллис. Господь с вами, дитя мое. Будьте терпеливы, мужественны, не питайте злобы к неизвестному врагу. Надейтесь на Бога, рано или поздно все откроется. До свидания.

Пока старик говорил, лицо девочки совершенно преобразилось. Глаза потеряли мрачное выражение и смотрели доверчиво, полуоткрытые губы улыбались. Она взяла сморщенную руку старика и поднесла к губам.

– Позвольте мне еще немного остаться здесь, – попросила она.

Он кивнул головой и вышел.

Глава XVII. Отравленные леденцы

— Я пришел сообщить, миссис Виллис, — сказал мистер Эверад, — что вам следует верить Энни Форест. Не упорство заставляло ее молчать, ей просто нечего было вам сообщить. Я глубоко убежден, что все обстоит именно так, как она говорит. Тут есть какая-то загадка, которую мы должны разгадать.

Начальница и священник проговорили довольно долго, и результат этих переговоров обнаружился на следующий же день. Утром, перед уроком, миссис Виллис пришла в классную комнату, подозвала Энни и, положив руку ей на плечо, объявила:

— Хочу сообщить вам, юные леди, что полностью освобождаю Энни от подозрения в непростительных поступках, совершенных здесь за последнее время. Но кто-то все-таки виновен в них, и рано или поздно это откроется. Если виновная придет и признается, я обещаю простить ее.

Начальница остановилась и посмотрела на своих воспитанниц. Глаза ее светились любовью и снисходительностью. Тем не менее все молчали.

Лицо миссис Виллис приняло суровое выражение.

— Я вижу, — сказала она, — что виновная ожидает суда Божьего. Кто бы это ни был, она может быть уверена, что этот час близок. Прошу вас вернуть дружбу Энни Форест. И я, и мистер Эверад верим ей, и этого для вас достаточно. Кто поступит иначе, тот подвергнется серьезному взысканию. Иди, дружок, на свое место.

Энни, кудряшки которой по обыкновению свешивались на глаза, откинула их и восторженно взглянула на свою воспитательницу. Но взгляд миссис Виллис был холоден, и бедная девочка вернулась на свое место со стесненным сердцем.

Миссис Виллис, под влиянием речей священника поверившая в невиновность Энни, в глубине души сомневалась. «Ведь она нарисовала карикатуру на меня, воспитательницу, которая была ей все равно что мать, — думала она. — Почему же она не могла сделать и другой рисунок? И если не она, то кто же?»

Директриса пыталась отогнать эти мысли, но они возвращались. И в ту самую минуту, когда она публично оправдала Энни и девочка восхищенно на нее взглянула, миссис Виллис, к великому огорчению своему, почувствовала, что охладела к ней.

Вернувшись на свое место и занявшись уроками, Энни старалась

уверить себя, что она счастлива и довольна. Сесиль Темпл подошла к ней и сказала несколько сочувственных слов, во время полуденной прогулки Энни заметила, что некоторые из подруг относятся к ней как раньше. В рекреационной зале настроение было такое, что если бы Энни сделала хоть малейшее усилие, она тут же вернула бы себе прежнее положение. С ее способностью привлекать к себе людей это было бы нетрудно. Некоторые из воспитанниц не могли объяснить себе причины оправдания Энни; но раз миссис Виллис и мистер Эверад так решили, то так тому и следует быть. Остальные же без лишних раздумий готовы были позабыть всю эту историю и восстановить с Энни прежние отношения.

Однако Энни продолжала дичиться. В рекреационной зале она постоянно возилась с малышами, которые и в хорошую погоду, и в ненастье оставались ей верны, а к любезностям сверстниц относились холодно и под разными предлогами отклоняла предложения Сесиль посидеть у нее в «уголке».

— Ах, нет, Сесиль, я ненавижу сидеть смирно, когда-нибудь в другой раз. Ну, Сибил, моя прелесть, — обратилась она к одной из младших девочек, — садись-ка ко мне на спину, я, как верный конь, пронесу тебя по зале.

Энни не выглядела грустной или расстроенной, но избегала встречаться глазами с Сесиль, отчего добрая и кроткая Сесиль начала сомневаться в ней.

Вечером Энни сидела на полу с одной малышкой на коленях, другие две вертелись около нее. Вдруг на нее посыпался целый поток леденцов.

— Это привет вам, мисс, — изрекла Сьюзи Драммонд своим певучим сонным голосом. — Вы очень счастливо избежали беды.

Дети стали жадно запихивать в рот леденцы, но Энни, вскочив на ноги и стряхнув с себя липкие сладости, надменно вздернула носик:

— Это какой же беды я избежала?

— Ах, Боже мой! — зевнула Сьюзи, отступив. — Я хотела только сказать, что ты чуть не попала в скверную историю. Впрочем, это не мое дело. Я всего лишь хотела угостить тебя леденцами.

— Я не люблю леденцов. И тебя тоже не люблю. Иди к своей компании.

Сьюзи надулась и пошла прочь.

— Ах, дорогие мои, не ешьте эту гадость, — Энни принялась отбирать леденцы у малышек. — Они никуда не годятся. К тому же их принес враг Энни. Они, наверное, отправлены. Соберем их и бросим в огонь.

— Они хорошие, — уверяла ее маленькая Дженин Вест, с наслаждением

смакуя сливочно-шоколадный леденец. – Энни, дорогая, они такие вкусные.

– Это ничего не значит, Джени, на самом деле они гадкие. Я их брошу в камин, и мы до чая еще успеем сыграть в лягушку-попрыгушку. Фуй, Джуди, – прикрикнула она на другую девочку, которая начала было капризничать. – Крошки, кто любит Энни, тот не станет есть этих конфет!

Последние слова возымели действие. Малышки, сделав над собой усилие, побросали леденцы в передник Энни. Собрав детей вокруг себя, Энни прошла через залу и на глазах у Сьюзи Драммонд, Эстер Торnton, Сесиль Темпл и многих других бросила леденцы в огонь.

– Очень благодарна вам за угощение, мисс Драммонд, – произнесла она и, отвесив шутовской поклон, увела детей обратно.

Глава XVIII. В гамаке

Тем временем на смену холодной, безрадостной зиме пришли ласковые весенние дни. Вечера стали значительно длиннее, а по утрам в окна спален лился солнечный свет.

Эстер Торnton теперь одевалась, не зажигая свечей. По дороге в часовню она уже не дрожала, в зимнем платье стало жарко; словом – весна вступила в свои права. Задули теплые ветры; на деревьях разбухли, а потом и раскрылись почки; деревья оделись листвой; в школьном саду запестрели цветы. Жизнь воспитанниц тоже изменилась: рекреационная зала опустела; кончились однообразные прогулки по дорогам. Теперь в двенадцать часов девочки бегали и прыгали в саду, играли в крокет, теннис и другие игры. Позднее, когда жара спадала, они устраивали и дальние прогулки, но всегда старались пораньше возвратиться в свой любимый сад, чтобы успеть поиграть там до чая.

Пасха в тот год выпала на середину апреля, на самый разгар весны. С каким нетерпением ожидали ученицы пасхальных праздников! Сколько планировалось игр, партий в крокет, в теннис. На Пасху миссис Виллис обыкновенно покидала школу на несколько дней; уезжала и учительница французского. Девочки оставались на попечении мисс Гуд и мисс Дейнсбери. Из учениц разъезжались только те, кто жил по соседству, так как пасхальные праздники длились всего неделю. Оставшиеся не только не скучали, но и искренне считали весенние каникулы самым веселым и приятным временем в школе.

На этот раз воспитанницы были очень удивлены, узнав, что миссис Виллис не уезжает. Отпуск получила мисс Гуд. Эта новость стала предметом оживленного обсуждения. Многие полагали, что начальница остается из-за Энни Форест, опасаясь новых неприятных происшествий в школе. Однако миссис Виллис не подавала никакого повода к подобным предположениям: она была ласкова с Энни и, казалось, вполне вернула ей свое расположение. Энни стала более сдержанной, число ее шалостей заметно поуменьшилось. Но благоразумная мисс Форест нравилась подругам гораздо меньше, чем сумасбродная проказница былых дней.

Сесиль Темпл обыкновенно проводила Пасху у старой тетки, жившей в соседнем городке. Теперь же она объявила, что не желает покидать школу, но воспитательницы не поддержали ее, и Сесиль начала собирать вещи, полная гнетущего предчувствия какой-то неведомой беды. Когда она

садилась в экипаж, чтобы ехать на станцию, Энни прибежала с букетом цветов. Она торопливо бросила его в экипаж, крепко обняла Сесиль и страстно прошептала:

– О, Сесиль, верь мне.

– Я... Я... Разве я не верю? – нерешительно спросила Сесиль.

– Нет, в глубине души ты не веришь. Ни ты, ни миссис Виллис не доверяете мне. О, как это тяжело, если б ты знала...

Энни всхлипнула и убежала в сад.

Она постояла, пока не замер стук колес, потом поправила волосы, вытерла глаза и стала смотреть по сторонам, придумывая, чем бы заняться. Сад словно ожил: везде звучали молодые голоса, звенел веселый смех. Девочки группками стояли под каштанами, гуляли парами по тенистым аллеям в конце сада. Малыши прыгали и валялись на траве, ученицы средних классов играли в теннис. Энни, неизменно ловкая участница всех игр, особенно отличалась в теннисе. Она остановилась возле площадки с явным желанием принять участие в игре, но, подумав минуту, повернулась и пошла в конец сада. Некоторое время она просто задумчиво шла по аллее, но вдруг лицо ее ожило: между деревьями она заметила гамак, который, очевидно, позабыли убрать на зиму. В нем была куча опавших листьев, слежавшихся и отсыревших. Энни вытряхнула листья и улеглась в гамак. Погода стояла теплая, и Энни с наслаждением покачивалась в гамаке, сожалея лишь о том, что под рукой нет книги сказок.

Вдали она слышала голоса малышей, которые звали: «Энни, Энни Форест!». Но ей было так уютно лежать, что она не откликнулась. Она уже незаметно начала засыпать, но тут звуки знакомых голосов сразу прогнали сон.

Под дубом, к которому одним концом был привязан гамак, уселись Дора Рассел и Эстер Торnton. Первым желанием Энни было бросить в них листьями и обнаружить себя. Но одной услышанной фразы было достаточно, чтобы она притаилась и начала прислушиваться к разговору.

– Я никогда не любила ее, – раздался голос Эстер Торnton. – Я нахожу ее невоспитанной, а потому совсем неподходящей компанией для других воспитанниц.

– К ней все ужасно пристрастны, – пожаловалась Дора Рассел своим крикливым голосом. – Я уверена, что все эти штуки с нашими классными столами и карикатура на тетради Сесиль Темпл – ее рук дело. До чего же миссис Виллис слепа по отношению к ней! Миссис Виллис и мистер Эверад напрасно поддерживают эту грубую, неприятную особу. Такое отношение повредит школе и самой миссис Виллис. Ты знаешь, я летом

заканчиваю «Лавандовый дом» и сделаю все возможное, чтобы отговорить родителей отдавать сюда младших сестер. Им следует избегать общества Энни Форест.

– Я стараюсь не обращать на нее внимания, но, конечно, ты совершенно права, Дора. Ты умеешь разбираться в людях, а твои сестры легко могли бы поддаться дурному влиянию.

– О нет! Они тоже сумеют распознать настоящую леди. Но все-таки не следует подвергать их опасности. Я уговорю родителей отдать их к мадемуазель Лебланш. Говорят, это очень изысканный пансион.

– Положим, миссис Виллис тоже вполне мила, как и большинство ее учениц.

Обе замолчали. Эстер наклонилась, рассматривая мох, покрывающий ствол дуба. Потом она заговорила опять.

– Мне кажется, Энни уже не такая всеобщая любимица, как прежде.

– Конечно, нет. Все наши в глубине души не верят в ее невиновность. Пойдем в мой «уголок», Эстер, выпьем чаю.

Девушки ушли, а вскоре и Энни выскользнула из гамака.

Услышанный разговор пробудил в ней ужасное, доселе неведомое и совершенно чуждое ее природе чувство. Она возненавидела двух девиц, которые так жестоко, так несправедливо судили о ней. Ее несчастья начались с момента поступления в школу Эстер. Сколько раз вздыхала Энни о том времени, когда была общей любимицей, сколько слез пролила! Она горевала, вспоминая нежные ласки миссис Виллис, и страстно желала снова испытать их. Энни не сомневалась, что подозрение против нее было возбуждено Эстер и отчасти Дорой. Дора обвинила ее в порче сочинения, хотя знала, что Энни и в голову не могла прийти такая мысль. Хорошо же! Она действительно сделает какую-нибудь гадость этим двум девчонкам – тогда, по крайней мере, они не напрасно будут обвинять ее. Энни дала себе слово отомстить обидчицам.

Глава XIX. Игра в бильбоке

В конце пасхальных праздников Эстер получила письмо из дома. Отец сообщал, что покидает родину и на несколько лет уезжает за границу, оставляя Эстер на попечении миссис Виллис.

Дочитав до этого места, расстроенная Эстер бросила письмо на стол и, уронив голову на руки, разрыдалась.

– О, как это жестоко – горько воскликнула она. – Столько времени жить вне дома и не видеть мою дорогую Нэн!

Душа Эстер рвалась к маленькой сестричке. Воображение рисовало ей безотрадную картину: не видя сестры в течение нескольких лет, малышка ее позабудет, и что еще хуже, чужие люди испортят ее или будут дурно обращаться с нею.

Наплакавшись, Этти вытерла глаза и принялась дочитывать письмо. Вдруг лицо ее просияло. Оказывается, отец просил миссис Виллис принять Нэн, и та согласилась, хотя эта крошка была моложе всех ее воспитанниц. Эстер сунула письмо в карман, бросилась к Сьюзи Драммонд и, к немалому удивлению флегматичной девицы, поцеловала ее.

– Нэн приедет, Сьюзи! Милая крошка Нэн! О, как я рада!

Счастью девочки не было предела, она танцевала, пела и болтала с глупой Сьюзи, стараясь втолковать ей, в чем дело. О, она готова оставаться в школе хоть всю жизнь, раз ее сестренка, ее сокровище, будет с нею. Теперь ей больше ничего не нужно.

После завтрака миссис Виллис послала за Эстер и сообщила ей приятную новость. Сьюзи Драммонд будет переведена в другую комнату, а Нэн будет жить с сестрой. Директриса проявила столько теплого участия, особенно отметив преданность Эстер сестре-сиротке, что еще больше привязала к себе сердце своей питомицы.

Нэн ожидали на следующий день вечером. Няня должна была оставаться с нею в течение недели, пока малышка не привыкнет в новой обстановке.

День приезда Нэн был последним днем каникул. Эстер проснулась рано и, лежа в постели, придумывала, как ее встретить.

Мысль о прибытии сестры благотворно подействовала на девочку. Вообще ей неплохо жилось в школе: регулярные занятия развили природные способности, общение с подругами выровняло характер. Хорошие стороны школьной жизни имели бы на нее еще большее влияние,

если бы не загадочные происшествия в школе, нарушившие всеобщее спокойствие. Упорная антипатия к Энни Форест сделала Эстер излишне черствой.

Но в это утро сердце девочки переполняли только самые лучшие, самые теплые чувства. Умирающая мать поручила Этти маленькую сестру. Она ответственна перед нею и Богом. Она должна стать для Нэн примером добродетелей. Ради сестренки Этти будет добра, снисходительна, будет обдумывать все свои поступки. Ведь чистые глазки будут читать в ее душе, и если Нэн увидит в ней что-то дурное, Эстер умрет со стыда.

Эстер очень гордилась дружбой с Дорой Рассел. До сих пор в школе не было случаев такого сближения первоклассницы и третьеклассницы. Естественно, это вскружило голову Эстер, и она невольно поддавалась влиянию изящной и насмешливой девушки. Из ложного стыда она часто соглашалась с ее мнением, хотя в душе сознавала, что та ошибается. По природе Эстер была честна и благородна, тогда как Дора отличалась мелочностью и душевной пустотой.

Одевшись, Эстер тотчас же побежала к подруге поделиться радостью.

– Сегодня Нэн приедет! – объявила она.

Дора в это время разговаривала с другой первоклассницей. Обе взглянули на Эстер довольно надменно. Потом Дора со своей обычной небрежностью спросила:

– Кто это, Нэн?

Эстер удивилась. Она так часто рассказывала подруге о младшей сестре, и Дора как будто с интересом слушала, а теперь вдруг она спрашивает, кто такая Нэн.

– Да сестра моя, конечно, – ответила Эстер с досадой. – Я говорила тебе о ней, Дора. Ты рада, что она приедет?

– Ну, этого я не могу сказать, моя девочка. Если ты хочешь дружить со мной, то держи ее от меня подальше: я терпеть не могу маленьких детей.

Эстер отвернулась, чтобы скрыть слезы. Выходя из комнаты, она слышала, как первоклассницы смеялись.

Впрочем, большинство воспитанниц разделяли радость Эстер, и больше всех старалась Сьюзен Драммонд:

– Ну не добренькая ли я, скажи, пожалуйста, Этти? Из удобной комнаты меня выдворили, и с кем бы ты думала я теперь живу? С этой цыганкой Энни Форест!

Но в столь счастливый день Эстер была готова даже к Энни относиться благосклонно.

Вечером приехала Нэн. Это был хорошенъкий трехлетний ребенок с

большими черными глазами и ямочками на пухлом лице. Девочка была сильно избалована и никого не боялась. Стоя возле Этти, Нэн улыбалась и кивала направо и налево всем, кто ласкал ее и восхищался ею. В сравнении с Нэн все другие мальчики словно выросли. Она была на два года моложе самых маленьких, и скоро обнаружилось, что она намерена властвовать в этом уютном мире.

Нэн сидела на коленях у сестры и гладила ее лицо. Этти болтала с ней и шутила.

– Нэн любит Этти, – повторяла мальшика.

В это время в залу вошла Энни Форест. Она, единственная из всех воспитанниц, не обратила внимания на новенькую. Подойдя к младшим детям, она по обыкновению уселась на пол и стала играть в бильбоке.^[8]

Эстер не заметила ее; она держала Нэн на коленях, ерошила ее волосы, обращая внимание подруг на несомненные прелести сестренки:

– Посмотрите, какая чудная ямочка у нее на подбородке, – говорила она. – А глаза? О, моя прелест! Они у тебя стали еще больше и выразительнее. А какие плутоватые! Погляди на меня, сокровище, погляди на твою Этти!

Но Нэн смотрела совсем в другую сторону. Ее внимание было привлечено игрушкой, с которой Энни управлялась очень искусно.

– Как холосо! – заявила она и, взглянув на Этти, снова повернулась к бильбоке.

Энни оглянулась и улыбнулась мальшике. Этого было достаточно: Нэн стала вертеться у сестры на коленях.

– Холосая иглуска! Нэн будет посмотлетъ.

Не успела Эстер оглянуться, как сестра сползла с ее колен и, пробежав по зале, остановилась возле Энни, хлопая в ладоши при каждом удачном ударе.

– Она околдует ее, вот увидишь, Этти, – сказала одна лукавая девочка. – Нэн скоро будет предпочитать тебе Энни. У нее особое умение привлекать к себе детей.

– Ей не удастся переманить Нэн, – отрезала Эстер. Но помимо ее воли чувство ревности вкрадось в ее душу, и она пошла за сестрой.

– Нэн, тебе пора спать.

– Нет, нет, не надо спать. Иди плочь. Нэн будет глядеть холосую иглуску.

Энни взглянула на Эстер. Пока ей и в голову не приходило отнять у Эстер ее сокровище, но она не могла сдержать чувство некоторого торжества, и оно отразилось в ее глазах.

Эстер схватила Нэн за руку и потащила ее за собой. Энни тотчас же бросила бильбоке.

– На сегодня довольно, дорогая. Поцелуй Энни и иди с сестрицей спать.

Нэн, которая собралась было плакать, вдруг улыбнулась и, обняв Энни за шею, сказала:

– Нэн любить иглуску. И Энни любить.

Затем подала руку сестре и вышла с ней из залы.

Глава XX. В южной гостиной

После Пасхи наступало время усиленных хлопот и волнений. Чтобы отличиться в глазах родителей, родственников и опекунов, воспитанницам приходилось много трудиться. Результаты их стараний оглашались в день вручения премий.^[9]

С самой первой минуты своего поступления в школу Эстер слышала об этом замечательном празднике. Малые премии раздавались и на Рождество, но большие, которые вручала сама миссис Виллис, откладывались до конца учебного года.

Девочки, проведшие в стенах школы два-три года, расписывали этот чудесный день во всех подробностях. Праздник отмечался на открытом воздухе. На лугу строили большой навес, чтобы разместить под ним всех многочисленных родственников. Объявление премий сопровождалось множеством других удовольствий. Вечером устраивалось какое-нибудь представление, и миссис Виллис позволяла воспитанницам самим сделать выбор, при условии, что они же будут и участницами. Каждый год бывало что-нибудь новое: живые картины, костюмированный бал или что-нибудь в этом роде. Девочки сами рисовали эскизы для бала и даже шили костюмы.

— Миссис Виллис охотно содействует нам, — рассказывали ученицы. — После Пасхи она устраивает так, чтобы у учениц старших классов было два свободных вечера в неделю. После чая они собираются в южной гостиной начальницы, где никто не мешает им совещаться и работать.

У Эстер после Пасхи оказалось дел по горло. Она решила попытаться получить премию и с большим интересом ожидала первого вечера, назначенного для совещаний в гостиной директрисы.

Относительно премий миссис Виллис придерживалась определенной политики. Она полагала, что каждая ученица должна дойти в своих познаниях до известного уровня. Те немногие, которые стояли ниже этого уровня, к состязанию не допускались. Остальные же выбирали какой-нибудь предмет и писали сочинение, но только одно.

В первый же понедельник после пасхальных каникул были объявлены предметы, по которым следовало писать, а в пятницу ученицы должны были огласить свой выбор. Оказалось, что Эстер и Дора пожелали писать сочинение по предмету «английский язык». За него всегда давалась самая ценная премия, и девочки, узнав о выборе Эстер, лишь покачали головами:

— Довольно смело с твоей стороны, Этти, выбрать такой предмет. Не

забывай, что миссис Виллис очень строга. Хоть мы и учим грамматику и знаки препинания, но начальница находит, что слог наш несовершенен, ее первую премию может получить только ученица с природными дарованиями. Одна премия на все три класса! Перемени предмет, пока не поздно, иначе тебе придется состязаться с первоклассницами.

Но Эстер стояла на своем: она сделает все, что сможет, а там – что Бог даст.

Воспитанницы сделали свой выбор. На следующее утро миссис Виллис пришла в класс, чтобы посоветовать им, как взяться за дело. Короткая, но содержательная речь любимой наставницы воодушевила девочек; даже Эстер, сравнительно недавно поступившая в школу, поняла, что, работая над сочинением, она должна иметь в виду нечто большее, чем вещественная награда.

Затем миссис Виллис дала ученицам несколько указаний по поводу избранных ими тем. О сочинении по английскому языку она заговорила только под конец. Против обыкновения она не указала конкретные темы, а предоставила ученицам свободный выбор.

Услышав это, Энни Форест, которая до этого сидела в задумчивости, вдруг вскочила с места и начала что-то шептать мисс Гуд. Мисс Гуд, кивнув головой, подошла к миссис Виллис и сообщила, что Энни отказывается от прежде избранного предмета и хочет состязаться в английском языке.

Директриса с удивлением посмотрела на Энни и, не сказав ни слова, внесла ее имя в список. Энни села на место, не обращая внимания на взгляды подруг, которые не могли прийти в себя от ее самонадеянности.

В этот вечер ученицы в первый раз собрались на совещание в южной гостиной, предоставленной в их распоряжение миссис Виллис. Небольшое помещение не могло вместить все три класса, поэтому девочкам предстояло избрать комитет, на который и будет возложено устройство праздника. Толковали, спорили, смеялись, принимали и отвергали различные планы и все не приходили к окончательному заключению. Сесиль Темпл, к мнению которой девочки всегда прислушивались, сначала молчала. А потом, подсев к Энни Форест, громко, чтобы все слышали, сказала:

– До сих пор никому из нас не пришло в голову ни одной путной идеи. Скажи что-нибудь, Энни. Ведь это ты придумала в прошлом году костюмированный бал!

Энни подняла черные глаза, оглядела подруг и, заметив, что все они, кроме Сесиль, избегают ее взгляда, презрительно отметила:

— Все эти приготовления, по-моему, не имеют смысла. Пустая трата времени! Впрочем, если хотите, будем играть в жмурки и показывать китайские тени.

И отвесив шутовской поклон, вышла.

— Несносная особа! — не сдержалась Дора Рассел. — И охота тебе, Сесиль, обращаться к ней. Ты же знаешь, мы не желаем иметь с ней ничего общего.

— Я знаю, что вы отравляете ей жизнь. Именно это вы и делаете, — резко ответила Сесиль. — Никто из вас не исполнил приказания миссис Виллис обращаться с Энни по-прежнему. Вы действительно отправили ее в « ссылку ». Это невеликодушно и неблагородно. Вам не приходит в голову, что это может повлиять на всю жизнь бедной девочки?

— Что-то не похоже, — возразила второклассница, мисс Вест. — Она натура довольно грубая.

— Плохо ты ее знаешь! — вспыхнула Сесиль. — И вообще вы поступаете некрасиво: не обвиняете ее ни в чем открыто, но ведете себя так, будто она виновата.

Тут Эстер решилась сделать очень смелое заявление:

— Я не думаю, что миссис Виллис в глубине души считает ее невиновной.

Некоторые девочки засмеялись, но Дора Рассел объявила, что она вполне разделяет мнение Эстер Торnton, и Сесиль замолчала.

— Во всяком случае, — заявила мисс Конвей, старшая из первоклассниц, мнение которой всегда высслушивалось с уважением, — все эти споры и недоброжелательство относительно мисс Форест теперь совсем некстати. Я решительно не понимаю, какая нужда травить эту бедняжку, и какое нам дело, виновата она или нет. Миссис Виллис и мистер Эверад решили, что нет, ну и довольно. Мы только потеряем от ссоры с нею. Несмотря на ее недостатки, она единственная, кто способен предложить оригинальную идею. Но поскольку мы не можем ее вернуть, постараемся обойтись без нее. Право же, нельзя терять целый вечер на пустые разговоры!

Все горячо принялись предлагать варианты для празднования, и после жарких споров было решено разыграть две небольшие комедии, а для выбора пьес и распределения ролей избрать особый комитет. В него вошли Дора Рассел, Джуди Конвей, Эстер Торnton, Сесиль Темпл и еще две второклассницы. Этим и закончилось совещание. Девочки расходились со смешанными чувствами, с сожалением вспоминая веселые собрания прошлого года, когда Энни Форест была душой общества и сыпала идеями по части костюмов предстоящего бала.

Глава XXI. Украденное сердце

Выбежав из южной гостиной, Энни оказалась лицом к лицу с миссис Виллис.

– Куда это ты бежишь, дитя мое? – ласково поинтересовалась начальница. – Впрочем, я напрасно спрашиваю, ведь ты одна из заговорщиц.

– Нет, я ушла от них, – ответила Энни, встряхнув волосами, она всегда так делала, когда волновалась.

– Ушла от них? Ты хочешь сказать, дружок, что они послали тебя за чем-нибудь?

– Нет, я больше не с ними. Можно мне пойти в сад?

– Конечно, моя дорогая...

Не глядя на директрису, Энни толкнула обтянутую сукном дверь и очутилась в большом холле. Взяв с вешалки шляпку, девочка направилась к двери, ведущей в сад. Ей хотелось поскорее очутиться в гамаке и выплакаться. Не успела она выйти, как столкнулась с группой младших детей, которые возвращались с обычной прогулки перед сном. Мисс Дейнсбери шла впереди, ведя за руку двух крошек, Нэн семенила за ней. Увидев Энни, она протянула руки и бросилась к ней.

– Где иглуска? – залепетала девочка, подняв к Энни свое цветущее лицо. – Холосая иглуска. Нэн хотеть иглуску.

– Ты получишь игрушку, если обнимешь и поцелуешь меня.

Малышке только того и надо было. Она обвила шею Энни и прижала свою пухлую щечку к ее губам.

– Так? – самодовольно спросила она.

– Хорошо, моя прелесть. Ты будешь меня любить, правда?

– Нэн любить Энни.

Тут мисс Дейнсбери позвала девочку, и Нэн побежала в дом, на ходу вытирая ладошкой щеку, на которой слезы бедной Энни оставили влажный след.

Проводив детей глазами, Энни грустно направилась в отдаленную аллею, в тенистую часть сада. Солнце уже село, к вечеру стало довольно прохладно, и Энни дрожала. Она всегда довольно небрежно относилась к своему здоровью и сначала, несмотря на холод, собиралась лечь в гамак. Но потом передумала. Слезы уже не так душили ее, ласка Нэн смягчила их горечь.

В эту минуту в оскорбленном сердечке девочки созрел план, который впоследствии стал причиной многих несчастий. Заметив, что Нэн привязалась к ней, Энни задумала отбить ее у Эстер и так отомстить своему недругу. Потерять любовь сестры, которая была для нее дороже всего на свете, – это стало бы для Эстер тяжелым ударом. Энни знала это, но искушение было слишком сильно, и она поддалась ему. Завоевать любовь Нэн было нетрудно, Энни стоило только этого захотеть. Итак, решено: Эстер внесла столько горя в ее жизнь, пусть теперь она сама испытает его; горько раскается она в своей несправедливости и жестокости, но уже будет поздно.

Глава XXII. На месте сгоревшего замка

Сосредоточив все свои помыслы на Эстер, Энни позабыла о Доре. Эстер была для нее более опасным врагом: она принадлежала к ее кругу, училась в ее классе, поэтому ее наветы могли восстановить против Энни подруг. Дора же была ей чужой, и до появления в школе Эстер даже не замечала ее существования. Следовательно, в первую очередь нужно было наказать Эстер. Этот план привнес в жизнь Энни новый интерес, и постепенно она стала находить, что мщение – занятие довольно приятное.

Сьюзен Драммонд жила теперь в одной комнате с Энни. Как-то вечером флегматичная девица немало удивила Энни, разразившись бранью в адрес Эстер и Доры. Последняя чем-то обидела ее, и Сьюзи искала сочувствия у Энни. Она даже предложила заключить союз, чтобы наказать эту напыщенную особу.

Энни, никогда не любившая Сьюзен, ответила с обычной своей резкостью:

– Никаких союзов! Я и так немало пострадала из-за всего этого.

Сьюзи тупо посмотрела на соседку, и густая краска залила ее лицо.

– А я думала, ты ненавидишь Эстер и Дору. Они же тебя терпеть не могут, я знаю.

Энни промолчала.

– Но ведь и ты их не жалуешь, правда? – продолжала допытываться мисс Драммонд.

– Тебе до этого нет дела, Сьюзи. И пожалуйста, перестань болтать, ты мешаешь мне спать.

Сьюзи была крайне удивлена, не встретив сочувствия, и совсем сбита с толку – она ожидала совсем другой реакции. С этой минуты она стала питать к Энни нечто вроде уважения, смешанного с некоторым опасением.

Между тем Эстер чувствовала себя как нельзя лучше. Присутствие маленькой сестры наполняло покоем ее сердце, ум усиленно работал над предстоящим сочинением – словом, жизнь была прекрасна.

Решив добиться премии, она не задумывалась о том, что становится таким образом соперницей своей подруги, Доры Рассел. Эстер тщательно обдумывала избранную тему, ей хотелось написать краткий исторический очерк о последних днях царствования Марии Антуанетты. Чтобы хорошо исполнить задуманное, надо было перечитать много книг. По счастью, библиотека в школе была хорошая, кроме того, миссис Виллис предоставляла воспитанницам свою собственную обширную библиотеку, и Эстер в свободные часы подолгу просиживала там. Два вечера в неделю были посвящены репетициям комедий. В одной из них у Эстер была совсем маленькая роль, зато в другой – довольно ответственная. Таким образом, она постоянно была занята, поэтому на общение с Нэн оставалось не так много времени.

Нэн спала в хорошенъкой кроватке в комнате сестры. Эстер по вечерам становилась возле нее на колени и, прислушиваясь к ее дыханию, смотрела на девочку с чисто материнской нежностью. В эти минуты в душе Эстер царили лишь самые добрые чувства, а все мелочное – честолюбие, зависть, злоба – таяло, как воск. Глядя на спящую Нэн, Этти была способна на великодушие. Жаль, что Энни Форест не видела ее в такие часы, когда на глазах ее блестели слезы, а губы дрожали от умиления. Заносчивости и жесткости не было и в помине. У постели малышки стояла девочка с чистым, любящим сердцем. Этот ребенок, как небесный ангел, освещал и согревал ее душу лучше всяких наставлений и проповедей.

За усиленными занятиями Эстер не замечала происшедшую в Нэн перемену. Утром она торопилась и не имела времени поболтать с

малышкой, а в течение дня, видя ее играющей с другими детьми, она спокойно занималась своими делами. Этти не сомневалась, что как только она будет в состоянии уделить побольше времени сестре, та встретит ее с восторгом.

В конце мая воспитанницы собирались на прогулку мили за четыре от школы. Все с нетерпением ждали этого дня, и, когда он наступил, восторгам не было конца. После раннего обеда несколько экипажей должны были доставить девочек в лес – к сгоревшему замку, едва ли не самому красивому месту в окрестностях. Миссис Виллис пригласила сестер Брюс принять участие в пикнике. Отъезд был назначен на два часа пополудни. Погода была чудесная, поэтому решено было взять младших детей, в том числе и Нэнси.

Больше всех радовалась этому дню Эстер. Она решила устроить себе настоящий праздник, день отдыха. Она позабудет английское сочинение, перестанет думать о Марии Антуанетте, не будет мучиться зубрежкой ролей и всецело посвятит себя крошке Нэн. Она заранее представляла себе восторг малышки, воображая ее радостные восклицания, беспрестанное щебетание и безмерную радость от того, что та проведет целый день со своей Этти. Эстер будет играть с ней, носить на руках – словом, будет в полном ее распоряжении, и больше ей ничего и никого не нужно.

Одеваясь утром, она сообщила сестренке о предстоящем удовольствии.

– Мы зажжем в лесу огонь, повесим котел и заварим чай. То-то будет весело!

– Нэн будет взять свой зонтик, – заявила Нэн, захлопав в ладоши.

– Ах ты шалунья! – поцеловала ее Эстер. – Славный у нас будет денек, Нэн, целый день с тобой будет твоя Этти. Понимаешь? Целый день! Ты рада?

– Лада. Моя Этти и моя Энни, лада.

По счастью, Эстер не слышала этих слов: позвонили к молитве.

За обедом девочки сговаривались, кто с кем поедет, и все были очень веселы.

– Мисс Дейнсбери возьмет всех маленьких, – сказала мисс Гуд. – Миссис Виллис так распорядилась.

– Прошу вас, мисс Гуд, позвольте Нэн ехать со мной, – принялась упрашивать Эстер. – Она будет так огорчена, если меня не будет с нею, а я уж присмотрю за ней.

Мисс Гуд кивнула в знак согласия, и Этти успокоилась. Тотчас же после обеда воспитанницы побежали одеваться. Открыв шкаф, Эстер

достала нарядное платье для Нэнси. В нем сестренка будет выглядеть настоящей куколкой.

– Хоть бы мисс Дейнсбери привела ее сюда, – подумала она, торопливо дергая звонок.

– Не знаете ли вы, где мисс Нэн? – спросила она вошедшую горничную.

– Она только что уехала, мисс.

– Не может быть, Элис. Мисс Дейнсбери позволила мне взять Нэн с собой.

– Я этого не знаю, мисс. Я видела, как мисс Форест снесла ее на руках сверху, и затем они поехали в большом экипаже с мисс Дейнсбери и другими детьми.

Эстер стояла неподвижно, то краснея, то бледнея. Наконец, услышав, что ее зовут, она отпустила горничную, повесила в шкаф наряды сестры, убрала на место новую шляпку, в которой собиралась щеголять в этот день, и, надев старую зимнюю шляпу, медленно сошла вниз и села в ожидавший ее у подъезда фургончик.

Сесиль Темпл и несколько других наиболее близких подруг Эстер ехали с нею вместе. Эстер тяготила необходимость разговаривать с девочками и смеяться, ей хотелось плакать. Она была глубоко огорчена, и ревность к Энни Форест грызла ее сердце.

– Что же это, Эстер? – беспардонно спросила Джулия Моррис. – Я думала, твоя прелестная сестрица поедет с нами. Надеюсь, с ней ничего не случилось?

– Нэн отправилась с другими детьми, – ответила Эстер, стараясь казаться спокойной. Но, заметив, что Сесиль наблюдает за нею, покраснела.

– Я видела, как Энни Форест несла девочку на руках, – выпалила Сьюзи Драммонд. – Нэн обнимала ее и громко смеялась. Тебе нечего беспокоиться, Эстер. Твоя сестра выглядела вполне довольной.

– Я и не беспокоюсь, – холодно отозвалась Эстер. – Как красива эта липовая аллея!

– Но ведь Энни слышала, как ты просила мисс Гуд отпустить Нэн с тобой, – не отставала Джулия. – Она не могла этого не заметить, ведь ты так обрадовалась, что покраснела до корней волос.

– Если Нэн довольна, значит, все прекрасно, – с усилием ответила Эстер. – Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Сесиль перевела разговор на предстоящий спектакль, и беседа сделалась общей. Эстер говорила и смеялась не меньше других.

Несмотря на искусственное возбуждение Этти, Сесиль заметила, что тотчас же по приезде ее подруга с беспокойством стала оглядываться по сторонам. Лицо ее было бледно, глаза увлажнились слезами.

Выйдя из экипажа, Сесиль с наслаждением бросилась на траву, но, заметив тревожное состояние Этти, тотчас же вскочила.

– Прежде всего надо отыскать Нэн, Этти, – сказала она. – Вижу, ты очень по ней соскучилась.

Сесиль протянула Этти руку, чтобы вместе бежать через лес, но, к ее удивлению, та отступила.

– Я устала. Мне нечего беспокоиться, раз Нэн находится под надзором мисс Дейнсбери.

Сесиль не стала спорить и продолжила поиски одна. Взобравшись на небольшой холм, она взглянула вниз и, приставив руки ко рту, позвала Эстер. Подруга шла неохотно, поэтому Сесиль сбежала ей навстречу и, взяв ее за руку, почти насильно потащила наверх.

– Иди, иди скорее. Посмотри, какая прелестная картина!

Внизу, в долинке, развлекалось младшее отделение школы. Десять или двенадцать девочек в венках из полевых цветов и с букетами в руках бегали по кругу, в центре которого стояла Энни с Нэн на плече. Мисс Дейнсбери сидела под деревом и читала.

Роскошные кудри Энни были сплошь усыпаны цветами. Нэн в венке из анемонов была прелестна. Энни покачивала малышку, крепко придерживая ее ножки, а та хлопала в ладоши и хохотала. Дети кружились вокруг Энни, напевая вместе с ней детскую песенку:

Мальчик-с-пальчик лазить стал
И скорехонько упал. [\[10\]](#)

– Нэн не падать, Энни, – закричала девочка, а другие захлопали в ладоши и послали ей воздушные поцелуи.

– Как они восхитительны! Как прекрасна Энни среди детей! – восклекнула Сесиль, обернувшись к Эстер. Но выражение лица подруги поразило ее. Эстер была бледнее полотна. Резким, пронзительным голосом она закричала Энни:

– Осторожно! Зачем ты держишь ее на плече! Она упадет, непременно упадет!

Дети перестали танцевать и петь, Нэн неловко повернулась на руках у Энни, отчего та, потеряв равновесие, оступилась – и малышка упала

наземь, ударившись затылком. В ту же секунду Эстер была около нее.

– Не прикасайся к ней! – исступленно кричала она, когда Энни попыталась поднять лежащую без чувств девочку. – Не смей трогать. Это все из-за твоих выдумок. Ты нарочно это сделала! Да-да, нарочно!

– Ты несправедлива, – тихо возразила Энни. – Нэн была в полной безопасности, это ты испугала ее. Ничего бы не случилось, если бы ты не закричала так внезапно.

Эстер ничего не ответила: перед ней без сознания лежала обожаемая сестренка, и ей казалось, что Нэн умерла.

Сесиль сбегала к роднику за водой. Мисс Дейнсбери смочила виски малышки, и та открыла глаза.

– Я надеюсь, что все обойдется, – сказала мисс Дейнсбери, – но все же лучше уложить ее в постель. Сесиль, милая, позовите кучера, он отвезет нас. Только вот кто останется с детьми? Если бы мисс Гуд взяла их на свое попечение, я была бы спокойна.

– Я тоже поеду с Нэн, – решительно заявила Эстер.

– Конечно, дорогая моя. Никто и не подумает разлучать вас с сестрой, – участливо ответила мисс Дейнсбери.

– Прошу вас, мисс Дейнсбери, – заявила Энни, которая выглядела не менее расстроенной, чем сама Эстер. – Доверьте мне детей. Я отведу их к мисс Гуд и буду присматривать за ними.

Доброе лицо мисс Дейнсбери прояснилось.

– Спасибо, Энни. Конечно, я доверяю вам. Отведите детей на место сбора под большой дуб и ждите там мисс Гуд.

Энни вскочила и бросилась на шею учительнице.

– Благодарю, благодарю! – пылко проговорила она и убежала с детьми.

Глава XXIII. Мальчик-с-пальчик упал

По дороге Нэн полностью пришла в себя. Щеки ее горели, зрачки расширились, она беспрестанно болтала и смеялась. Эстер, совсем успокоенная, обратилась к мисс Дейнсбери.

— Мое сокровище, кажется, совсем в порядке, — сказала она. — Как же я испугалась! Слава Богу, все обошлось.

Но мисс Дейнсбери не разделяла ее уверенности. Она хотела взять Нэн на руки, но крошка уцепилась за сестру.

— Оберегайте ее от солнца, Этти. Держите над ней зонтик, вот так. Когда мы приедем, надо уложить ее. Дай Бог, чтобы все хорошо кончилось, но следует проявить осторожность.

Эти слова встревожили Эстер. Она прижала к себе сестру и почти не реагировала на ее лепетание. Потом Нэн перестала разговаривать и заснула.

Выражение лица мисс Дейнсбери делалось все озабоченнее. Когда фургон подъехал к «Лавандовому дому», она взяла девочку из рук Этти, отнесла наверх, раздela и уложила. Когда головка Нэн очутилась на прохладной подушке, она открыла глаза и попросила пить. Мисс Дейнсбери дала ей немного молока, но едва девочка отпила несколько глотков, ее стошило.

— Этого я и боялась, — прошептала учительница. — Дело не совсем ладно, надо послать за доктором.

Мисс Дейнсбери встала, чтобы позвонить, Эстер в тревоге последовала за ней:

— Нэн в опасности? Если она умрет, все узнают, что ее убила Энни!

— Полно, полно, не волнуйтесь. Дасть Бог, ей скоро будет лучше. Возможно, следует ожидать приступов лихорадки, но через несколько дней это пройдет. Эстер, дорогая, ведь дом-то у нас пустой, все слуги на пикнике. Пожалуйста, съездите за доктором. Фургон еще у подъезда. Поезжайте в город: Парадная улица, дом 10. И поторопитесь: после обеда доктор отправляется с визитами к больным.

Эстер взглянула на сестру, которая снова закрыла глаза. Учительница настаивала:

— Я позабочусь о ней, не теряйте времени, дорогая.

Эстер, схватив шляпу, побежала вниз, села в фургон и быстро покатила в Сефтон, до которого было около двух миль. Она была так

встревожена, что даже позабыла об Энни. Все ее мысли были об одном: успеет ли она застать доктора Мейфлауэра дома.

– Боже мой, Боже, помоги мне! – горячо повторяла она всю дорогу.

Молитва ее была услышана. Фургон остановился у дома доктора в ту самую минуту, когда он собирался сесть в свой фаэтон. Обычно застенчивая Эстер так громко окликнула доктора, что тот вздрогнул.

– Поедемте со мной, пожалуйста, поедемте! Крошка Нэн ушиблась! Поедемте немедленно!

– Э, юная леди? – воскликнул краснощекий доктор. – Вижу, вижу. Вы одна из питомиц «Лавандового дома». Что там случилось?

Эстер рассказала ему о случившемся. Доктор посадил Эстер в фаэтон, сам сел возле кучера, и они тронулись в сторону «Лавандового дома». Эстер нетерпеливо ерзала на мягких удобных подушках, казалось, что экипаж едет недостаточно быстро. Ей так и хотелось крикнуть кучеру: «Скорее, скорее!» Доктор выводил ее из себя своей невозмутимостью – развалившись, он с удовольствием читал газету.

Неожиданно она почувствовала на себе его взгляд.

– Обыкновенно я добираюсь до «Лавандового дома» за двадцать минут. Ровно за двадцать. Через десять минут мы будем там.

Эстер попыталась улыбнуться, но ничего не вышло. Ее беспокойство росло с каждой минутой. Она вздохнула с облегчением, только когда фаэтон остановился у подъезда. Мисс Дейнсбери открыла доктору дверь комнаты, в которой лежала Нэн, а Эстер, съежившись, осталась дожидаться на площадке. Ей показалось, что прошла вечность, прежде чем доктор вышел от больной. Она была бледна и не могла выговорить ни слова. Доброму доктору стало жаль ее.

– Идите сюда, дитя мое. Вы сами захвораете, если будете так волноваться. Полно, полно. Так нельзя. Выпейте хересу. Пойдемте вниз. Я похлопочу об этом.

– А она? – с трудом проговорила Эстер.

– Кто, малышка? Она прелестна. Я не знал, что это ваша сестра. Она порядочно-таки ушиблась, милая крошка.

– Она… она… в опасности?

– В опасности? О нет. Берегите ее, не раздражайте. Ей необходим полный покой. При хорошем уходе она поправится через несколько дней. Завтра утром я приеду ее осмотреть. Ну, наконец-то вы стали похожи на живого человека. Пойдемте вниз, выпейте рюмку хереса.

Глава XXIV. Испытание

Компания, отправившаяся на пикник, вернулась поздно, но миссис Виллис, узнав о несчастье, тотчас примчалась в «Лавандовый дом». Она застала доктора, когда он уже садился в экипаж. Он успокоил ее и, напомнив о необходимости полного покоя для больной, запретил пускать к ней подруг. В холле миссис Виллис встретила Эстер и, обняв, привлекла ее к себе:

— Бедная моя девочка, какое для тебя испытание! Не нахожу слов, чтобы выразить тебе мое сочувствие. Но доктор не теряет надежды, и, даст Бог, наша дорогая крошка скоро поправится.

— Вам действительно жаль меня? — спросила Эстер, глядя прямо в глаза своей воспитательнице.

— Конечно. Неужели ты сомневаешься?

— Если так, то вы строго накажете эту отвратительную Энни Форест. Очень, очень строго!

— Иногда Эстер, Господь Бог берет это на себя, — серьезно заметила миссис Виллис. — Если бы ты видела лицо Энни, когда она ехала со мной сюда, ты не просила бы ее наказать.

— Какая несправедливость! — прошептала Эстер, но так тихо, что миссис Виллис не слышала, и добавила громче: — Могу я идти к Нэн?

— Конечно, дитя мое. Чай я пришлю тебе наверх.

В эту ночь мисс Дейнсбери осталась в комнате Эстер. Для нее принесли кушетку, так как миссис Виллис не хотела разлучать Эстер с маленькой сестрой. Ни один звук не беспокоил больную. Воспитанницы, проходя мимо ее комнаты, снимали туфли. Они боялись даже вздохнуть, чтобы не потревожить ребенка. Нэн почти все время спала, и лишь когда мисс Дейнсбери меняла ей компрессы, открывала отяжелевшие веки. В девять часов в дверь тихо постучали. Эстер отворила. Перед нею стояла одна из ее подруг.

— Звонка к молитве не будет, Эстер. Ты пойдешь в церковь? Миссис Виллис прислала меня спросить.

— Я не могу, скажи, что я не могу.

— Отчего? Разве Нэн так худо?

— Я не знаю, не думаю. Спокойной ночи.

Эстер заперла дверь, разделась, надела ночную рубашку и встала на колени. Но молиться она не могла, мысли текли в совершенно ином

направлении. Немного успокоившись насчет Нэн, она почувствовала такой прилив ненависти к Энни, что сама испугалась. Она пыталась сосредоточиться, но слова молитвы не трогали сердце. Тяжело вздохнув, девочка поднялась с колен.

Нэн лежала в забытьи до полуночи. Эстер по своей неопытности думала, что это хороший признак, но мисс Дейнсбери была иного мнения. Несмотря на ободряющие слова доктора, она тревожилась за малышку. Эстер не хотела ложиться, но мисс Дейнсбери уговорила ее прилечь, и едва голова измученной переживаниями девочки коснулась подушки, как она немедленно уснула.

Весь дом уже спал, только мисс Дейнсбери бодрствовала у постели больной. В полночь Нэн стало хуже. Она открыла лихорадочно горевшие глаза и начала жалобно звать – но не Эстер, а Энни.

– Энни, Энни! Нэн надо Энни. Да. Да. Плохая, иди плочь. Нэн надо Энни.

Мисс Дейнсбери смутилась и встревожилась. Эстер, проснувшись, села на кровати.

– Что с нею, мисс Дейнсбери? – спросила она.

– Она очень возбуждена, Эстер. Все зовет Энни Форест.

– Это невозможно. Доктор не разрешил никого к ней пускать.

– Энни, Энни! – звал больной ребенок. Эстер накинула шлафрок^[11] и подошла к кроватке. Глаза Нэн горели лихорадочным блеском. Она взглянула на Этти, резко вскрикнула и закрылась ручонками.

– Иди плочь, иди плочь, плохая Этти. Нэн надо Энни. Энни будет петь, иглать. Иди, иди.

Сердце бедной Эстер сжалось. Она взяла горячую ручку сестры, но та с силой отдернула ее.

– Энни! Энни, Энни… Иди, Энни. Нэн надо, Нэн любить…

– Надо успокоить ее, моя милая, – сказала мисс Дейнсбери, тронув Эстер за плечо. – У Энни удивительная способность успокаивать детей. Придется ослушаться доктора, под мою ответственность. Надо во что бы то ни стало успокоить ребенка. Я останусь здесь, а вы сбегайте за Энни. Хоть вы и дороги малышке, но сейчас вы ее раздражаете. Не волнуйтесь, больные часто так реагируют на своих близких. Поверьте мне и сделайте, как я говорю.

– Сейчас-сейчас, – Эстер снова наклонилась над кроваткой. – Нэн, Этти идет за Энни. Теперь ты ее поцелуешь?

В ту же минуту горячие руки обвились вокруг ее шеи.

– Добрая Этти, иди за Энни. Иди, добрая, иди.

Эстер побежала вниз. Босая, в белом капоте, в лунном свете она походила на привидение. Издали доносились до нее какие-то звуки, но она не обращала на них внимания. Девочке было не до этого, она слишком спешила.

Открыв дверь в комнату Энни и Сьюзи, она произнесла сдавленным голосом:

- Энни, иди к Нэн.
- Иду, – кивнула Энни и, встав, пошла к двери. Она была в платье.
- Ты уже одета? – удивилась Эстер.
- Я и не раздевалась, лежала так. Мне показалось, что Нэн звала меня.
- Пойдем же. Я пришла за тобой, потому что нужно успокоить Нэн. Посмотрим, удастся ли тебе это, – прибавила Эстер, недобро усмехнувшись.
- Надеюсь, что удастся, – ответила Энни очень кротко и двинулась вслед за Эстер.

Войдя в комнату, Энни встала на колени у кроватки и заговорила своим певучим голосом:

- Нэн, дорогая моя, Энни пришла.
- Нэн любить Энни, – довольно проворковала Нэн и, отвернувшись от мисс Дейнсбери и Эстер, обратила взгляд на свою любимицу.
- Спой «Козлика», – приказала маленькаяkaprizница.
- Не мешкая ни минуты, Энни начала:
- Жил-был у бабушки серенький козлик...
- Не успела она пропеть несколько куплетов, как Нэн потребовала другую песню:
- Не надо эту. Спой «Бим-бом».
- Бим-бом, бим-бом, загорелся кошkin дом...
- Длугую. Пой, Энни, длугую.

Около двух часов стояла Энни у кроватки и пела детские песенки одну за другой. Нэн не спускала с нее глаз и все повторяла:

- Пой, Энни, пой.
- Энни пела, а глаза малышки лихорадочно блестели, и тело горело. Мало-помалу Нэн успокаивалась. Энни потрогала ее ручки – они уже были не такие горячие. Затем на лбу Нэн выступила испарина, и девочка провалилась в глубокий сон.

Глава XXV. Избалованное дитя

Утром Нэн стало лучше, и хотя неминуемая опасность ей не угрожала, ребенка нужно было очень беречь, чтобы приступы лихорадки не возобновились. Доктор сказал, что девочка счастливо избежала сотрясения мозга, но пройдет еще много дней, прежде чем она будет в состоянии развиться по-прежнему. Нэн сама выбрала себе сиделку и с настойчивостью избалованного ребенка добилась своего: Энни находилась около нее с утра до ночи. Доктор, увидев, как успокаивающе эта девочка действует на больную, потребовал, чтобы ее не сменяли.

Лежа в постели, Нэн держала руку Энни и заставляла ее петь. Позже, когда малышке стало лучше, она просиживала целыми часами у открытого окна, прижавшись к Энни и глядя на нее восторженными глазами. Очень часто Энни отвечала ей грустным взглядом, и тогда Нэн гладила ее по щекам, приговаривая:

– Бедная Энни! Бедная маленькая Энни.

Энни, с ее цыганским лицом и обилием пышных кудрей, и черноглазая русоволосая Нэн являли собой прелестную картину. Но Эстер не могла любоваться ими – ее сердце разрывалось от боли и жгучей досады.

Не то чтобы Нэн совершенно охладела к Этти. Иногда она обнимала одной рукой ее, а другой – Энни, как будто хотела соединить их головы. Но было очевидно, что вся душа ее всецело принадлежит Энни, Эстер же отводилась второстепенная роль.

Ни за что на свете Эстер не выдала бы своих переживаний. Напротив, когда доктор и мисс Дейнсбери заявили, что хотя Энни и была причиной несчастья, но она же и спасла девочке жизнь, сумев унять ее возбуждение в первую ночь, Эстер пробормотала что-то вроде благодарности.

На это бурчание Энни ответила открытым, честным взглядом. В эту минуту она легко объясняла себе чувства Эстер в отношении ее и не сердилась. За то время, что она провела, ухаживая за Нэн, она сильно изменилась: казалось, все резкое, что было в ней когда-то, сгладилось и утихло.

Эстер только благодаря усиленным занятиям не упала духом и сумела пережить тяжелые дни. Нэн понемножку поправлялась и уже проводила время в саду, сидя у Энни на коленях. Теперь миссис Виллис нашла нужным вмешаться. Она объявила, что Энни должна вернуться к занятиям

и посвящать Нэн только свободное время.

Это распоряжение вызвало целую бурю эмоций. Избалованная девочка кричала, плакала и дошла до такого возбуждения, что ночью убежала в комнату Энни, и той пришлось взять ее к себе в постель, чтобы согреть и успокоить. Утром послали за доктором, который и предписал для малышки общество Энни еще на два-три дня.

Миссис Виллис осознавала, что, согласившись принять такого маленького ребенка, она взяла на себя большую ответственность. Но так как отец девочки был далеко, то ни о каких изменениях не могло быть и речи. Хотя Нэн и захворала, но баловать ребенка все-таки не следовало, да и Энни нельзя было освобождать от занятий в такое серьезное время: если девочка не получит достаточного числа баллов, она не будет переведена в следующий класс. Надежды на то, что эта сорвиголова заработает премию, не было. Но она была вполне способна получить приличное образование, которое, учитывая ее положение, было ей необходимо более чем кому-либо другому. Поэтому начальница объявила доктору, что она уступает капризу ребенка на несколько дней при условии, что после этого Энни вернется к занятиям и будет усиленно работать.

Утром на третий день миссис Виллис доложили, что Нэн прекрасно провела ночь, кушает с аппетитом и имеет вполне здоровый вид. Когда воспитанницы собрались в классе, Энни отнесла свою пациентку в рекреационную залу и затеяла ее любимую игру, припевая:

Тик, ток, ток,
Прибежал конек.
Надо подковать,
Чтоб скорей бежать.

Нэн прыгала, изображая конька, и уже подняла ножку, чтобы ее подковали, когда вошла миссис Виллис.

– Нэн, пойдем со мной, я тебе кое-что покажу.

Нэн тотчас же протянула ей руку, а другую подала Энни, заявив решительно:

– Нэн идет, и Энни идет.

Миссис Виллис промолчала. Они прошли лестницу, миновали холл и вошли в будуар директрисы. Здесь было множество разных безделушек, и у Нэн разбежались глаза.

– Холосая комната, – заявила она одобрительно. – Нэн будет здесь, и

Энни будет здесь.

Оглядевшись, она вскрикнула от восторга: на полу лежала раскрытая книга с картинками, а возле нее спал белый персидский кот.

Миссис Виллис шепнула что-то Энни, и та потихоньку вышла из комнаты. Нэн стояла возле кота и, гладя его, приговаривала:

– Бай, киска, бай.

Кот встряхнулся, встал и начал мурлыкать, выгибая спину. Затем снова улегся. Но заснуть бедному коту было не суждено – Нэн схватила его за хвост и потащила к себе на колени. Кот, не долго думая, вырвался и убежал.

– Киса, киса, – позвала девочка. – Иди, киса. Энни, догони кису!

Тут Нэн наконец заметила, что Энни в комнате нет – только миссис Виллис сидит за столом и что-то пишет. Но директриса была для девочки совсем не интересна, а потому, взглянув на нее безучастным взглядом, она принялась бродить по комнате, ожидая увидеть Энни, которая, вероятно, пошла за котом. В своем странствовании Нэн забрела в маленький закуток, где обнаружилось множество китайских вещиц. Тотчас завладев одним кувшинчиком, девочка начала изображать молочницу, которая продает молоко.

– Хотеть молока? – спрашивала она воображаемых покупателей и, налив несуществующего молока себе в ладошку, причмокивая, выпивала его.

Неосторожно стукнув кувшином об пол, она отломила у него ручку и носик. Миссис Виллис продолжала писать, ничего не замечая.

– Бедный кусин лазбиться, – громко заявила Нэн, нисколько не смущившись, и, оставив на полу черепки, отправилась делать новые открытия.

Теперь она вооружилась большим альбомом и, разложив его на диване, стала закрывать и открывать его. Хлопанье обложки очень понравилось девочке, и она громко смеялась. Наконец миссис Виллис обратила на нее внимание и поспешила спасти свой альбом.

– Оставь альбом, детка. Сядь на пол и рассматривай книжку с картинками.

Нэн, держа руку между листами, самоуверенно взглянула на миссис Виллис и наотрез отказалась повиноваться.

– Пойдем, Нэн, – настаивала директриса.

Но Нэн тыкала пальчиком в фотографии и заливалась смехом. Миссис Виллис взяла ее на руки:

– Нэн, стыдно не слушаться! Займись книгой и будь умницей.

Нэн пыталась вырваться, брыкаясь руками и ногами:

– Плохая тетя, иди плочь! Нэн надо Энни! Тетя, плочь!

Миссис Виллис попыталась ее уговорить, но ничего не вышло, Нэн расплакалась. Сидя у начальницы на коленях, она рыдала и звала Энни. Когда Энни во время перемены пришла, девочка бросилась к ней. Налицо были все признаки лихорадки: щеки малышки пылали, на лбу блестели капельки пота, руки были горячие.

Директриса окончательно растерялась.

Глава XXVI. Под лавровым кустом

Положение действительно казалось безвыходным. Энни необходимо было заниматься, Нэнси же находилась в таком неустойчивом состоянии, что раздражать ее было опасно. К счастью, миссис Виллис вспомнила о старой няне Нэн и тотчас написала ей. Сердобольная женщина приехала на следующий же день. Малышка очень ей обрадовалась и перестала ежеминутно требовать к себе Энни, хотя и не перестала любить ее по-прежнему.

Энни вернулась к школьной жизни. Эстер была холодна к ней, но другие подруги встретили ее с восторгом и не скрывали, что скучали без нее.

Тем временем Энни разрывали противоречивые чувства. То ей страстно хотелось, чтобы миссис Виллис приласкала ее, то она уверяла себя, что прекрасно проживет и без этого. Иногда грустный взгляд Эстер трогал ее за живое, и тогда ей хотелось удалиться от Нэн, чтобы вернуть сердце малышки сестре. А то вдруг мстительное чувство брало верх, и она снова очаровывала девочку назло Эстер. Словом, Энни пребывала в одном из тех своих настроений, которые толкали ее то на геройские поступки, то на всяческие безумства.

Вскоре по приезде няни Нэн миссис Виллис должна была отлучиться в Лондон. Она оставляла «Лавандовый дом» с большой тревогой, но ехать было необходимо: ее родственница опасно заболела. Несколько любимых ее учениц столпились на крыльце, в том числе Сесиль Темпл, но Энни не было. В самую последнюю минуту она прибежала, запыхавшись, и бросила на колени своей воспитательницы прелестный букет из жасмина и незабудок. Миссис Виллис поблагодарила ее взглядом, полным прежней любви и доверия, потом поднесла букет к губам и улыбнулась:

— До свидания, дорогая. До свидания, мои милые девочки. Я постараюсь вернуться завтра к ночи. Я надеюсь на вас, дети мои, помните это.

Карета исчезла в аллее, и девочки разбежались. Сесиль поискала глазами Энни, но той нигде не было видно.

Энни спряталась в кустах и торопливо вытирала слезы, вспоминая, как начальница поцеловала букет и ласково улыбнулась ей. Однако насладиться воспоминаниями ей не дали — рядом зазвучали радостные голоса, и несколько пар рук потащили девочку в сторону аллеи.

– Идем, Энни, идем скорее, – кричали Филлис и Нора Реймонд. – Корзинка появилась. Она в дальней аллее под лавровым кустом. Мы тебя только и ждали, не хотели без тебя открывать.

Выражение лица Энни мгновенно изменилось. Слезы высохли, глаза засверкали, вся фигурка выражала нетерпение.

– Так не будем терять ни минуты, Филлис! Посмотрим, что эта старая торговка Бетти припасла для нас!

Три девочки стрелою полетели в дальнюю аллею, где их с нетерпением ждали еще пять подруг, в том числе и Сьюзи Драммонд. Девочки радостно загадали при виде Энни, которая была явным лидером и должна была возглавить предстоящие события. Она тотчас же заняла президентский пост и начала распоряжаться.

– На горизонте чисто? Хорошо. Сьюзи, ты умеешь квохтать, как курица. Присядь за это дерево и карауль. Если услышишь малейший шум, тотчас квохчи. Нора, моя птичка, иди в ту сторону и следи за лугом. Если что, чирикай. А мы с вами, девочки, разберем корзинку.

Корзинка была извлечена из потайного местечка, и несколько пар жадных глаз заглянули в нее.

– О, вишни, и так много! Милая Бетти, славная моя уточка! Она нарвала их в своем саду, и они так же спелы, как ее старые щеки. Посмотрим, что дальше. Меренги! Бетти знает мою слабость. Двенадцать штук, по полторы штуки на каждую из нас. Сьюзи Драммонд получит не больше других! Еще что? Пирожки, сосиски. Ах, какое чудо эта Бетти! Жареные цыплята! Все лучше и лучше! А что в этом свертке? Нарезанная ветчина! Бетти не забыла ее положить! Ножики, вилки, ложки, соль и перец. А еще несколько бутылок имбирного пива и даже штопор!

Все содержимое было пересмотрено и заново уложено. Корзину закрыли и поставили под куст как раз вовремя. Послышалось усиленное квохтанье Сьюзи, и маленькие заговорщицы разбежались. Энни, однако, успела шепнуть им:

– Ровно в полночь! Не волнуйтесь, ключ я раздобыла.

Глава XXVII. Пикник

В школе все привыкли видеть Энни в постоянно возбужденном состоянии. Она была чрезвычайно смела и любила играть с опасностью. Девочка не раз уже устраивала тайные пирушки, но такой смелый план, как уход из «Лавандового дома» ночью, приводился в исполнение первый раз.

До сих пор подруги устраивали пиршества в пустом чулане, куда никто никогда не заглядывал. Они потихоньку приносили туда провизию, сооружали из старого ящика стол и принимались за еду, не обращая внимания на затхлый запах, пауков и мокриц, потревоженных их присутствием. Но когда однажды Энни намекнула, что ужинать на воздухе летом гораздо приятнее, все тотчас же согласились с ней. Мэри Прайс сказала, что от запаха чулана ее тошнит; Филлис объявила, что при виде паука ей делается дурно, а Сьюзи Драммонд призналась, что в душном чулане ей всегда хочется спать, даже с меренгами в руках. Вся компания с восторгом поддержала идею поужинать на свежем воздухе, и Энни, при нынешнем ее настроении, ухватилась за эту безумную затею – с обычной своей ловкостью она все устроила и все предусмотрела.

Вечером заговорщицы разошлись по своим спальням в сильном волнении. Энни мучили угрызения совести: ведь она злоупотребляет доверием своей воспитательницы. Но кто же мог предвидеть, что миссис Виллис уедет так неожиданно!

Впрочем, менять планы было уже поздно. Предстоящая ночь как нельзя лучше подходила для ночного пикника. Луна должна была появиться вскоре после полуночи, так что вся компания могла ускользнуть из дома под прикрытием ночи, а само пиршество пройдет уже при свете луны. Девочки сговорились до полуночи ничем не выдавать себя, а затем тихо выйти и встретиться в коридоре около кухни, откуда в огород вела маленькая дверь. Дверь эта обычно была заперта, но Энни два дня тому назад вынула ключ из замка.

Как и другие участницы ночного приключения, она отправилась спать в девять часов и незаметно заснула, но спала настолько чутко, что слышала, как в одиннадцать часов мисс Дейнсбери ушла в свою комнату.

– Мисс Дейнсбери всегда ложится последней, – подумала она. – Теперь можно вставать.

Она полежала еще немного, затем поднялась и оделась в темноте. Поверх платья она накинула непромокаемый плащ и, водрузив на голову

темный бархатный капор, подошла к постели Сьюзи Драммонд.

– Вот теперь и начинаются хлопоты, – подумала она. – Придется воспользоваться мокрой губкой. Если же это не поможет, я оставлю ее, пусть себе спит!

Но, к немалому ее удивлению, кровать Сьюзи оказалась пуста. В эту минуту дверь отворилась, и мисс Драммонд, полностью одетая, вошла в комнату.

– Где это ты была? – спросила Энни. – Ведь ты могла попасться!

– Мне не спалось, и я пошла посмотреть, что делается кругом. Весь дом спит, мы можем отправляться. Некоторые из наших уже дожидаются у той двери.

Сняв туфли, Энни и Сьюзи спустились с лестницы. Остальные шесть сообщниц ожидали их у дверей в огород.

– Теперь осталось только миновать Ровера, – шепнула Энни, вставляя в замок предварительно смазанный маслом ключ. – Наденьте туфли, девочки, и пустите меня вперед. Я сумею справиться с собакой.

Речь шла об огромной овчарке, которую на ночь спускали с цепи.

– О Энни, дорогая, – шептали Филлис и Нора, схватив Энни за руки. – Что, если он на тебя бросится?

– Пустите меня. Неужели вы думаете, что я боюсь?

Тем не менее руки ее дрожали, и нервы были напряжены. Она наконец открыла замок, отодвинула засов и вышла на воздух.

Как ни тихо орудовала Энни, чуткий пес услышал посторонние звуки и прибежал посмотреть, что тут творится. На счастье заговорщиц, Энни давно уже была в дружбе с Ровером, поскольку нередко, проходя мимо будки, прикармливала собаку.

– Ровер, Ровер, – Энни протянула руку и бесстрашно погладила овчарку. Этого было вполне достаточно, чтобы пес признал девочку и облизал ее пальцы.

– Все в порядке, идите! Ровер будет нашим сторожем на «волшебном поле». Я запру дверь снаружи. Смотрите, луна уже выходит. Теперь нам нужно добыть корзинку Бетти, и дело с концом!

Энни пошла вперед, держа Ровера за ошейник, остальные следовали за ней. Захватив по дороге припрятанную еще днем корзинку с едой, девочки благополучно добрались до развилки дороги и повернули в лес.

Глава XXVIII. На «волшебном поле»

Луна плыла по небу во всем своем величии, и вся компания была от этого в восторге. Робкие школьницы сделались вдруг очень смелыми, несмотря на то что идти им пришлось через небольшой лесок, куда лунный свет проникал лишь отчасти, образуя между деревьями причудливые тени. Бедные полусонные кролики, должно быть, очень удивлялись, слыша непривычные восклицания, а маленькие птички, высунув головки из-под крыла, задавались вопросом, уж не наступило ли утро в столь необычное время.

Совы мигали, глядя на заговорщиц, и своим странным криком будто хотели сказать: «Ах, гадкие девицы, как горько вам придется раскаиваться впоследствии». Но если раскаяние и должно было посетить проказниц, то явно не сейчас: они летели, словно у них были крылья за плечами, и когда достигли луга, где, по слухам, ночью собирались волшебницы, их состояние дошло до высшей степени возбуждения.

На счастье девочек, заветное место находилось в глухом уголке,

который не посещали бродяги. Ровер уже вошел в роль стражи Энни и улегся у ее ног, и девочка, как настоящая предводительница, могла спокойно распоряжаться своими подчиненными.

— Скорее пошевеливайтесь! Открывайте корзину. Я устала и буду сидеть смирно, а вы хозяйничайте. Ах, душечка Бетти! Она даже скатерти не забыла положить.

Одна из девочек заметила, что трава сырья и что они очень кстати надели плащи.

— Не каркай, Мэри Моррис, — резко заметила Энни. — Цыплят сюда, ветчину туда, а вишни посередине. Всего двенадцать меренг, по полторы на человека, трудно будет делить. Ох, как же я голодна. От волнения за ужином ничего не ела.

— И я тоже, — заметила Филлис, усевшись возле Энни. — Мисс Дейнсбери режет хлеб очень толсто. Я не могла есть, а Сесиль Темпл спросила, уж не больна ли я.

— Кто не хочет цыплят, поднимите руки, — перебила Энни,бросив на траву свой капор. Имя Сесиль Темпл неприятно царапнуло ее совесть.

Пир был в полном разгаре. Девочки ели молча, нарушая тишину, только чтобы произнести: «Передайте соль, или перец» или «На волшебном поле цыплята особенно вкусны». Затем пошла в ход бутылка имбирного пива, приятно утоляя жажду. Ровер с наслаждением грыз кости. Утолив голод, девочки начали понемножку болтать, закусывая меренгами и вишнями.

— Вот если бы волшебницы вдруг явились, — мечтательно вздохнула Энни.

— Нет-нет, не надо! — возразила Филлис, испуганно оглядываясь кругом.

— Энни, милая, расскажи нам о привидениях, — отзовались сразу несколько голосов.

Энни засмеялась и начала городить всякий вздор, который тут же и сочиняла. А луна плыла по небосклону, освещая легкомысленные головки, молодой смех звучал в ночном воздухе, как музыка.

Время пролетело незаметно. Еще немного, и утренний свет застал бы подруг на месте преступления. Очень неохотно поднялись они с места и принялись убирать посуду и остатки еды. Скоро от пиршества и следа не осталось: Ровер догрыз все корки и косточки, а остальное Филлис собрала и зарыла в землю.

Захватив корзинку, компания отправилась в обратный путь. В лесу было темно, и предутренняя свежесть давала себя знать. Кроме того, после

нелепых сказок Энни многим было жутковато.

Не успели они углубиться в лес, как Филлис пронзительно вскрикнула. Следом одновременно ахнули Нора и Мэри Моррис. У остальных тоже душа ушла в пятки: между деревьями что-то двигалось. Ровер заворчал и рванулся вперед, но Энни удержала его за ошейник. Смелая девочка не теряла присутствия духа.

– Берегитесь, это дух лесов. Фу, Ровер, стоять.

Девочки чуть не умерли со страха, когда высокая фигура приблизилась и загородила им путь.

– Если вы не дадите нам дорогу, я спущу собаку, – храбро заявила Энни.

Пес залаял, стараясь вырваться. Фигура посторонилась и проговорила глухим голосом:

– Я не сделаю вам ничего плохого, молодые леди. Я всего лишь старая цыганка из табора. Идите себе с миром; я уж знаю, как мне следует поступить.

– Пойдемте, девочки, – позвала Энни, стараясь не показать, что и она струсила. Филлис и Нора заплакали.

– Погодите, мисс, – остановила их незнакомка. – Я не желаю вам зла, и не мое дело доносить вашим наставницам о том, что я здесь видела. Позолотите мне ручку, красавицы, и я скажу вам всю правду.

– Нам лучше уступить, Энни, – всхлипнула Филлис, – лучше уступить, потому что ведь если миссис Виллис узнает, нас исключат! А эта ужасная женщина донесет на нас, обязательно донесет.

– Правду говоришь, красавица, сущую правду, – кивнула цыганка. – Как не исключить таких проказниц! Вон там есть маленькая полянка, пойдемте туда, и старая Рэйчел вам погадает. Шесть пенсов с души, красавицы, всего шесть пенсов.

– Пойдемте, пойдемте, – понукала Нора, и минуту спустя все стояли около цыганки Рэйчел, а она, спрятав в карман свой заработок, болтала над каждой рукой разную чепуху. Взяв руку Энни, она помедлила и, пристально поглядев на девочку, сказала:

– Вам предстоит много огорчений, мисс, разные подозрения и даже опасность для жизни. Но вы восторжествуете, моя красавица, восторжествуете. Вы отважная маленькая леди, вы совершите геройское дело. Прощайте, красавицы. Вам больше нечего бояться старой Рэйчел.

Высокая фигура исчезла во мраке, а девочки, как испуганные зайцы, припустили домой. Корзину опять спрятали под лавровым кустом. По уговору, старая Бетти должна была прийти за ней в условленное место.

Дружески простившись с Ровером, Энни открыла дверь, и подруги, сняв туфли, тихонько, одна за другой, пробрались в свои спальни. Все страшно устали и озябли. Укладывались они с тяжелым сердцем: каждой невольно думалось, что старая цыганка не сдержит слова.

Глава XXIX. Забытая книга

Всего три недели оставалось до торжественного дня, когда «Лавандовый дом» сможет блеснуть успехами своих питомиц. Обыкновенно в праздник все лучились счастьем. Не грустили даже те, кто за свои труды не получал ничего, кроме одобрения. Их утешала мысль, что завтра они уедут домой на каникулы, а на следующий год, может быть, добьются больших успехов. Только немногие, самые ленивые и упрямые, не проникались общим настроением счастья и удовлетворения.

С приближением знаменательного дня воспитанницы, решившие получить премии, удвоили свою усидчивость и занимались с утра до вечера. Даже свободные часы они проводили с книгами в руках, и ни один улей в окрестностях не мог похвастаться таким трудолюбием.

Здоровый труд всегда сопровождается чувством удовлетворения. Занятым людям некогда ворчать и киснуть, некогда делать зло ближнему. Потому и считается праздность матерью всех пороков.

Но как бы то ни было, в эти минуты какой-то злой дух витал над мирной атмосферой «Лавандового дома». В этом питомнике высокой нравственности притаилась змея.

Английское сочинение в нынешнем году более чем когда-либо возбуждало интерес воспитанниц. Это был любимый предмет миссис Виллис; директриса стремилась к тому, чтобы ее ученицы владели слогом, и еще больше к тому, чтобы они учились мыслить.

— В наше время много пишут и печатают, — говорила она. — Девушки получают высшее образование и состязаются с мужчинами за дипломы высших степеней. По-моему, при такой системе думать просто некогда, можно только зубрить. Образно говоря: организм принимает больше пищи, чем в состоянии переварить.

Если миссис Виллис случалось в сочинении воспитанниц обнаружить сколько-нибудь серьезную мысль, она приходила в восторг. Не раз бывало, что премия присуждалась за сочинение, которое самим ученицам казалось незрелым и недоработанным.

— Это ничего не значит, — поясняла директриса. — Здесь есть оригинальная мысль, а это намного лучше, чем красивое повторение чужих слов.

Такой подход побуждал воспитанниц работать мозгами и раскрывать заявленную тему самостоятельно, прибегая к книгам только за

необходимыми справками.

Многие воспитанницы удивлялись, зачем понадобилось Доре состязаться по самому сложному предмету, когда она уже заканчивала обучение. Но у мисс Рассел были на это свои причины, хотя и далеко не возвышенного свойства. По внешности Дора была одной из тех девушек, которые составляют гордость школы. Она умела держать себя, могла со вкусом одеться, прилично музицировала, хотя в игре ее не было души; хорошо рисовала: деревья ее походили на деревья, и краски были естественны; французским владела в совершенстве, по-немецки тоже говорила недурно. Но при всех своих талантах она была девушкой недалекой, поэтому те, кто хорошо знал ее, лишь пожали плечами, когда она задумала состязаться с другими, да еще и с полной уверенностью в успехе.

— Ведь тебе же не хочется, чтобы Энни Форест победила тебя, — смеялись подруги. Дора в ответ корчила презрительную гримасу: она-то в своей победе не сомневалась.

— Охота тебе мучиться, Дора, — говорили одноклассницы. Но девушка была непреклонна.

Все дело было в том, что Дора, которая жила только чужим умом и сама не могла придумать ничего оригинального, случайно услышала разговор начальницы с мисс Дейнсбери: оказывается, в качестве первой премии был приготовлен золотой медальон с портретом миссис Виллис. Доре сейчас же представилось, как хорошо будет выглядеть этот медальон на ее шейке, и она решила непременно состязаться, не допуская даже мысли о возможном поражении.

Она придумала тему и прилежно принялась за дело. Зная пристрастие миссис Виллис к оригинальным мыслям, она отказалась от исторической темы, в надежде, что сумеет лучше написать что-нибудь свое. Сочинение будет называться «Река». Дора не станет описывать старушку Темзу или другую реку с географической карты, а изобразит фантастическую реку, которая поведает миру, что она видела на всем протяжении своего течения. Дора усердно работала, запечатлевая на тонких листках бумаги разные мысли и образы, чтобы потом привести их в порядок и выстроить окончательный текст. Она, не ленясь, переделывала и переиначивала написанное, стараясь довести свой слог до совершенства.

Наконец первые десять страниц были готовы. Река уже покинула горы, где она явилась на свет Божий, и мирно текла по живописной долине мимо разбросанных по ней сельских домиков, около которых играли златокудрые дети.

Теперь реке пора было приближаться к шумному городу. Какой простор для фантазии! Не заставить ли реку поглотить самоубийцу и самой броситься в море? Такой трагический поворот сюжета даст Доре повод вставить несколько красивых стихов.

Переписав набело завершенную часть, Дора, уверенная в получении золотого медальона, пошла к себе. Это было накануне той самой ночи, когда Энни водила своих сообщниц на «волшебное поле». Дора, не обращавшая внимания на младшеклассниц, конечно, не заметила, что в этот вечер несколько девочек не ужинали. Она легла спать и видела приятные сны, не предчувствуя никакой беды.

Эстер Торnton в этот вечер тоже усердно работала. Выбрав тему «Последние дни Марии Антуанетты», она с большим интересом прочитала историю несчастной королевы, и хотя писать еще не начала, но уже собрала много полезного материала.

Эстер была очень добросовестной ученицей. Приступая к работе, она почти позабыла о премии и думала только о том, как бы исполнить задуманное наилучшим образом. Ложась спать, она вдруг вспомнила, что оставила в классе французскую книгу. Ей было известно, что утром мисс Дейнсбери конфискует забытый том и не отдаст его целую неделю. Но для задуманного сочинения книга была Эстер необходима, поэтому девочка решила нарушить одно из школьных правил и вернуться после молитвы в класс. Пробило одиннадцать часов, мисс Дейнсбери прошла к себе. Десять минут спустя Эстер встала, накинула шлафрок и, спустившись с лестницы, очутилась в большом холле.

Дверь в классную комнату была приоткрыта, что очень удивило Эстер. Не колеблясь, она вошла в класс и подошла к своему столу. Книга по-прежнему лежала на нем. Сунув ее под мышку, Эстер собралась уже уходить, как вдруг в той части комнаты, где размещался первый класс, послышался легкий шорох. Минуту спустя кто-то прошел, тяжело ступая, и Этти в лунном свете рассмотрела Сьюзен Драммонд.

– Что она тут делает? – мелькнуло у нее в голове.

Заговорить она не решилась, так как сама поступала незаконно. Дождавшись, пока шаги Сьюзи совсем затихнут, Этти вернулась к себе и крепко заснула.

Глава XXX. Мутный ручей

Утром Дора пришла в классную комнату. В ее столе царил образцовый порядок: книги и тетради были аккуратно сложены, а сверху лежало сочинение в темно-коричневой обложке. Эта работа волновала Дору; ей, как и всем сочинителям, хотелось иметь слушателей. Девушке казалось, что ее поэтические находки и изящный слог должны приятно поразить всякого, кто удостоился счастья с ними ознакомиться.

Она знала, что Эстер тоже пытается завоевать премию. Позаимствовать что-нибудь из сочинения первоклассницы она, без сомнения, не осмелится, но, прослушав образцовое произведение, конечно, падет духом и откажется от смелой затеи состязаться с таким мастером слова. Рассудив таким образом, Дора решила осчастливить Эстер и пригласила ее после обеда в беседку.

Эстер предполагала посвятить предстоящий полупраздник своей собственной работе, но, все еще находясь под влиянием Доры, не решилась отказать подруге.

– Эстер, – начала Дора, когда они встретились в беседке, – ты здесь единственная ученица, которой я могу довериться. Мне пришла в голову чрезвычайно оригинальная мысль. Боюсь только, милая девочка, что ты будешь совсем обескуражена и не захочешь продолжать своего сочинения. Положим, это для тебя хорошая практика, но все-таки с твоей стороны было опрометчиво состязаться со мной по одному предмету и претендовать на ту же премию.

– Мне можно прочитать твоё сочинение? О, как мне это интересно! Что до меня, то даже если я и не получу премии, не буду раскаиваться в том, что начала писать. Эта работа доставляет мне столько удовольствия.

– А какую тему ты выбрала?

– Я планирую написать небольшой очерк о Марии Антуанетте.

– Ах, милая, это такая заезженная тема. Впрочем, не буду лишать тебя иллюзий. Теперь слушай: я хочу изобразить картину жизни и называю мое сочинение «Река». Слушай, как начинается. Я почти наизусть знаю: «Когда наш взгляд останавливается на чистом, прозрачном ручье, когда мы любуемся играющими на поверхности его лучами солнца...» Лучше читай вслух сама, а я буду слушать. У тебя такой приятный голос.

Эстер открыла коричневую обложку и собралась было читать. Но, пробежав первую строчку, она с удивлением взглянула на подругу.

– Ты сказала, что сочинение называется «Река»?

– Да, точнее «Изгибы благородной реки».

– Странно. Тут оно озаглавлено «Блуждание мутного ручья». И начинается так: «Когда наше печальное око останавливается на мутной воде, в которую не может проникнуть даже солнце...» Вряд ли это твое сочинение, Дора, хотя почерк как будто бы твой.

Дора, густо покраснев, выхватила рукопись из рук Эстери и начала спешно ее просматривать. Увы, сомнений не было. После заглавия «Блуждание мутного ручья» шла довольно ловкая пародия на ее сочинение. Сходство почерка было удивительное. Коричневая обложка была та же самая, бумага вроде бы тоже. Лихорадочно переворачивая страницы, Дора заметила, что изменены были только первые пять страниц, на остальных же стояли поставленные ею номера. Дора пришла в полное смятение и в первую минуту не могла вымолвить ни слова. Щеки ее пылали, руки подрагивали. Наконец, вскочив на ноги, она остановилась перед испуганной Эстер и заговорила:

– Ты должна помочь мне, Эстер. Ведь это ужасное, возмутительное мошенничество. Какая низость! Рыться в моем столе, выкрасть работу, над которой я столько трудилась, безжалостно исказить мой изящный, могу сказать гениальный... да, гениальный слог... Эстер, что же ты молчишь? Уставилась на меня и молчишь!

– Я поражена... Почекрк совсем как твой.

– Мой почерк? Да ты с ума сошла! Это жалкое подражание моему почерку. Ты могла бы, кажется, знать мой почерк. Ты, которой я доверяла, которую отличала, потому что думала, что между нами есть родство душ, ты говоришь такие нелепости, что это мой почерк. Посмотри хорошенъко, Эстер Торнтон, разве я пишу такое «т»? А это «б» с завитушками! Я согласна, что посторонний человек может, пожалуй, найти сходство, но не ты, Эстер! Я этого от тебя не ожидала.

Эстер, разглядев внимательно «т» и «б», была вынуждена признать, что Дора так не пишет.

– Это ловкая подделка, – продолжала Дора. – Столь злобное намерение повредить ближнему может быть свойственно только низкой душе. Эстер, здесь в последнее время процветает несправедливость, но шутить с собой я никому не позволю. Эта история непременно должна быть расследована. Если нужно, я попрошу вмешаться отца. Нанесенное мне оскорблечение не должно остаться безнаказанным. Я сейчас же все расскажу мисс Гуд и мисс Дейнсбери, а миссис Виллис узнает по приезде, какую змею в лице Энни Форест она пригрела на своей груди.

– Постой, Дора... – Эстер тоже вскочила с места.

Внезапная догадка пронизала ее мозг, и она собиралась заговорить, но одно обстоятельство удержало ее: издали она увидела Нэн, бежавшую с распластертыми объятиями навстречу Энни. Энни наклонилась, и детские руки обняли ее за шею. Потом Энни пошла дальше, а девочка долго смотрела ей вслед и только потом подала руку няне. Вся сцена заняла не более минуты, но этого было достаточно, чтобы сердце Эстер замерло. Она скорбно поджала губы и снова села.

– Что с тобой Эстер? Ты что-то начала говорить. Ты что-то знаешь? – допрашивала Дора.

– Я только хотела сказать, что у тебя нет доказательств вины Энни Форест.

– Уж не собираешься ли ты защищать эту гадкую девчонку? Я удивляюсь тебе, Эстер. Она чуть не убила твою сестру, украла у тебя ее любовь... Ты видела, как сейчас Нэн к ней бежала? Никогда она не целовала тебя так горячо!

– Да-да, я знаю, – Эстер отвернулась и прижалась лбом к холодным перилам.

– Этти, справедливость будет восстановлена, когда эту особу исключат из школы, – с этими словами Дора погладила Эстер по плечу, взяла подложное сочинение и вышла в сад.

Глава XXXI. Добрые и злые ангелы

Эстер осталась в тенистой беседке одна. В этот чудный весенний день, когда птички так сладко пели и легкий ветерок освежал горячие щеки, в ее душе происходила борьба добра со злом.

У Эстер было много недостатков, но она была честной и правдивой девочкой. Никогда в своей жизни она не лгала. Она очень хорошо понимала, но без трепета не могла даже думать о том, что в ее власти оправдать Энни. Трудно было представить себе, как глупой Сьюзи Драммонд удалось придумать столь сложный план, но если бы Эстер рассказала, что видела прошлой ночью, это, конечно, привело бы к дальнейшим разоблачениям. Тогда, без сомнения, отыскался бы ключ к необъяснимой истории с карикатурой на миссис Виллис и ко многим другим событиям. Эстер, будучи неглупой девочкой, тотчас припомнила все странные поступки Сьюзи, когда она была ее соседкой по комнате, ухищрения, к которым она прибегала, чтобы проснуться, когда ей было нужно, – и, сведя все это воедино, поняла, что разгадка таинственных происшествий у нее в руках.

В прежнее время Эстер ни на минуту не задумалась бы, как поступить; теперь она была вполне уверена, что источником смуты последнего времени была Сьюзи Драммонд – по необъяснимым причинам, вероятнее всего, по глупости. И стоит ей, Эстер, рассказать об этом, Энни будет полностью оправдана в глазах подруг и начальницы.

Но сделает ли она это? Эстер то краснела, то бледнела, переживая в душе жестокие мучения. Она так искренне ненавидела Энни, так страстно хотела ей отомстить, что колебалась недолго. Она решила молчать, и пусть все идет своим чередом. Подозрение, вероятно, падет на Энни, и она будет исключена из школы. Ни миссис Виллис, ни мистер Эверад теперь не пожалеют ее. А когда она уедет, Нэн снова привяжется к сестре и будет любить только ее одну.

– Совесть не даст тебе покоя, – шепнул ей добрый ангел, но она не послушала его.

– Ты сказала, что хочешь отомстить, зачем же упускать такой случай? – твердил злой дух.

Добрый ангел отлетел, а злой дух восторжествовал – Эстер приняла его сторону.

Глава XXXII. Новые подозрения

Миссис Виллис едва успела вернуться, как ей доложили, что Дора Рассел желает ее видеть. Энни ничего не знала о подмененном сочинении, так как Дора молчала об этом до приезда миссис Виллис.

У Энни и без того хватало забот. Прогулка на «волшебный луг» тревожила ее совесть. Филлис и Нора простудились, а Сьюзи Драммонд сделалась еще флегматичнее и сонливее. После подобных выходок Энни всегда горячо раскаивалась, что не мешало ей приниматься за новые проказы. Будь она одна замешана в этой истории, она бы тотчас во всем покаялась. Но она не могла выдать своих сообщниц.

Все заговорщицы боялись, что старая цыганка раскроет их тайну, и шепотом делились друг с другом своими опасениями. На Бетти они могли положиться — торговка с незапамятных времен была в заговоре с воспитанницами «Лавандового дома». Она всегда ухитрялась доставлять им запрещенную директрисой провизию и относительно сроков уплаты была очень сговорчива. В молчании Бетти девочки были уверены, а вот насчет старой Рэйчел сомневались: как бы не вздумала она сделать из них постоянный источник дохода. Будет, пожалуй, бродить около дома, подкарауливая их и вымогая деньги, а то и расскажет обо всем миссис Виллис.

— Я ужасно боюсь эту Рэйчел, — говорила Филлис с нервной дрожью.

— Мне сделается дурно, если я ее увижу, — вторила ей Нора.

Другие сообщницы носили в кармане деньги, чтобы умаслить цыганку, если она появится.

Однажды после возвращения миссис Виллис Энни прогуливалась по дальней аллее, полностью погруженная в свои сомнения, как вдруг Сьюзи Драммонд и Мэри Моррис бросились к ней, бледные, как полотно.

— Рэйчел! Она там, в кустах, и кивает нам. Пойдем Энни, пойдем, пожалуйста!

— Зачем? Если цыганка намерена выпрашивать денег, я не дам ей ни гроша. Не пугайтесь и не давайте денег. Зачем ей доносить на нас? Ведь она ничего не выигрывает от этого.

— Ах, нет, она донесет, наверняка донесет, уверяю тебя, Энни, — заплакала Мэри Моррис. — Пойдем с нами, задобрим ее.

— Погодите. Слышите? Кто-то зовет меня. Это мисс Дейнсбери. Что там случилось?

— Миссис Виллис зовет вас, Энни. Идите к ней в кабинет, — сообщила мисс Дейнсбери, и Энни, крайне удивленная неожиданным приглашением, убежала.

Сознание того, что она поступила дурно, злоупотребив доверием своей начальницы, отразилось на подвижном лице Энни — на нем застыло выражение необычайного смущения. Цыганка также беспокоила ее, хотя при подругах девочка и храбрилась. Приближаясь к дому, она, мучимая угрызениями совести, все больше и больше замедляла шаг.

— Что проку жалеть о том, чего нельзя вернуть, — подумала Энни и вздохнула. — Нет, никогда не быть мне порядочным человеком.

Откинув бархатную портьеру, она вошла в кабинет директрисы. Миссис Виллис, явно очень расстроенная, сидела за письменным столом. Рядом, облокотившись о камин, стояла Дора Рассел, на ее щеках горели красные пятна.

— Подойди ближе, моя девочка, — сказала начальница, увидев Энни.

Первым желанием Энни было броситься ей на шею и признаться в своем проступке, но три соображения удержали ее. Во-первых, она не имела права выдавать подруг; во-вторых, ей не хотелось объясняться в присутствии надменной Доры; в-третьих, миссис Виллис выглядела усталой и расстроенной. Ни за что на свете Энни не решилась бы беспокоить ее в такую минуту. Все эти смешанные чувства были написаны на ее лице. Миссис Виллис посмотрела на девочку с тревогой, а Дора — с торжеством.

— Мне нужно поговорить с тобой, Энни, — начала воспитательница. — В мое отсутствие был совершен дурной и бесчестный поступок.

Энни стала белее снега. Неужели цыганка донесла на них? Заметив ее смущение, миссис Виллис продолжала строгим голосом:

— Я требую правды. Посмотри на эту тетрадь. Узнаешь ли этот почерк?

— Это? Да ведь это твой почерк, Дора, — сказала Энни, совершенно сбитая с толку.

— Нет, не мой, — заявила Дора, но миссис Виллис остановила ее, взяв за руку.

— Предоставьте мне вести разговор, мисс Рассел. Я сумею объяснить, в чем дело. В мое отсутствие, Энни, кто-то совершил отвратительный поступок. Одна из учениц осмелилась открыть стол Доры Рассел, взять сочинение, озаглавленное «Река», которое она писала на премию, и подменить вот этим. Посмотри хорошенко. Можешь ли ты как-то объяснить это?

— Это похоже на пародию, — задумчиво проговорила Энни, переворачивая листы. — Смешно написано. Кто-то старался подражать почерку Доры. Я не знаю, миссис Виллис, кто бы это мог быть.

Она бросила тетрадь на стол и насмешливо взглянула на Дору.

— По-моему, пародия остроумная и довольно забавная, — прибавила она.

Ее комментарий не понравился миссис Виллис, а Дору едва не вывел из себя.

— Я не затем послала за тобой, Энни, чтобы спросить твое мнение о пародии, — сказала директриса, — я надеялась услышать хоть какие-то разъяснения. Я должна знать, кто осмелился так оскорбить мою ученицу.

Энни встрепенулась и поинтересовалась с вызовом:

— А почему вы послали именно за мной?

— Потому, — запальчиво заговорила Дора, которая не в силах была более сдерживаться, — потому, что ты одна можешь разъяснить это дело; потому, что только ты из всех воспитанниц способна на такую низость; потому, что кроме тебя никто не умеет подделывать почерки и рисовать карикатуры.

— Ах, вот оно что. Значит, ты подозреваешь меня? И вы тоже, миссис Виллис?

— Не знаю, что и сказать...

— Ничего и не говорите, если не верите мне. Мое слово давно не имеет веса! Я, конечно, скверная, взбалмошная девчонка, но здесь я ни при чем: в глаза не видела этого сочинения, а к столу Доры даже близко не подходила. Я делаю много глупостей, но подлостей — никогда. Мне не было нужды вредить Доре, она мне безразлична. Тем более что премии ей никогда не получить, как бы она ни старалась. Тогда с чего бы мне мешать ей, подделывать ее почерк, писать пародии? Миссис Виллис, я вижу, вы не верите мне, но я не виновата.

Энни залилась слезами и выбежала из комнаты.

Глава XXXIII. Наказание

В беседке Дора самоуверенно заявила Эстер Торnton о своем намерении добиться того, чтобы виновница ее оскорблений была обнаружена и исключена из школы. Во время разговора с начальницей она до того забылась, что, настаивая на исключении Энни, в виновности которой не сомневалась, она осмелилась намекнуть директрисе на ее пристрастность к этой девочке. Достоинство, с которым держала себя начальница, и ее негодующий взгляд несколько обуздали Дору. Миссис Виллис очень сочувственно отнеслась к причиненной ей неприятности, хорошо понимая, что пострадало не только сочинение, но еще и самолюбие гордой девушки. Доверие к Энни было поколеблено, хотя миссис Виллис и не показывала этого.

– Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы удовлетворить вас, Дора, – сказала директриса, когда плачущая Энни выбежала из комнаты. – Я постараюсь найти виновницу. Вы видите, Энни напрочь отрицает свою причастность к этому делу, и пока у нас нет доказательств ее виновности, мы не вправе подозревать ее. Здесь много воспитанниц, и завтра я проведу основательное расследование. Идите, милая, и если у вас окажется достаточно характера и самообладания, попробуйте восстановить утраченную часть сочинения. Я уверена, что вторая попытка будет лучше первой. Начинающим авторам не мешает почаше переписывать свои труды.

Дора вздернула носик, но возражать не посмела. Неудовлетворенная результатами беседы с миссис Виллис, она поспешила отвести душу с Эстер Торnton.

– Мы обо всем переговорили с миссис Виллис, – сказала вполголоса Дора. – Ты увидишь, «она» будет завтра на выставке.

Эстер же, по-видимому, вовсе не расположена была разговаривать.

– Кто будет на выставке? – с досадой спросила она, отрываясь от французской книги.

– О, какая ты стала бестолковая, Эстер Торnton! Кто? Конечно, эта противная Энни Форест! Нет терпения говорить с тобой, ты совсем поглупела. И зачем я только связалась с третьеклассницей!

Дора направилась через всю залу к своему «уголку» в полной уверенности, что Эстер бросится за ней. Но, к ее немалому изумлению, Этти не двинулась с места. Она продолжала смотреть в книгу, только щеки

ее покрылись легким румянцем.

На следующее утро миссис Виллис попыталась расследовать глупую шутку, жертвой которой стала Дора. Объяснив для начала все подробности, она стала поочередно вызывать воспитанниц и предлагать два вопроса: виновна ли та в проделке и не знает ли чего об этом.

Все ответили отрицательно.

— Итак, юные леди, — обратилась к ученицам миссис Виллис. — Между вами не оказалось виновной, тем не менее чьи-то руки это сделали. Наставницы ваши вне подозрения. Слуги не посмели бы совершить ничего подобного. Не подлежит сомнению, что виновная находится среди вас. Все последнее полугодие в нашей школе царит тревога, недовольство и подозрительность. При таких обстоятельствах дружеские чувства и христианская любовь процветать не могут. Я не потерплю больше безобразий в этом доме. Бессовестная девушка, которая позволяет себе так зло насмехаться над подругами, если сама не покается, а я разоблачу ее, будет жестоко наказана. Я всегда старалась внушать вам правила чести, всегда доверяла вам. В «Лавандовом доме» воспитанниц никогда не оскорбляли излишней подозрительностью или строгим надзором. Вы пользовались большой свободой, и мне не приходило в голову, что вы способны злоупотребить ею. Но теперь я изменяю свою тактику. Виновница находится среди вас, и я не знаю ее — поэтому я имею право подозревать всех. До конца учебного года или до того времени, когда виновная вздумает покаяться, наказаны будут все, исключая младших девочек и мисс Рассел, которая не могла сама себе навредить. Я отменяю полупраздники и лишаю вас «уголков», у кого они есть. Моя гостиная будет закрыта для ваших репетиций. Но и это еще не все. Отныне вы не пользуетесь моим доверием, ибо не заслуживаете его. Я лишаю вас прежней свободы, вы будете все время находиться под надзором: наставницы будут постоянно присутствовать в рекреационной зале, на прогулке они будут прислушиваться к каждому слову, чтобы напасть, наконец, на след этой омерзительной тайны.

Миссис Виллис вышла из класса, и наставницы начали занятия. Трудно представить себе впечатление, которое произвели слова директрисы на воспитанниц, не чувствовавших за собой никакого греха. Казалось, царивший в «Лавандовом доме» счастливый дух покинул его навсегда.

Всех несчастнее чувствовали себя Эстер Торнтон и Энни Форест. Эстер мучилась лживостью своих заявлений, Энни страдала от несправедливых подозрений. В первый раз почувствовала она всю тяжесть

своего одиночества и сиротства. Девочка потеряла сон и аппетит и сильно похудела.

Все изменилось в школе. «Уголки» пустовали. Не стало видно групп девочек, весело болтавших между собою. Лишь только две или три воспитанницы усаживались вместе, тотчас же появлялась наставница и начинала прислушиваться к разговору. Репетиции шли так вяло, что едва ли можно было рассчитывать на успех спектакля. Ученицы усердно работали и утешали себя тем, что каникулы близко.

Время тянулось бесконечно долго. Только теперь девочки оценили свободу, которой они дотоле пользовались. Кое-кто попробовал посмеяться над Дорой, назвав ее «мутным ручьем», но шутка не прижилась – над юными созданиями тяготел чужой грех.

Глава XXXIV. Несвоевременная болезнь Бетти

Девочки, пировавшие на «волшебном поле», сделали неожиданное открытие: Бетти не пришла за корзинкой. Сьюзи Драммонд, всюду совавшая свой любопытный нос, гуляла с другой девочкой по дальней аллее, вблизи лавровых кустов. Заметив белую ручку корзинки, она поспешила свернуть в другую сторону. Отделавшись от подруги, Сьюзи побежала за одной из сообщниц ночной прогулки и очень кстати наткнулась на Энни Форест, которая шла, низко опустив голову. Сьюзи поспешила сообщить ей ужасную новость: Бетти не приходила, и корзинка с пивными бутылками и запачканной скатертью может быть обнаружена в любой момент.

Бледное лицо Энни вспыхнуло.

– Зачем нам скрываться, – сказала она, и лицо ее оживилось надеждой. – Пойдемте все вместе и покаемся миссис Виллис, это будет

лучше всего. Ведь мы не причастны к той истории с сочинением Доры Рассел. Покаемся в своей глупости, и наша совесть будет спокойна.

— Конечно, мы не причастны к той мерзости, — возразила Сьюзи, густо покраснев, — но я все-таки не вижу причины каяться. Ты, кажется, с ума сошла, Энни Форест. Надеюсь, что ты не посмеешь...

— Без вашего согласия я, конечно, ничего не скажу, — покорно вздохнула Энни и продолжила свою прогулку, не обращая внимания на необычное выражение лица Сьюзи Драммонд — на нем застыли испуг и тревога.

Отыскав Филлис и Нору, Сьюзи объявила им, что Энни Форест, главная заговорщица, готова всех выдать. Робких девочек напугать было нетрудно.

— Ну, ведь Энни не может так поступить, — попыталась ободрить их Сьюзи. — Без нашего согласия она ничего не скажет. Но как нам быть с корзинкой?

— Прошу вас, девочки, не шептаться, — заявила вошедшая мисс Гуд. — Сьюзи, вы бледны и, кажется, озябли. Пройдите раз шесть по этой аллее и возвращайтесь домой. А вы, Филлис и Нора, пройдемте со мной. Мне надо передать прислуге распоряжение миссис Виллис относительно птицы к завтрашнему обеду.

Филлис и Нора степенно пошли с учительницей английского, а Сьюзи была предоставлена самой себе. Обстоятельства сложились так, что Сьюзи позабыла и сон, и леденцы; ее тяжелые мозги пришли в движение. Корзину обнаружат не сегодня, так завтра, и тогда беды не миновать. Сьюзи пыталась понять, что произошло с Бетти, ведь прежде та никогда их не обманывала.

Бетти жила в маленьком домике в полумиле от «Лавандового дома». Крепкая, краснощекая старушка жила в значительной степени на средства школьниц. Ее вишневые деревья из года в год приносили плоды для воспитанниц миссис Виллис. Кроме того, ежедневно рано утром Бетти отправлялась в Сефтон и приносila оттуда вкусные пирожки и бриоши.[\[12\]](#) За садом находилось укромное местечко. Там Бетти располагалась со своим товаром, раскладывая его самым соблазнительным образом, и маленькие лакомки неизменно туда приходили. Бетти дорого продавала свой товар, но так как она часто отпускала его в кредит, то легкомысленным девочкам и в голову не приходило, что они платят за все втридорога. Лучшие ученицы, конечно, не имели ничего общего с Бетти, но Энни Форест, Сьюзи Драммонд и многие другие воспитанницы были постоянными покупательницами. Редкий день проходил без того, чтобы

юные леди не заглянули в укромное местечко.

Когда же затевался особый кутеж, вроде ужина в чулане, Бетти проявляла чудеса кулинарии. Никто лучше нее не сумел бы приготовить чудесные закуски, ведь она хорошо изучила вкус юных барышень. Она заламывала высокие цены, но зато все было бесподобно – так по крайней мере казалось маленьким лакомкам.

– Все у вас будет, мои красавицы, все будет, – говорила торговка, улыбаясь во весь рот. – Положитесь на Бетти, миленькие мои, она все устроит.

Для пирушки на «волшебном поле» Бетти постаралась на славу. Все было принесено и ловко спрятано в лавровых кустах. Условлено было, что рано утром она незаметно заберет корзинку обратно.

Поэтому неудивительно, что Сьюзи, прогуливаясь, чтобы «согреться», продолжала дрожать. Бетти не приходила за корзинкой, и на своем обычном месте за садом она тоже не появлялась. Неужели старуха захворала? Когда эта мысль пришла Сьюзи в голову, она совсем перетрусила. Корзинку обязательно найдут. Тот же Ровер, привлеченный вкусными запахами, может вытащить ее, или садовник наткнется на нее. Что же делать? Спрятать корзинку негде. И тут внезапная мысль озарила Сьюзи: с полчаса ее не хватается, за это время она успеет сбежать к Бетти и вернуться.

Девочка внимательно осмотрелась: мисс Гуд ушла в дом, мисс Дейнсбери играет с детьми, француженка лежит с мигреню. Сьюзи свернула с аллеи, по которой ей приказано было прогуливаться, пробралась в огород, перелезла через забор и во весь дух припустила к домику Бетти. Ей навстречу попалась карета, и Сьюзи показалось, что в ней сидят сестры Брюс. Но она не посмела задерживаться и побежала дальше в надежде, что ошиблась.

Через четверть часа Сьюзи остановилась возле дома Бетти и перевела дух. Перед окнами росли вишневые деревья, несколько перезрелых вишен валялись на земле. Сьюзи постучала, но ответа не последовало. Дожидаться было некогда, девочка повернула ручку, и дверь открылась. Бедная Бетти, скрюченная ревматизмом, лежала на убогой постели.

– Господи, Боже мой! Да неужто это вы, моя красавица! – воскликнула старуха, когда Сьюзи, вытирая пот и тяжело отдуваясь, подошла к ее кровати.

– Я пришла сказать, Бетти, что вы забыли корзинку.

– Не забыла, моя красавица, не забыла, да вот ревматизм замучил меня, ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Уж я думала о вас,

красавицы мои. Скучно вам, поди, без сластей-то. Да и вишни даром на земле гниют, просто сердце разрывается.

– И правда, – согласилась Сьюзи, глядя в отворенную дверь. – Спелые вишни, и какие сочные: я возьму несколько штук, Бетти, и заплачу вам потом. Но как же быть с корзинкой? Вы обязательно должны забрать ее. Если корзинку найдут, мы пропали, и тогда прощайте ваши барышни.

– Ох, мисс, я бы на коленях поползла, лишь бы отвести от вас беду. Так ведь даже подняться не могу, вот горе-то! Доктор говорит, что ревматическая лихорадка у меня завелась.

– О Господи, что же делать! Ведь мы погибнем, если корзина отыщется.

– Да ведь кусты-то густые, красавица; вряд ли отыщется.

– Ах, какая вы несносная! Если я говорю, что отыщется, значит, я знаю. Непременно возьмите корзинку или пошлите за ней.

Старуха задумалась.

– Разве что послать Мозеса, – проговорила она. – Он ловкий мальчишка. Это четвертый дом отсюда, мисс. Мозес его зовут, Мозес Мур. Я дам ему пинту^[13] вишен за работу. Вот если бы вы потрудились послать ко мне Мозеса, мисс Сьюзи! Эх, не хочется мне впутывать чужого человека в ваши дела. Он ведь не то, что старая Бетти!

– Ну, делать нечего! В каком доме живет этот мальчик?

– Четвертый отсюда, красавица. Мозес Мур. Такой веснушчатый мальчик с бельмом на глазу. Пошлите его ко мне, голубушка; только ничего не говорите о вишнях, а то он просто украдет их, плут!

Сьюзи, не теряя ни минуты, пустилась бежать обратно, прихватив горсточку вишен, чтобы освежиться по дороге. Ей посчастливилось застать Мозеса дома, и она послала его к старой Бетти. Мальчишка загоготал и лукаво посмотрел на нее; но упоминание о вишнях сделало его сковорчивее: поторговавшись и потребовав кварту^[14] вместо пинты, Мозес согласился встать в четыре часа утра и забрать корзинку.

Глава XXXV. Грустные мысли

Энни в детстве видела много горя и лишений; она на собственном опыте знала, что значит «катиться вниз». Родители ее прежде были богатыми людьми, жили в большом доме, держали лошадей, баловали дочку, к которой были приставлены две няни. Впрочем, сама Энни этого времени не помнила – самые ранние ее воспоминания относились к жизни в скромном доме, с небольшим количеством слуг. Мать часто плакала; отец редко бывал дома. Потом уже и своего дома не стало; они жили в маленькой квартире. Няня ушла, Энни гуляла с матерью и спала в коляске в ее комнате. А потом настали совсем трудные времена. Мать лежала больная, а отец, высокий красивый мужчина, взяв Энни на руки, целовал ее, наказывая быть мужественной и беречь мать. Потом он уехал и не вернулся. Энни с матерью становились беднее и беднее, из квартиры переселились в одну-единственную комнату и даже не каждый день обедали. Мать, несмотря на утомленные слезами глаза, стала заниматься шитьем. Энни замечала, что мать кашляет. Дела шли все хуже. И тут неожиданно появился ангел-утешитель, а вместе с ним и некоторый достаток: доктор и питательная пища для матери, книги и игрушки для ребенка. Когда же мать Энни умерла, девочка отправилась в «Лавандовый дом» с тем самым ангелом-утешителем, который успокоил ее мать на закате дней.

– Энни, я всем обязана миссис Виллис, – сказала мать перед смертью. – Мы знали друг друга еще в юности, и теперь благодаря ей я ни в чем не нуждаюсь.

Когда меня не будет, она позаботится о тебе. Я не в состоянии ее отблагодарить. Постараешься ли ты сделать это за меня?

– Да, мама. Я буду ее очень, очень любить, – пообещала девочка, глядя на умирающую большими черными глазами.

Энни сдержала слово. Она не просто любила, она обожала свою воспитательницу, которая была так добра к ней и к ее матери. Несмотря на все свои недостатки, Энни была жизнерадостной натурой. Ей было так же трудно не развиться и не смеяться, как цветку не поворачивать головку к солнцу. В самые грустные дни Энни удавалось рассмешить мать. Все ее шалости были донельзя забавны.

Мать умерла, отец пропадал неизвестно где, но Энни сохранила веселый характер, потому что была окружена любовью и лаской – миссис

Виллис неизменно была очень нежна к ней. Наставницы, хоть нередко брали и наказывали девочку, тоже любили ее, потому что не любить ее было невозможно. Даже ее проказы часто вызывали у них улыбку. Подруги обожали Энни, о младших воспитанницах уж и говорить нечего; даже слуги говорили, что ни одна из учениц не стоит и мизинца мисс Форест.

В последние полгода, однако, обстоятельства изменились. Подозрение и недоверие омрачили ясность духа девочки. Она уже не была общей любимицей. Некоторые ученицы открыто выказывали ей свою неприязнь. Все это Энни способна была вынести, если бы миссис Виллис не лишила ее своего доверия. Но она ясно видела, что начальница смотрит на нее теперь другими глазами. Первый раз в жизни Энни упала духом. Ей казались невыносимыми эта всеобщая холодность, этот молчаливый отпор. Она страдала не только физически, но и морально.

В грустном раздумье брела она по аллее, как вдруг услышала позади себя топотание детских ножек.

– Нэн идет, Нэн идет! Энни подождать Нэн!

Малышка догнала ее и подала ей ручку.

– Нэн уйти от няни; Нэн плибежать к Энни.

Энни поцеловала девочку и взяла ее на руки.

– Не плячь, – повторяла малышка, с удивлением глядя на крупные слезы, которые катились по щекам Энни. – Не плячь, Нэн любить тебя.

– Дорогая моя! – горестно всхлипнула Энни. Но тотчас же опомнившись, начала смеяться и шутить:

– Садись-ка на свою лошадку, Нэн.

И посадив девочку на плечо, Энни побежала с ней по дорожке. Малышка хотела и хлопала в ладоши. Вдруг она перестала смеяться и испуганно спросила:

– Кто это?

Энни остановилась – перед ней на дороге стояла старая цыганка.

– Иди плочь, гадкая! – закричала Нэн, неистово махая ручонками.

Цыганка поклонилась и заговорила, глядя на Нэнси жадными глазами:

– Ишь, какая куколка! А башмачки-то! И ажурные чулочки! И на платьице настоящие кружева, точно, настоящие.

– Поди плочь, гадкая, – повторила малышка. – Беги, Энни, хоп, хоп!

– Сейчас, Нэн, погоди. Зачем вы здесь, Рэйчел?

– Чтобы посмотреть на вас, моя красавица. Вы дали мне денег в ту ночь, помните? Ах, какая славная была ночь. Маленькие леди ничего худого не делали, старая Рэйчел это знает.

– Не воображайте, что я вас боюсь! – воскликнула Энни. – У меня

больше нет для вас денег. Подите и расскажите все, если хотите. Для меня это решительно все равно.

– Ого, моя красавица, вы думаете, что я пойду на вас жаловаться? На вас и на остальных маленьких леди? Да ни за что на свете. Значит, вы не знаете Рэйчел, если думаете, что она может поступить так низко.

– Тогда уходи.

– Уходи плочь, – повторила Нэн вслед за Энни.

Цыганка постояла с минуту, потом повернулась и перелезла через изгородь.

– Ишь ты! Леди говорит, что не боится Рэйчел, – закричала она вслед Энни. – Как же, не боится! А куколку-то она очень любит: а на той настоящие кружева. Берегитесь, мисс Энни. Лучше вам не сердить старую цыганку, не то она сумеет отомстить так, как вам и не снилось.

Глава XXXVI. Как Мозес Мур исполнил поручение

Сьюзи Драммонд благополучно вернулась в «Лавандовый дом», никто вроде бы не заметил ее отсутствия. Она, конечно, опоздала на вечернюю подготовку и получила резкое замечание от француженки, но этим все и кончилось. Девочка успела шепнуть Филлис и Норе, что утром корзинку заберут, и подруги спокойно пошли спать. Сьюзи, понятно, спала как убитая. Вечером, перед сном, она сообщила Энни о своем успешном походе, но Энни отнеслась к этому совершенно равнодушно.

— Мне бы хотелось, — сказала она со странной улыбкой, — чтобы корзинка была обнаружена. Конечно, я не выдам вас, можете не волноваться; но мое положение нынче таково, что для меня было бы лучше, если бы миссис Виллис знала всю правду.

После таких нелепых заявлений Сьюзи не нашла нужным продолжать разговор.

Хотя Мозес Мур дал старой Бетти слово встать с рассветом и пойти к «Лавандовому дому» за корзинкой, он был ленив и необязателен, положиться на него было нельзя. Он заранее предвкушал, как будет лакомиться вишнями, и, выторговав квартиру за труды, надеялся еще малую толику украдкой положить в карманы. Мозес не прочь был бы втихомолку похозяйничать в вишневом саду, но провести старую Бетти, эту хитрую лису, мальчишкам не удавалось. Ее кровать стояла как раз у окна, возле которого росли вишни. Можно было подумать, что Бетти не смыкала глаз, потому что как бы рано ни бродил какой-нибудь мальчишка возле садовой стены, он всегда мог видеть в окне ее ночной чепчик.

Поэтому Мозес, не имея возможности украсть вишни, решил их заработать. Он лег спать с твердым намерением встать как можно раньше — часа в четыре утра. Получилось все, однако, совсем иначе — мальчик проснулся, когда часы на церковной башне пробили пять раз. Он вскочил, протер кулаками глаза, поспешно оделся и отправился за корзинкой.

Мозес шел, весело насвистывая и подбрасывая вверх свою измятую шапку. Он нередко останавливался — чтобы вырезать прут из живой изгороди или чтобы поискать в кустах гнездо. Было уже около шести, когда он подошел к «Лавандовому дому». Мозес перелез через забор и побежал по влажной от росы траве прямо к лавровым кустам: их

расположение Бетти хорошо объяснила, а он старательно запомнил. Он подполз к кустам, нащупал корзинку и уже потянул ее к себе, как вдруг раздалось яростное ворчание и собачьи зубы вцепились в его ветхую куртку. Бедный Мозес к своему ужасу оказался во власти огромного пса. Ровер держал его мертвой хваткой, для верности поставив на мальчика лапу, чтобы тот не вырвался.

На крик прибежал садовник и освободил Мозеса. Мальчишка отделался легким испугом – на нем не было ни царапины, умный Ровер только порвал клыками его куртку.

– Отд-дайте мне к-корзинку и от-пустите меня!

– Ты можешь идти, маленький бродяга, а вот корзинку-то я тебе не отдам. В ней, видно, что-то есть. Кто это ее сюда принес?

– Б-б-бетти, – признался, заикаясь, Мозес.

– Вот пусть она ее и заберет. Миссис Виллис пока ее уберет, а тебе советую скорей убираться.

Мозес не замедлил последовать доброму совету. Получил он вишни или нет – история умалчивает.

Садовник открыл корзинку и, рассмотрев ее содержимое, покачал головой:

– Ну, будет музыка, когда узнает миссис Виллис!

Садовнику было жаль маленьких проказниц, но, ставя долг превыше всего, он со вздохом отправился к директрисе.

Глава XXXVII. Признание

На следующий день Энни проснулась с чувством безразличия и душевной усталости, столь несвойственных юности. Она видела солнечные лучи, проникавшие сквозь плотные шторы, слышала щебетание птиц, знала, как выглядит в это время мир, – прежде она частенько вставала до прихода служанки и, забравшись на подоконник, на этот мир любовалась. Рождающийся день с его мягким, неярким светом, пробуждающаяся жизнь – словом, чарующая сила природы всегда сильно влияла на впечатлительную душу девочки, и ее юная душа в немой молитве славила Бога.

Теперь же она, проснувшись, лежала с тягостным сознанием того, что начался еще один длинный день без любви и ласки, отравленный недоверием и подозрениями. Для впечатлительной души Энни такое состояние было равносильно медленному умиранию.

После звонка пришла служанка и подняла шторы. Энни встала и, одевшись, по обыкновению встала на колени. Но слова молитвы не шли ей на ум. Она собиралась уже подняться, но в эту минуту ей припомнились слова Писания: «Приидите ко мне все нуждающиеся и обремененные, и я успокою вас».

– О Сьюзи, – обратилась она к подруге. – Как бы я хотела, чтобы миссис Виллис узнала о нашей глупой прогулке на «волшебное поле». Может быть, тогда Господь Бог успокоил бы меня.

Сьюзи тупо посмотрела на нее и вспыхнула:

– Мне кажется, ты совсем лишилась рассудка, Энни Форест!

На молитве в часовне Энни очень обрадовалась, очутившись возле кроткой Сесиль. Все время у нее не выходили из головы слова Священного Писания.

Перед уроками миссис Виллис пришла в классную комнату. При ее появлении некоторых учениц охватила дрожь. Начальница остановилась около стола учительницы английского, что-то сказала ей вполголоса и затем повернулась к воспитанницам.

– Мне нужно кое-что сказать вам, мисс Драммонд, – сухо начала она. – Прошу вас встать и отвечать мне.

Филлис и Нора побледнели, остальные заговорщицы беспокойно переминались с ноги на ногу. Сьюзи Драммонд надулась и сердито смотрела на начальницу.

– Сестры Брюс были у меня вчера вечером и сообщили, что видели, как вы бежали по большой дороге к деревне. Вам известно, что покидать владения школы без разрешения вы не имеете права. Где же вы были?

Сьюзен растерялась и густо покраснела. Она не была готова к такому вопросу, поэтому солгать ей не удалось.

– Я ходила к старой Бетти.

– К торговке?

– Да, мэм.

– Зачем?

– Я слышала, что она больна.

– В самом деле? Садитесь. Мисс Гуд, потрудитесь позвать садовника.

Сердечки многих учениц учащенно забились. Дверь отворилась, и вошел садовник с корзиной для пикника в руках.

– Майкл, расскажите девочкам, где и как вы нашли корзинку. Встаньте возле меня и говорите громче.

Собравшись с духом, садовник довольно сбивчиво и с длительными паузами поведал, как было дело.

– Хорошо, Майкл, теперь можете идти, – кивнула начальница.

– Недели две тому назад, – продолжала миссис Виллис, когда садовник вышел, – я здесь же обращалась к неизвестной мне ученице, убеждая ее быть честной и снять подозрение с ее подруг. Виновная не захотела сознаться, поэтому пострадали все остальные. Я устала взывать к вашей правдивости, которой не существует, или к вашей чести, от которой не осталось и следа. Сердце мое разрывается от горя, вы приводите меня в отчаяние. В деле с корзинкой многие виноваты, но я уже потеряла надежду узнать истину. В «Лавандовом доме» воцарилась ложь…

Одна из учениц вскрикнула и быстрыми шагами подошла к начальнице.

– Я виновата больше всех! – заявила Энни Форест.

– Энни! – воскликнула начальница с облегчением. – Наконец-то ты образумилась!

– О, я так рада, что могу говорить правду. Прошу вас, накажите меня как можно строже, я больше всех виновата.

– Для чего вам потребовалась корзинка?

– Мы устроили пикник. Это был мой план, и я увлекла остальных.

– Где проходил этот пикник?

– На «волшебном поле».

– Когда?

– В полночь. В ту самую ночь, когда вы уехали в Лондон.

Миссис Виллис провела рукою по лицу. Она была так бледна, что казалось, вот-вот упадет в обморок.

– А я-то доверилась вам, – проговорила она дрожащим голосом. – У тебя были сообщницы в этом безобразии, – помолчав, констатировала она. – Кто они?

– Да, у меня были сообщницы, но зчинщицей была я.

– Назовите остальных, мисс Форест.

Энни подняла глаза на свою воспитательницу, а потом, обернувшись, посмотрела в сторону своего класса.

– О, будет лучше, если они сами скажут…

Филлис и Нора, рыдая, признались, что они тоже участвовали в пикнике и ужасно, ужасно раскаиваются. Ободренные их примером, все преступницы одна за другой покаялись, кроме Сьюзи Драммонд, которая смотрела в пол и упорно молчала.

– Мисс Драммонд, подойдите сюда.

Тон директрисы поразил учениц. Никогда еще она не говорила так резко.

– Я не спрашиваю вас, виновны ли вы в этом проступке, – отчеканила миссис Виллис. – Не спрашиваю потому, что не хочу, чтобы вы обременили свою совесть новой ложью. Я и так знаю, что вы виновны. Путешествие к старой Бетти достаточно свидетельствует против вас.

Сьюзи по-прежнему молчала и смотрела в сторону, а директриса продолжала, обращаясь уже ко всем неудачливым заговорщицам:

– Вы поступили бесчестно, воспользовавшись моим доверием. Я должна подумать и буду просить у Бога указания, как поступить с вами. А пока вы, как недостойные общения с другими ученицами, будете от них отделены. Прошу вас, мисс Гуд, отвести девочек в их комнаты.

Уходя из класса, Энни взглянула начальнице прямо в глаза. Несмотря на приговор, Энни была спокойна, и ее честный, открытый взгляд был отражением прекрасной души.

Глава XXXVIII. Сесиль Темпл

Вечером того же дня Сесиль Темпл постучалась к миссис Виллис.

– Ах, Сесиль. Я всегда рада видеть тебя, дорогая, но сейчас я очень занята. У тебя что-то важное?

– Я хотела поговорить с вами об Энни, миссис Виллис. Ведь вы ей теперь верите, не правда ли?

– Верю ли я ей? – с горечью проговорила начальница. – Нет, дорогая, ты слишком много от меня требуешь. Я ей не верю.

– Может быть... – нерешительно продолжала Сесиль, – вы ее не видели с сегодняшнего утра?

– Да, я была занята. Кроме того, виновные изолированы в своих комнатах, и я не желаю их видеть.

– Вы не находите, миссис Виллис, что утром Энни вела себя очень мужественно?

– Мисс Форест действительно говорила с прежней искренностью и не старалась спрятаться за спины своих сообщниц. Только этим она и напомнила мне прежнюю Энни, которую я так любила и которой верила безгранично. Что касается ее якобы мужественного признания, не забывай, Сесиль, что она вынуждена была признаться. Она, как и все остальные, знала, что я добьюсь правды от старой Бетти.

Директриса замолчала, но было ясно, что ее мучает предательство Энни.

– Она обманула мое доверие как раз в мое отсутствие. Провожала меня цветами и милой улыбкой, а в душе лелеяла предательский план. Нет, Сесиль, боюсь, мы ошиблись в Энни. Она совершила много проступков, в которых до сих пор не созналась. Я припоминаю, что проделка с сочинением Доры совершена как раз в ту ночь, когда эти девицы устраивали свой пикник. Конечно, это дело рук Энни. Я старалась побороть сомнение, и мистер Эверад повлиял на меня в этом смысле, но больше я не могу верить. Я вижу, милая, что ты очень этим огорчена, но успокойся: мы не отвернемся от Энни. Мы будем любить ее, несмотря на ее пороки. Бедная девочка! Как горячо я за нее молилась, ведь она была мне как дочь... А теперь, дорогая, иди, мне нужно заниматься.

Расстроенная, Сесиль пошла в рекреационную залу, где по случаю дождя находились все воспитанницы, кроме наказанных. Девочки сидели группами и тихо разговаривали. Никто не узнал бы в них веселых

обитательниц «Лавандового дома», такой у них был угнетенный и грустный вид. Смех слышался только на половине малышей.

Сесиль отыскала Эстер Торnton и села возле нее.

– Не удалось мне убедить миссис Виллис, – поделилась она.

– Убедить в чем?

– В том, что мы вернули нашу прежнюю Энни. Ведь она горько раскаивалась в том, что затеяла этот нелепый пикник, и до того мучилась, что похудела и побледнела, бедняжка. Филлис и Нора признались мне, что она давно бы все рассказала, но не хотела выдавать остальных. Теперь, слава Богу, тяжесть свалилась с ее души, и она, хоть и наказана, но спокойна. Я была у нее с час назад и обрела мою прежнюю милую Энни. Но миссис Виллис, представь себе, до того предубеждена против нее, что уверена, будто подлог сочинения Доры совершила Энни, да и карикатуру нарисовала тоже она. Но вряд ли она была бы так умиротворена и довольна, если бы призналась только в одной части своих проступков, а остальные бы оставались на ее совести. Ты согласна со мною, Эстер? Ну, поставь себя на ее место и скажи: могла бы ты жить спокойно, если бы призналась только в половине грехов и из-за тебя страдали бы подруги? Ведь не могла бы, правда, Эстер?.. Что это ты такая бледная?

– Ты слишком философствуешь и сбиваешь меня с толку, – поднялась со своего места Эстер. – Как могу я представить себя на месте твоей подруги Энни? Я никогда не понимала ее, да и не желаю понимать. Поставить себя на ее место? Я не смогу этого сделать, просто потому, что на ее месте я никогда не окажусь!

Эстер ушла, и Сесиль осталась в одиночестве. Она была глубоко верующей, религия руководила всеми ее поступками. Сесиль не была ни хорошенькой, ни слишком умной, но окружающие искренне любили и уважали ее. Девочка понимала, что такое чистая совесть, и ей достаточно было взглянуть на Энни, чтобы проникнуть в ее душу, чистую, как кристалл.

Когда все собрались в часовне на вечернюю молитву, мистер Эверад произнес приличествующее случаю слово. Он говорил, что Господь прощает искренне кающихся и что настоящее раскаяние ведет за собой исправление.

– Есть поговорка, – прибавил он, – что краденый напиток сладок, но это только кажется. Кто пробовал его, тот знает, какой горечью он отзывается впоследствии.

Короткая речь почтенного священника поддержала Эстер в испытании, которое ожидало ее. После молитвы миссис Виллис собрала

воспитанниц в рекреационной зале и объявила, что возвращает им все прежние привилегии. Обстоятельства, по ее мнению, таковы, что в личности виновной сомневаться не приходится. По ее мнению, проделки последнего времени дело рук Энни Форест, которая одна и должна нести всю тяжесть наказания. С завтрашнего же дня в «Лавандовом доме» все пойдет по-старому.

Глава XXXIX. Тяжелое испытание для Эстер

Ночью Эстер не сомкнула глаз. Бледное лицо Энни, в отношении которой она так дурно поступила, неотступно преследовало ее. Зачем она возненавидела ее с самой первой минуты? Зачем приписывала ей все дурное и не хотела верить в хорошее? Эстер не могла не признаться себе, что утром Энни поступила благородно. Если бы Этти могла вернуться назад, она не обременила бы свою совесть ложью: тогда она скрыла от миссис Виллис, что знает обстоятельства подмены сочинения Доры.

Первый раз в жизни честная и прямая Эстер солгала. Причиной этого была свойственная ей заносчивость и ревность. Теперь она глубоко сожалела об этом и искренне раскаивалась, но сознаться уже не могла. Чтобы вся школа узнала о ее низости – избави Бог! Нет, если освободить Энни от подозрения можно только таким образом, то пусть лучше все остается так, как есть.

Эстер чувствовала себя несчастной и искренне желала, чтобы Энни удалось оправдаться. Она была уверена, что автором всех бесчестных проделок была Сьюзи Драммонд, хотя решительно не понимала, каким образом эти неповоротливые мозги могли изобрести столь изощренные мошенничества: нарисовать карикатуру, подделать почерк. Тем не менее у нее не оставалось и тени сомнения в виновности Сьюзи. Эстер пыталась придумать, как заставить ее сознаться и тем оправдать Энни, но самой остаться при этом в стороне.

Эстер решила поговорить со Сьюзен и дать ей понять, что кое-что знает о ееочных проделках. Несколько успокоившись, под утро она задремала, но ненадолго. Ее разбудила маленькая сестра, которая, выбравшись из своей кроватки, побежала к ней и испуганно зашептала:

– Ой-ой! Муха, Этти, муха!

Этти встала и выгнала из-под полога сестры забравшуюся туда пчелу. Взяв Нэн к себе в постель, она принялась успокаивать ее, рассказывая о пчелках и об их искусно построенных домиках. Девочка заулыбалась:

– Нэн любить пчейку. И Этти любить, а Энни очень-очень любить.

Последней фразы было достаточно, чтобы сердце старшей сестры опять очерствело. Но худшее было еще впереди. Этти предстояло испытать большое потрясение.

Уроки в этот день шли своим чередом. Энни сидела на своем месте И прилежно трудилась. Не было и в помине обычного перемигивания и пересмеивания с подругами, что так выводило из себя ее наставниц. Энни не отвлекалась, поэтому получила хорошие баллы.

Особенно отличилась она во французских спряжениях, бывших для нее всегда камнем преткновения. Удивленная француженка принялась было ее хвалить, но, вспомнив, что девочка наказана, замолчала.

По окончании утренних уроков Энни удалилась в свою комнату, где должна была оставаться во время перерыва. Для прогулки ей было назначено другое время.

Было 10 июня, стояла необычная жара. В воздухе висело марево, ни один листочек не шевелился. Ученицы бродили как сонные мухи, даже игры не шли им на ум. Девочки снова пользовались свободой и, разумеется, рады были, что ни мисс Гуд, ни мисс Дейнсбери не ходят за ними по пятам.

Им было о чем поболтать: о приближающемся дне объявления премий, о наградах, о наказании Энни и обо всем прочем. Больше всего их интересовало, признается ли Энни, а если нет, то как поступит с ней миссис Виллис.

— Ведь она воспитывается из милости, — презрительно заявила Дора. — Миссис Виллис не получает никаких средств за ее содержание здесь.

— Да, и она все-таки умнее тебя, бедный «мутный ручей», — насмешливо проговорила одна из младших учениц. — Как там обстоят дела с твоей «рекой»? Бросилась ли она в объятия отца-океана?

Дора вспыхнула и отвернулась, а дерзкая девочка проговорила как можно громче:

— Терпеть не могу подобного тона! Какова бы ни была Энни, но она самое милое создание во всей школе.

Эстер тем временем выслушивала Сьюзи Драммонд, чтобы поговорить с ней. Бледное лицо Энни не давало ей покоя, и, несмотря на ревность, Эстер хотела спасти девочку. Но как она ни вглядывалась, как ни звала, Сьюзи как в воду канула.

Тем временем мисс Драммонд, уютно устроившись в гамаке, сосала леденцы. Она прекрасно слышала, как Эстер звала ее, но откликаться не имела ни малейшего желания. В конце аллеи Эстер встретила Нэн, которая, под надзором няни, рвала маргаритки. Этти уселась возле нее. Малышка шалила, валялась в траве, пачкала свое белое платьице и была в отличном расположении духа.

— Я слышала, мисс, что эта шалунья, мисс Форест, сделала что-то

очень дурное, – шепнула няня.

– О, нет, – поморщилась Эстер с досадой. – Зачем бросать грязью в бедняжку, когда она и без того наказана! Если Энни виновата, то ей и так уже досталось.

– Энни не виновата, Нэн любить Энни, – тут же залепетала малышка.

– А меня уже разлюбила? – ревниво поинтересовалась няня.

Эстер встала, чтобы идти к себе. Нэн, сидя на руках у няни, посыпала ей вслед воздушные поцелуи. Эстер пришла в свою комнату, вымыла руки и приглаживала волосы перед зеркалом, когда к ней влетела взволнованная Сьюзи Драммонд, растерянная, с безумными глазами.

– О, Эстер, Эстер, – скорее промычала, чем проговорила она, бросившись на кровать лицом вниз.

– Что случилось, Сьюзи? – спросила Эстер довольно неласково. – С чего это ты ворвалась как безумная? Хочешь разыграть нервный припадок? Лучше успокойся, сейчас позвонят к обеду.

Сьюзи вскочила, побежала к умывальнику и, налив в стакан воды, залпом выпила его.

– Теперь я могу говорить, а то запыхалась, пока бежала. Беги, Эстер, беги, как можно скорее, если хочешь ее спасти!

– Кого спасти?

– Сестру твою, крошку Нэн. Я... Я все видела... Я лежала в гамаке, мне не хотелось шевелиться... но я видела, как Нэн играла с няней, рвала цветы... Ты звала меня, но мне хотелось спать... Потом ты ушла. Немного погодя няня говорит Нэн: «Посидите смирно, мисс, я сбегаю за другой катушкой ниток. Я вернусь через минуту, моя золотая...» Она ушла, а Нэн осталась... Вдруг крик... Я открыла глаза и вижу: страшная черная женщина схватила Нэн, завернула в платок и убежала... Это было делом одной минуты. Я закричала, выскочила из гамака, но страшной женщины и след простыл... Не знаю, куда она подевалась, словно сквозь землю провалилась. Ах, Эстер, тебе дурно?..

– Воды, глоток воды! – прошептала сдавленным голосом Этти. – А теперьпусти меня.

Глава XL. Девочка-цыганка

В одну минуту весь «Лавандовый дом» был поставлен с ног на голову. Об обеде позабыли и думать. Наставницы, ученицы, слуги – все бросились сначала к тому месту, где еще лежали сорванные маргаритки, потом дальше – в лесок, в поле. Обшарили все, но никаких следов Нэнси или черной женщины не нашли. Няня в отчаянии рвала на себе волосы и бросалась как безумная во все стороны, хотя никто ни в чем ее не обвинял, ведь она оставила девочку в полнейшей безопасности.

Миссис Виллис, взяv Эстер за руку, старалась успокоить ее, повторяя, что послала в Сефтон за полицией, которая тотчас же примется за поиски.

– Я не сомневаюсь, что мы скоро обнимем нашу крошку, – говорила миссис Виллис. – Эта женщина, кто бы она ни была, не могла далеко уйти за такое короткое время.

Между тем Энни, сидя в своей комнате, слышала отзвуки этой суматохи. Выглянув из окна, она увидела Филлис и позвала ее.

– О, это ужас! ужас... – прерывисто сообщила Филлис, а слезы так и текли по ее лицу. – Какая-то высокая черная женщина схватила Нэнси Торнтон и скрылась с нею в густом перелеске. Все бегают, ищут и не могут найти ребенка. Это ужасно... Мэри зовет меня!

И Филлис убежала. Энни задумалась.

– Высокая, черная... Это цыганка, – сказала она про себя. – Рэйчел! Она украла Нэн.

В пылкой голове Энни быстро созрел безумный план. Бледная, с горящими глазами, она села и торопливо нацарапала на листке бумаги несколько строчек:

Дорогая моя приемная мать!

Как бы дурно вы ни думали об Энни, но она всем сердцем любит вас. Простите меня, я решила сама отыскать Нэнси. Высокая черная женщина – цыганка Рэйчел, я раньше видела ее. Скажите Этти, что я не вернусь без ее сестры. Ваша раскаивающаяся и огорченная, Энни.

Энни свернула письмо, адресовала его миссис Виллис и оставила на столе. Потом, с предусмотрительностью, удивительной для ее характера, она высыпала содержимое своего портмоне в маленький шелковый мешочек и привязала его к поясу платья. Надев шляпу и перекинув через руку плед, Энни спустилась с лестницы, прошла через опустевшую кухню в дальнюю аллею и мимо лаврового кустарника направилась в лес – в ту

сторону, где, по ее предположению, должен был располагаться цыганский табор.

Энни всегда интересовало это удивительное племя. В нем была какая-то особая притягательная сила. Она охотно слушала всякие рассказы про цыган, а если недалеко от школы останавливался табор, она просила наставниц сходить с ней туда... В ней самой было что-то цыганское. Одаренная пылким воображением, она сочиняла для забавы подруг целые истории, в которых цыгане играли не последнюю роль. Не раз у слушательниц захватывало дух, когда Энни расписывала странные обычаи этого народа, сама же она получала от собственных рассказов явное удовольствие и нередко говорила, что хотела бы, чтобы ее украли цыгане.

При всяком удобном случае Энни вступала в разговор с цыганками, с интересом слушала их, позволяла им себе гадать. В раннем детстве у нее была няня, украденная цыганами и затем выкупленная у них. Она-то и познакомила девочку с нравами и обычаями этого племени. До сих пор почти все цыгане казались Энни симпатичными, только старая Рэйчел произвела на нее отталкивающее впечатление.

Пускаясь на безумный подвиг, пылкая Энни в точности не представляла, как она будет действовать. Она лишь надеялась, что приобретенные в детстве сведения о цыганской жизни помогут ей. Табор, несмотря на кажущуюся анархию, управляет определенными и весьма строгими законами, и цыгане, при всей их кочевой жизни, периодически возвращаются в одни и те же места. Поэтому Энни, не колеблясь, направилась прямо к маленькой долинке по ту сторону «волшебного поля», где несколько недель стоял табор: там играли дети, взрослые неспешно занимались своими делами или курили, лежа на солнце.

Подойдя ближе, Энни, к огорчению своему, увидела, что все шатры, за исключением одного, свернуты. Старый цыган и девочка снимали последний шатер, рядом стоял мальчик, держа за уздечку осла.

Энни, конечно, не стала искать здесь Нэн. Она притаилась в кустах, сняла с пояса мешочек с деньгами и спрятала его в траве; потом сбросила плед и, оправив платье, смело направилась к цыганам.

Девочка, помогавшая старику, была одного роста с нею. Энни это было как раз на руку. Она подошла и тронула ее за плечо:

— Послушай, мы устраиваем игру, и мне хочется одеться цыганкой. Не хочешь ли поменяться со мной платьем? Видишь, мое чистое, и пояс такой красивый. Мне так хочется добыть цыганский костюм!

Девочка, от удивления приоткрыла рот, посмотрела сначала на Энни, потом на отца. Тот утвердительно кивнул головой, и девочка, сделав знак

Энни, отбежала с нею в сторону.

– Вы не шутите? – недоверчиво спросила она.

– Нет-нет, не шучу. Так ты согласна? Какая ты милая! И тебе пойдет мое платье. А мне так нравятся твоя полосатая юбка и пестрый платок! Ну, как я выгляжу? Похожа на настоящую цыганку?

– У вас волосы слишком длинные, мисс.

– Ну так обрежь их! У тебя есть ножницы? Я хочу походить на настоящую цыганку.

Девочка сбегала к шатру и, вернувшись с ножницами, обкорнала прекрасные кудри Энни, затем критически осмотрела ее:

– Вот теперь лучше. Только руки у вас слишком белые. Постойте-ка, у меня есть немного орехового сока, которым мы красимся. Хотите, я натру вас, мисс?

Через минуту кожа Энни, и без того смуглая, стала еще темнее.

Старый цыган позвал дочку. Не без сожаления простиившись с Энни, девочка убежала. В платье Энни она выглядела довольно неуклюжей.

Глава XLI. Энни

Энни поспешила к лесу и дождалась, пока цыгане уложат свой скарб и скроются из виду. Затем она вернулась к кусту, где спрятаны были ее вещи, и снова привязала к поясу мешочек с деньгами. Ей было неловко в цыганском костюме, еще большее неудобство доставляли тяжелые башмаки. Но она не собиралась отказываться от своего намерения догнать цыган. О том, что они разбили новый лагерь в десяти милях отсюда, ей поведала маленькая цыганка, очень довольная тем, что они отсюда уходят.

— Здесь скучно, — поделилась она с Энни. — Мы бы давно ушли, но у старой Рэйчел тут были какие-то дела, ей хотелось подольше побывать здесь.

Проговорившись, девочка спохватилась, но Энни с удивительным самообладанием сделала вид, что слушает рассеянно, и даже зевнула.

Энни двинулась по пыльной дороге, придерживаясь направления, в котором ушли цыгане. В своем маскарадном костюме она чувствовала себя в безопасности. Если бы кто-нибудь из «Лавандового дома» встретил ее теперь, то едва ли узнал бы в маленькой цыганке Энни Форест. Она надеялась, что и в таборе ее никто не узнает, только бы не попасться на глаза девочке, с которой она поменялась платьем. Но в этом случае Энни рассчитывала на свою находчивость.

Няня часто рассказывала Энни о том, что цыгане воруют красивых детей и прячут так, что их редко удается найти. Тем не менее девочка не падала духом и бодро шла вперед. От сильного возбуждения она не чувствовала ни голода, ни усталости. Мысль о том, что Нэн навсегда останется у цыган, не давала ей покоя. Она любила эту малышку и готова была на любые жертвы.

Пустившись в погоню, Энни не рассчитала своих сил. Много ходить она не привыкла, к тому же испытания последнего времени сильно повлияли на ее здоровье. Добрались до Сефтона, через который лежал ее путь, девочка почувствовала сильную усталость и стала оглядываться вокруг в поисках места, где можно было бы передохнуть. Инстинктивно она остановилась у ресторана, где в компании школьных подруг иногда перекусывала сдобными булочками с молоком. При одном только воспоминании об этом рот Энни наполнился слюной. Позабыв про свой цыганский костюм, она вошла и смело направилась к стойке.

Теперь Энни могла убедиться, что маскарад удался. Официантка, вместо привычного «Чем могу служить, мисс?», грубо крикнула:

— Иди, иди, девочка. Мы не подаем нищим. Убирайся, говорят тебе!

Энни возмутило такое обращение. По ее мнению, цыганка, как любой другой человек, имела право за свои деньги получить что угодно. Она хотела было резко ответить, но вовремя увидела неподалеку мисс Джейн Брюс и промолчала.

— Вот тебе пенни, девочка, — сказала добрая старушка, подавая Энни монетку. — На это ты можешь купить себе хороший кусок хлеба на углу Най-стрит.

Глаза Энни сверкнули, губы задрожали. Взяв деньги, она выбежала из ресторана.

— Моя дорогая, — обернулась мисс Брюс к сестре, — ты обратила внимание на необычайное сходство этой цыганки с Энни Форест?

— Я как-то не обратила на нее внимания. Интересно, как поживает бедная Энни, — вздохнула мисс Агнес. — Я думаю, мы можем идти?

И, попрощавшись, пожилые леди ушли, забыв и думать о цыганской девочке.

Энни почти бежала по улице, пока не добралась до маленькой лавчонки, где ей дали хлеба с маслом, колбасы и снятого молока. Невкусная пища и толпившийся в тесном помещении народ произвели на Энни тяжелое впечатление. Ей стало страшно. Она заметила, что люди оборачиваются и с удивлением смотрят на нее. Надо было поскорее уходить.

Наскоро расплатившись, она двинулась дальше и скоро очутилась по ту сторону Сефтона, где местность не была ей знакома. В шести милях от Сефтона лежал городок Оклей, за ним-то и расположился цыганский табор. Энни шла бодро, несмотря на сильную головную боль. Наконец повеяло вечерней прохладой, и усталая девочка принялась мечтать о приюте и ужине. Она собиралась, переночевав в Оклее, пойти в табор рано утром.

Было почти темно, когда Энни вошла в город. Она сильно устала, ноги болели от жесткой обуви. Городской шум беспокоил и пугал ее. Наученная горьким опытом, она не рискнула постучаться в приличный дом, а обратиться в харчевню у нее не хватило духу. Девочка решила, что гораздо безопаснее будет переночевать в стогу сена, тем более что ночь была очень теплой. Хорошо отдохнув на свежем воздухе, она с новыми силами отправится на поиски Нэнси. С этими мыслями Энни поспешила оставить город, предварительно купив хлеба.

Ей посчастливилось: какая-то добрая женщина дала ей хорошего молока, кусок пирога и ласково обошлась с ней.

— Ты из табора, девочка? — спросила она. — Ваш обоз прошел с час

тому назад. Цыгане, наверное, расположатся на холме за овсяным полем, как и в прошлый раз. Как это ты от них отстала?

– Меня не было, когда они ушли... Не подскажете ли, как мне туда пройти?

– Иди по большой дороге, потом сверни по меже между хлебными полями... Нет, нет, милая, мне не надо твоих денег. Потешь лучше мою дочку, погадай ей. Она страсть какая охотница до гадания.

Девочка подошла к Энни и положила ей в ладонь серебряную монету. Покраснев до ушей, Энни принялась рассматривать протянутую ей руку и болтать всякий вздор о богатстве, счастье, замужестве с переодетым принцем и тому подобном.

– Ого, какая ты счастливая, Пегги! – воскликнула женщина, вполне довольная предсказанием.

Десятилетняя Пегги оказалась наблюдательнее матери.

– Это не настоящая гадалка, – объявила она. – Она не говорит худого, только хорошее. Не верю я ей. Да она и на цыганку не похожа.

Глава XLII. Эстер

В «Лавандовом доме» царили суета, ужас и смятение. Благодаря самообладанию и выдержке миссис Виллис и наставницы, воспитанницы начали успокаиваться, но когда стало известно, что Энни тоже исчезла, они окончательно потеряли голову.

Общее сочувствие было на стороне Энни. Каким бы безумным ни казался ее поступок, никто не решился осуждать ее. Все воспитанницы, от старших до самых маленьких, понимали, что Энни пустилась в опасную авантюру только из любви к Нэн. Миссис Виллис прочла записку со слезами на глазах и старательно спрятала ее.

Лицо Эстер приобрело почти шафранный оттенок, когда она узнала о поступке Энни.

— Она отправилась разыскивать твою сестрицу, Этти, — прокомментировала Филлис. — Когда я сообщила ей, что случилось с Нэн, у нее было такое лицо... Я уверена, она что-нибудь придумает.

— Своевольный поступок! — с вызовом заявила Дора Рассел.

Но никто не поддержал ее, только Мэри Пирс заметила:

— Своевольный или нет, но во всяком случае смелый и благородный.

— Я лично думаю, что если кто-нибудь и сумеет отыскать Нэн, так это Энни, — проговорила Нора. — Помнишь Филлис, как часто она нам рассказывала о цыганах? Она многое о них знает.

— Да-да, она лучше целого десятка сыщиков, — эхом отозвалось несколько голосов, а потом девочки с упреком повернулись к Эстер. — Теперь тебе придется любить Энни. Поневоле согласишься, что в нашей Энни есть и хорошие стороны.

Губы Эстер задрожали, она встала и, заливвшись слезами, пошла прочь. Подруги с удивлением смотрели ей вслед. Они и не подозревали, что Эстер Торnton способна плакать.

Добравшись до своей комнаты, бедная девочка бросилась на постель и дала волю слезам. Никогда еще не случалось ей так горько плакать. Бессмысленное отвращение, жестокость и неприязнь по отношению к Энни пришли ей теперь на память и нескованно мучили ее. Она, как и другие, надеялась, что Энни удастся найти Нэнси. Недаром говорили, что Энни обладает какой-то особой притягательной силой, и Эстер смутно начала сознавать это. Она чувствовала, что Энни пройдет любые испытания, чтобы только найти ее сестру. Самоотверженность девочки, к которой

Эстер была так несправедлива, была для нее укором: она дорого бы заплатила, чтобы Нэнси спас кто-то другой.

Несмотря на то, что лед в ее сердце начал таять, Эстер и в голову не приходило оправдать Энни, сказав миссис Виллис всю правду. Такого унижения перед всей школой Эстер вынести не могла. Лежа на постели, она безутешно рыдала, вздрагивая всем телом. Несмотря на глубокое горе, девочка не могла справиться со своей гордыней и обрести душевный покой в покаянии. Она все еще надеялась образумить Сьюзи и заставить ее признаться; а если Энни найдет Нэн, то за такой подвиг ей, конечно, простят все ее прегрешения, и покаяние сделается излишним.

Эстер не особенно любили в школе. Теперь же, зная ее горе, все старались быть с нею ласковыми и предупредительными. И в эту минуту, когда она так горько плакала, кто-то вошел в комнату и положил прохладную руку на ее горячую голову. Открыв опухшие глаза, Эстер встретила кроткий сочувствующий взгляд Сесиль Темпл:

– Миссис Виллис поехала в Сефтон, чтобы ускорить поиски. Она очень беспокоится о Нэнси и Энни.

– О, с Энни ничего не случится, – проговорила Эстер из глубины подушек.

– Энни хорошенъкая, цыгане могут украсть и ее. К тому же она такая впечатлительная! Я уверена, она отправилась прямо в табор. И понимаю, почему миссис Виллис так волнуется.

Сесиль опять положила руку на голову Этти.

– Мы все очень сочувствуем тебе, дорогая, – сказала она.

– Что мне проку от вашего сочувствия! – отрезала Эстер.

– Я думаю, сочувствие всегда приятно, – заметила несколько озадаченная Сесиль.

Эстер лежала, закрыв глаза, и Сесиль не знала, что ей делать: уйти или остаться. Она совсем было решила попросить мисс Дейнсбери успокоить Этти, как вдруг из открытого окна донеслись звуки детских голосов и веселый смех. Эстер вскочила и села на постели. Лицо ее исказилось судорогой.

– Нэн! Нэн! – закричала она. – О, Сесиль, как я несчастна!

– Знаю, дорогая моя, знаю, – обняла подругу Сесиль. – О, Этти, не отворачивайся от меня. Будем горевать вместе.

– Ты никогда не интересовалась Нэн, – упрекнула Этти.

– Неправда. Мы все любили прелестную малышку.

– Вдруг я ее никогда не увижу!.. Мама поручила ее мне, а я не выполнила ее завета. Нэн, мое сокровище, моя радость! Мне легче было бы

знать, что она умерла, чем переносить эту неизвестность!

– Но в таком случае не было бы надежды найти ее. А сейчас она у нас есть! – горячо воскликнула Сесиль. – И потом, Этти, Бог милосерден и не пошлет тебе незаслуженного наказания. Помолимся, дорогая. Господь принимает детские молитвы. Помолимся от всей души.

– Я не могу молиться, – отвернулась Эстер.

– Зато я могу!

– Только не здесь, Сесиль, пожалуйста, не здесь. Я не заслуживаю, чтобы моя молитва была услышана.

– Нам не следует рассуждать, заслуживаем мы чего-то или нет. Обратимся с чистым сердцем к Богу и будем просить у него помощи.

– У меня сердце совсем не чистое, я не могу просить. Пожалуйста, оставь меня, Сесиль.

Глава XLIII. Сьюзен

Миссис Виллис вернулась из Сефтона поздно. Полиция была уверена, что отыщет обеих девочек, но пока ей не удалось напасть на их след. Отпустив учениц спать, миссис Виллис поднялась к Эстер, чтобы приласкать ее перед сном. Ее поразил вид бедной девочки, она вынуждена была признаться себе, что до сих пор до конца не понимала ее характера.

Всю ночь Эстер мучили кошмары. Под впечатлением одного из них она вскрикнула и проснулась. Ей невыносимо было оставаться возле пустой кроватки, и, вспомнив, что Сьюзи Драммонд тоже одна, она решила, что сейчас самая подходящая минута, чтобы поговорить с ней. Накинув шлафрок, она побежала по коридору к комнате Сьюзен.

Сьюзи спала крепким сном, обернувшись лицом к окну. Ставни были открыты, и лунный свет, свободно проникавший в комнату, падал ей прямо на лицо.

Эстер едва удалось разбудить подругу. Наконец Сьюзи села в постели, зевая во весь рот.

– Это ты, Эстер? Что случилось? Есть что-нибудь новенькое? Энни вернулась?

– Нет, никаких новостей. Сьюзи, мне надо поговорить с тобой!

– Ночью? Зачем тебе понадобилось будить меня?

– Потому что я не хочу, чтобы кто-нибудь нас слышал. Сьюзи, прошу тебя, не засыпай, пожалуйста.

– Я постараюсь, правда, постараюсь. Смочи мне голову и лицо; чашка с водой возле постели, я всегда держу ее под рукой. Ну, спасибо. Теперь я, кажется, проснулась. Минуты на две меня хватит. Успеешь ты сказать, что тебе надо?

– Я, право, не знаю, есть ли у тебя сердце, но я уверена, что во всех проделках, в которых обвиняют Энни Форест, виновата ты!

– Что ты хочешь этим сказать? – поинтересовалась Сьюзи с самым невозмутимым видом.

Пораженная до глубины души таким нахальством, Эстер не выдержала и наговорила Сьюзен резкостей.

– Какая же ты бессовестная! Прикидываешься невинной, но я все знаю! Карикатуру в тетрадь Сесиль перерисовала ты, и сочинение Доры тоже ты подменила. Не знаю, зачем тебе это понадобилось, но ты мастерски проделала все эти мерзости, свалив на ни в чем не повинную

Энни всю тяжесть подозрения.

– Господи, Боже мой! Разбудить человека, облить его холодной водой только затем, чтобы сказать ему, что хуже его нет во всей школе. А скажи, пожалуйста, какое тебе до этого дело? Ведь ты не любишь Энни Форест.

– Не люблю, но это ничего не значит. Я хочу, чтобы к Энни относились справедливо; она так несчастна. О, Сьюзи, пойди и скажи всю правду миссис Виллис!

– Милая Эстер, ты положительно сошла с ума. Когда ты сделала это знаменательное открытие?

– Довольно давно. В ту ночь, когда было подменено сочинение.

– Если так, то это ты лгунья. Когда миссис Виллис спросила, известно ли тебе что-нибудь относительно «Мутного ручья», ты ответила отрицательно. Я видела, как ты покраснела. Если я, по-твоему, совершила такую низость, то иди и заяви об этом миссис Виллис, а теперь не мешай мне спать.

Повернувшись к стене, Сьюзи накрылась одеялом с головой и погрузилась в глубокий сон.

Глава XLIV. Под стогом сена

Говорить об удовольствии спать под стогом сена и испытать это удовольствие в действительности – вещи совершенно разные. Скошенный луг прелестен днем, но, покрытый росой в ночное время, он неважное пристанище для отдыха. Самые обыкновенные предметы принимают в темноте фантастические очертания, каждый звук особенно режет ухо. Крепко проспав около часа, Энни проснулась от холода. Кругом было темно, в гулкой тишине явственно слышалось кваканье, стрекотание, жужжание.

Энни не была трусишой, но и у самой храброй девочки могут сдать нервы, особенно после всех переживаний последнего времени. Ночная тишина казалась ей таинственной и страшной. Когда паук прошмыгнул по ее лицу, Энни невольно вскрикнула. В эту минуту она была бы рада любому грязному углу в Оклее, который обошелся бы ей в несколько пенсов. Скошенное сено было сложено в небольшие копны, которые в темноте представлялись расстроенной девочке злобными и страшными чудовищами. Закутавшись в плед, она поглубже зарылась в стог и стала дожидаться утра. Уснуть она так и не смогла.

Измученной девочке казалось, что утро не наступит никогда. Но вот предутренний ветерок заволновал траву на нескошенных участках, небо сделалось бледнее, а воздух свежее. Восток стал розоветь, проснулись птицы, насекомые застрекотали на все лады, копны сена наконец стали походить на самих себя, в траве роса засверкала, взошло солнце.

Вместе с солнечным светом к Энни возвратилась и ее обычная бодрость. Теперь она готова была смеяться над своими ночных страхами. В ней снова пробудилась надежда. Энни верила в святость своего подвига: девочка готова была победить или умереть. Любовь, и одна только любовь руководила ею. Она не думала ни о прошедшем, ни о будущем. Ее мысли были заняты одним – спасением Нэнси.

Энни всегда ощущала какое-то особенное духовное родство с маленькими детьми; но никто не был так близок ее сердцу, как малышка Нэн. Поначалу Нэн, как и вообще все дети, привлекла ее своей непосредственностью. Потом Энни решила привязать ее к себе, чтобы досадить Эстер. Но как-то само собой получилось, что девочка всей душой полюбила эту малышку. Теперь, твердо решив найти Нэн, она намеревалась вернуть Эстер не только саму девочку, но и ее

привязанность.

В истинном чувстве нет места эгоизму. Решившись разыскать Нэнси, Энни была уверена, что за этот своевольный поступок миссис Виллис исключит ее из школы. Следовательно, она не только будет разлучена с любимой девочкой, но и непоправимо испортит свою жизнь. Но это не останавливало ее – о себе она не думала, жертвуя своим будущим с решимостью, свойственной ее пылкой душе.

И хотя Энни сознавала неправильность и своеволие своего поступка, она не мучилась так, как после какого-нибудь тайного пикника.

Напротив, на нее снизошел душевный покой, какого она давно не ощущала. Она заранее покаялась во всех грехах миссис Виллис, а то, в чем ее подозревали, не тяготило ее – она не была в том виновата.

Полная надежды на Божью помощь, Энни поднялась с места и огляделась: нет ли поблизости ручья, где она могла бы умыться. Но вовремя спохватилась, вспомнив, что лицо и руки у нее выкрашены, – и предпочла оставить все как есть. Пригладив взъерошенные волосы, девочка встала на колени и, испросив от всего сердца помощи у Бога, смело пошла к цыганскому табору.

Глава XLV. Тигр

Было очень рано, и цыгане, утомленные длинным переходом, еще спали. Лагерь состоял из четырех больших островерхих шатров. В стороне были привязаны ослы и пара крупных мулов, неподалеку от них дремали три огромные собаки.

Энни постояла в раздумье несколько минут. Даже если собаки поднимут шум, цыгане скорее всего примут ее за свою и не обратят на нее внимания. Но девочке хотелось осмотреть лагерь спокойно, пока его обитатели спят. Собак она не боялась. Еще в детстве, когда ей приходилось заходить с матерью в незнакомые дома, ни одна собака не лаяла на нее, а стоило ей погладить пса, тот начинал теряться у ее ног, словно подчиняясь неведомой силе, исходившей от рук девочки.

Если бы сейчас ей удалось погладить одну из собак, охранявших спящий табор, опасаться было бы нечего.

Энни сняла тяжелые башмаки и стала на цыпочках подбираться к главному шатру, не спуская глаз со свирепого на вид бульдога, лежавшего у входа. Энни обладала свойством, присущим истинному мужеству, — присутствием духа. Чем сильнее была опасность, тем более хладнокровной она становилась. Девочка была уже в двух шагах от палатки, когда под ее ногой предательски хрустнула сухая ветка. Бульдог встрепенулся, поднял голову и мгновенно вскочил. Встав на колени, Энни раскрыла руки и тихо проговорила нежным голосом:

— Бедный, бедный мой пес, мой хороший...

Страшный бульдог подполз к ее ногам и облизал ей руки. Девочка с облегчением принялась гладить и ласкать собаку.

Покорив пса, Энни стала бродить между шатрами, пес следовал за нею. Остальные собаки открыли сонные глаза, но, увидев рядом с незнакомкой своего товарища, успокоились.

Из рассказов няни Энни знала, что цыгане часто располагаются вблизи старых развалин, где есть подземные ходы. В этих подземельях они скрываются от полиции и прячут наворованное.

Становище находилось как раз возле развалин старинной крепости. Энни внимательно всматривалась, пытаясь разглядеть вход в подземелье, ей было известно, что этот вход тщательно маскируют. Девочка была убеждена, что если есть подземелье, то Нэнси наверняка прячут там, и решила туда пробраться. Бульдог неотступно следовал за ней.

Когда цыгане стали просыпаться, Энни спряталась за живую изгородь, пес лег около нее.

– Тигр! – позвал кто-то.

Бульдог с сожалением оглянулся на Энни, явно не желая с ней расставаться, потом все-таки побежал к шатрам. Через несколько минут он вернулся с коркой хлеба в зубах, очевидно, намереваясь разделить завтрак с новым другом. Энни была так голодна, что о брезгливости позабыла и думать. Лежа под изгородью, пес и девочка позавтракали одной коркой.

Лагерь оживился. Между шатрами забегали дети, женщины зажгли костры, и скоро в воздухе разнесся аппетитный запах съестного. Мужчины стояли у палаток, покуривая трубки с длинными чубуками. Энни притаилась за изгородью, оттуда ей все было отлично видно. Вдруг зрачки ее расширились и сердце сильно забилось.

– Молчи, молчи, – шепнула она бульдогу, обняв пса за шею.

В таборе поднялась суматоха. Дети зашумели, женщины бросили стряпню, мужчины вынули изо ртов трубки, собаки залаяли. Причиной переполоха был отряд полицейских, который явился в становище, чтобы обыскать шатры. Вперед выступил начальник:

– Где женщина по имени Рэйчел? Нам нужно допросить ее.

Мужчины и женщины окружили полицейских. Ребятишки пугливо выглядывали из-за юбок матерей. Все цыгане трепетали перед законом.

– Где Рэйчел? – повторил полицейский. – Я не двинусь с места, пока не увижу ее.

Цыгане почтительно ответили, что старой Рэйчел в лагере пока нет, но если господам угодно, то пусть подождут, она скоро придет.

Отряд полиции окружил палатки и остался ждать.

Тигр поднял голову и насторожился. Энни выглянула из своего убежища и заметила маленькую девочку, которая тихонько кралась вдоль изгороди. Энни вскочила и, придерживая Тигра, поспешила вслед за девочкой. Маленькая цыганка обернулась, услышав шаги, но, увидев одну из своих и бульдога, спокойно продолжила путь. Перебежав поле, она направилась к разрушенной стене, пробралась между камнями, толкнула один из них и, нагнувшись, крикнула:

– Рэйчел! Рэйчел!

Продолжая придерживать пса, Энни отбежала в сторону и спряталась в густой ржи. Девочке было не до нее. Она продолжала звать Рэйчел. Из отверстия высунулась смуглая голова и часть плеча, потом появилась и вся Рэйчел. Вдинув камень на место, она взяла за руку маленькую цыганку и быстрыми шагами пошла к становищу.

Глава XLVI. Ради Нэнси

Настало время действовать. Энни приласкала пса и указала ему на нору, заваленную камнями:

– Теперь нам надо туда!

Бульдог завилял хвостом, попрыгал по собачьему обычаю перед Энни, затем подбежал к отверстию и уткнулся в него носом.

Энни недоумевала, каким образом девочке, гораздо меньшее ее ростом, удалось сдвинуть с места большой камень, заграждавший вход. Присмотревшись хорошенько, она поняла, что камень поставлен так, что его можно повернуть. После нескольких попыток ей удалось это сделать, и вход в подземелье был открыт.

Энни начала спускаться по крутым ступеням в темную пропасть. На секунду она остановилась в нерешительности, но мысль о том, что Нэн может находиться в этой ужасной норе, придала ей бодрости. Она шла в полнейшей тишине, мысленно благодаря Бога за ниспосланного ей провожатого, поскольку присутствие собаки значительно ободряло ее.

Тигр уверенно шел вперед, нюхая воздух, и, когда он слишком от нее удалялся, Энни подзывала его. Наконец, по движению воздуха девочка поняла, что узкий проход кончился. Подняв руку, она не нашупала потолка.

Энни продолжала идти дальше, пока не стукнулась головой о стену. Ощупав ее, она обнаружила узкий проход, по которому можно было передвигаться только ползком. Встав на четвереньки и взяв Тигра за ошейник, она храбро поползла вперед.

Энни уже потеряла счет времени, как вдали наконец показался слабый свет, проникавший, вероятно, сквозь щель свода. Девочка не смогла сдержать крика радости. Вскоре она очутилась в пространстве, похожем на жилую комнату. Пол устилала солома, в стороне стоял трехногий стол, на нем кто-то оставил несколько чашек и блюдец. Вероятно, это и было обиталище старой цыганки, здесь-то и следовало искать Нэнси.

После полной темноты Энни не могла вынести даже того слабого света, который проникал в это помещение. Когда глаза ее немного попривыкли, она увидела на соломе сверток старого тряпья, из которого торчала детская головка. Нэн спала и постанывала во сне.

Слезы радости брызнули из глаз Энни. Наклонившись над ребенком, она заметила, что кожа Нэн была выкрашена ореховым соком, чудесные волосы коротко острижены. Хорошенькое платье с настоящими кружевами исчезло, тело девочки было обернуто в грязные лохмотья.

Проснувшись, малышка испуганно вскрикнула. Не узнав Энни, она принялась отталкивать ее и кричать:

– Поди плочь, гадкая! Хочу домой, хочу к Энни!

– Нэнси, твоя Энни пришла за тобой, – нежно проговорила Энни.

Хотя смуглое лицо и костюм нежданной гостьи смущали малышку, голос был ей хорошо знаком. Она перестала плакать.

Оглядевшись, Энни увидела кувшин с водой. Она наскоро умылась, и девочка окончательно признала свою любимицу.

– Идем, идем, дорогая, идем домой, – Энни взяла Нэнси на руки.

– Но куда же мы пойдем? – мелькнуло у нее в голове. – Выход загорожен, и я не знаю, как изнутри повернуть камень...

Кровь стыла у нее в жилах при мысли, что она и ребенок будут похоронены в этом склепе. А рассчитывать на помошь злой старой цыганки не приходилось. Нэн хныкала и призывала ее быстрее идти, но Энни не двигалась с места. Девочка окончательно расплакалась.

Тут Энни вспомнила, что, по рассказам няни, у подземелий всегда есть другой выход. Но сумеет ли Тигр найти его? Бульдог спокойно дремал,

свернувшись калачиком на соломе, по-видимому, он не раз бывал здесь и чувствовал себя как дома. Энни подозвала его.

– Гулять, Тигр. Тигру – косточку, – приговаривала она, лаская собаку.

Подпрыгнув, Тигр завилял хвостом и бросился к проходу, по которому они пришли. Но Энни отрицательно покачала головой и сделала два шага в противоположную сторону. Умный пес понял ее. Взвизгнув, он дернул ее зубами за юбку: дескать, не туда идешь. Потом бросился к куче соломы и начал яростно разрывать ее лапами.

Подбежав к нему, Энни обнаружила люк. С трудом приподняв его, она увидала ведущие вниз ступени.

– Идем скорее, Нэн, – сказала она. – Тигр спас нас.

Бульдог с веселым визгом бросился вперед, а Энни, подхватив ребенка на руки, побежала за ним.

Глава XLVII. Оправдана!

Через некоторое время Энни с радостью заметила, что начался подъем. В подземелье стал проникать свет, и, наконец, с трудом протиснувшись в узкое отверстие, которое легко было принять за кроличью нору, беглецы вынырнули на свет Божий.

Местность была совершенно незнакомой. Энни со страхом оглянулась, но становища цыган не было видно: то ли они прошли под землей довольно большое расстояние, то ли табор скрывался за каким-нибудь пригорком. Нэн пищала и просила есть, Тигр усиленно нюхал воздух. У Энни кружилась голова, она дрожала с ног до головы. Вконец измученная, она села на землю, чтобы не упасть. Нэн плакала и настойчиво требовала завтрак, няню, Этти.

– О, Нэн, – взмолилась девочка, – пожалей твою бедную Энни. Мне так плохо!

В ту же минуту и еда, и няня, и сестра были забыты: Нэн кинулась обнимать и целовать свою любимицу.

С трудом поднявшись, Энни пошла наугад, ведя Нэн за руку. Тигр бежал за ними.

– Де басьмаки? – спросила малышка, с удивлением взглянув на босые ноги Энни.

– Тю-тю, башмаки. Ничего, Нэн. Слава Богу, что ты цела, моя дорогая.

Энни, с трудом волоча ноги, шла по меже между высокой рожью. Вдруг перед ней, словно из земли, выросла пучеглазая Пегги. Она с изумлением оглядела Энни и ее спутников и стрелой помчалась через поле к дому, стоявшему на окраине Оклея.

– Мама, мама! Ведь я говорила, что она не настоящая цыганка! Теперь она не такая смуглая, а еще с ней девочка и собака!

Круглолицая добродушная мама невозмутимо продолжала заниматься своими делами.

– Поди же и посмотри, мама! – приставала энергичная Пегги. – Ну, разве неправду я говорила?

– Господи Иисусе! – всплеснула руками миссис Вильямс, увидев странную процессию. – Девочка совсем больна; едва держится на ногах. Упала! Ах, бедняжка!

Доброй женщине потребовалось не больше минуты, чтобы на руках отнести в дом ослабевшую Энни. Пегги взяла на руки Нэн, а Тигр пошел

следом за ними.

Глава XLVIII. Мрачная неделя

Прошла неделя, а об Энни и Нэн не было ни слуху ни духу. Полиция старалась вовсю, даже приезжали сыщики из Лондона, но никому пока не удавалось напасть на след пропавших детей.

День вручения премий приближался, но никто о нем уже не думал. Миссис Виллис объявила, что она готова назвать победителей, но не станет устраивать никаких торжеств и приглашать гостей. О празднествах ученицы не хотели и слышать. Потеря всеми обожаемой малышки и еще более любимой веселой подруги нагнала на всех такое уныние, что даже самым легкомысленным девочкам веселье не шло на ум. Занятия проходили вяло, казалось, что солнце навсегда закатилось для «Лавандового дома».

Эстер хворала. Состояние девочки нельзя было назвать собственно болезнью, но ее нервы были истощены до крайности.

— Когда крошка отыщется, мисс Торnton опять будет молодцом, — говорил доктор Мейфлауэр.

Но крошка не находилась, а Эстер заметно теряла силы. Она все больше лежала, почти не говорила, мало ела и почти не спала. Подруги были очень внимательны к ней. Все старались утешить ее чем-нибудь, но ни одной не удалось вызвать у нее улыбки; даже миссис Виллис не могла успокоить ее.

Мистер Эверад однажды пришел навестить ее, но едва он заговорил, Этти так разрыдалась, что он счел за лучшее уйти.

— У девочки есть что-то на сердце, что мучает ее больше, нежели потеря сестры, — заключил почтенный пастор.

20 июня, накануне дня, в который прежде проводилось вручение премий, воспитанницы гуляли по саду и обсуждали свои школьные дела. Те, кто собирался ехать домой, просили подруг написать, если Энни и Нэн найдутся. Сесиль Темпл, Дора Рассел и еще две или три ученицы сидели отдельной группой и тихо разговаривали. К ним подошла взволнованная Мэри Пирс.

— Мне кажется, доктор боится за Эстер. Я случайно услышала, как он сказал мисс Дейнсбери, что Этти необходимо больше спать, и хотел подготовить ей какое-то лекарство.

— Как бы мне хотелось, чтобы Эстер не отталкивала нас, — сказала Сесиль. — Она не должна терять надежды. Я уверена, что Энни и Нэн

отыщутся.

– Ты молилась, Сесиль? – спросила Мэри Пирс, встав на колени возле Сесиль и глядя ей в глаза. – Ты потому так говоришь, что веруешь?

– Я молилась и верую... Что с тобой, Дора? – внезапно обратилась Сесиль к расстроенной Доре Рассел.

– Веселый день выпускса, нечего сказать! А я так мечтала о нем. И потом... словом, мне жаль, что я говорила так много дурного о бедной Энни.

Сесиль поднялась с колен, села возле Доры и обняла ее. – Спасибо, Дора, – с горячностью сказала она. – Как я тебя люблю за эти слова!

– Вон Сьюзи идет, – объявила Мэри Пирс. – Вряд ли что-то может тронуть эту особу: тупое равнодушие ко всему миру! Садись, Сьюзи, здесь есть место.

Сьюзи с обычной своей невозмутимостью уселась возле Доры.

– О, смотрите-ка, Филлис бежит сюда со всех ног, – воскликнула Мэри. – Филлис, милая, не сломай себе шею!

Запыхавшаяся Филлис принесла потрясающую новость.

– Знаете, кажется, пришло письмо от отца Энни! Джейн сказала Норе, что миссис Виллис получила письмо из-за границы, и кто-то видел – я уж не помню, кто именно, – что миссис Виллис, говоря с мисс Дейнсбери, плакала, а мисс Дейнсбери говорила: «О, Боже, столько лет ждали его, и вдруг он приедет, а ее нет...» Вон и сама мисс Дейнсбери. Сесиль, дорогая, разузнай, в чем дело!

Сесиль встала, перешла лужок и, поговорив с мисс Дейнсбери, вернулась к подругам.

– Это правда. Миссис Виллис получила письмо от капитана Фореста. Через неделю он будет здесь. Мисс Дейнсбери говорит, что он потерпел кораблекрушение, был выброшен на какой-то остров. А еще она призналась мне, что миссис Виллис очень беспокоится по поводу пропавших девочек, хотя и старается не показывать этого.

– Кто-то подъехал, – лениво заметила Сьюзи. – А, это сестры Брюс прикатили в своем экипаже. Они такие нудные!

Никто из подруг не отреагировал на ее слова, и после минутного возбуждения от полученных новостей девочки замолчали. С того места, где они сидели, видна была коляска мисс Брюс, ожидавшая у главного подъезда. Кругом все было тихо.

Вдруг послышались торопливые шаги, а затем и прерывистое дыхание бегущей девочки, на ходу она говорила что-то, но ничего разобрать было нельзя. Еще секунда – и Эстер очутилась среди подруг.

– Этти! – воскликнула Сесиль. – А мы думали, ты лежишь в постели...

Но Эстер не обратила на нее внимания, пробежала мимо и схватила за руку Сьюзи Драммонд:

– Нэн нашлась! И Энни тоже! Обе нашлись, но Энни умирает. Пойдем же, мы обе должны сказать правду хотя бы теперь!

Она говорила с таким жаром, что флегматичная Сьюзи, словно загипнотизированная, последовала за нею.

Глава XLIX. Две исповеди

Эстер тащила свою подругу через сад, через холл, по лестнице, прямо в квартиру миссис Виллис. Сьюзи Драммонд молча шла за ней.

Сестры Брюс находились у начальницы, а сама миссис Виллис в шляпе и накидке торопливо укладывала в корзину какие-то вещи.

— Мне... мне... надо поговорить с вами... и Сьюзи тоже. Мы обе должны, наконец, сказать... сейчас, сию минуту.

— Нет, нет, не теперь, Эстер, — возразила миссис Виллис, взглянув на взволнованное лицо своей ученицы. — Что бы у вас ни было, мне некогда вас слушать. Я не могу терять ни минуты.

— Вы едете к Энни?

— Да. Потому не задерживайте меня. До свидания, мои дорогие.

Миссис Виллис пошла к двери. Эстер бросилась к ней и схватила ее за руку.

— Возьмите нас с собою, меня и Сьюзи. Мы должны видеть Энни, пока она жива.

— Полно, моя девочка, успокойся, — сказала директриса ласково. — Вы успеете сказать все, что вам нужно, потом. Теперь дорога каждая минута, мне некогда возиться с вами. Успокойся, Эстер, и приготовься встретить сестру. Экипаж, на котором я еду, привезет Нэн домой.

Миссис Виллис ушла, а Эстер в изнеможении упала на стул и закрыла лицо руками. Легкое прикосновение к плечу заставило ее обернуться.

— Я полагаю, теперь мне можно уйти, Эстер? — спросила Сьюзи. — Надеюсь, ты не намерена делать из меня посмешище?

— Я намерена выдать тебя, трусливое ничтожество! — крикнула Эстер, вскочив на ноги. — Я ни за что не отпущу тебя. Пойдем сейчас же! Не миссис Виллис, так мистер Эверад выслушает нас.

Собиралась ли Сьюзи послушаться Эстер, неизвестно. Но неожиданно всякое отступление ей было отрезано — Агнес Брюс вошла в комнату с тем самым человеком, к которому Эстер намеревалась обратиться.

— Мне пришло в голову, что следует съездить за нашим добрым священником, — промолвила мисс Агнес. — Вы можете сказать ему все, что у вас на сердце. Но прежде чем уехать, я хочу рассказать вам, как я напала на след наших дорогих девочек. Вам, наверное, интересно будет это узнать.

Эстер взглянула в лицо добрейшей мисс Брюс и опустила глаза.

— Всю историю можно передать в нескольких словах, — продолжала

пожилая леди. – Близ Оклея живет женщина по имени Вильямс, которой мы с сестрой даем работу. Сегодня утром она пришла с извинением за опоздание и рассказала, что у нее в доме лежит больная девочка и с ней здоровый ребенок лет трех. Девочку в цыганском платье она нашла возле своего дома в глубоком обмороке и принесла к себе домой, а когда стала раздевать, обнаружила, что она не настоящая цыганка: ее лицо и руки были выкрашены, а тело осталось белым. С ребенком было проделано то же самое. Мы с сестрой тотчас же догадались, что это за девочки, и вместе с миссис Вильямс поехали в Оклей. Местный доктор говорит, что Энни в тяжелом состоянии. Нэн здорова и спрашивает о вас, Эстер.

Окончив свой рассказ, мисс Брюс простилась со всеми и уехала.

– Теперь, Сьюзи, мы расскажем мистеру Эвераду, какие мы грешницы! – начала Эстер, едва мисс Агнес вышла из комнаты.

– О, сэр, – продолжала она, подняв глаза на священника. – Если Энни умрет, я с ума сойду. Я не могу даже думать об этом!

– Скажите мне, дитя мое, что у вас на сердце, – сказал добрый старик, взяв Этти за руку.

И она поведала ему без утайки все свои грехи: как она сразу невзлюбила Энни, как была к ней несправедлива; как ей хотелось, чтобы Энни оказалась виноватой, и как, наконец, получив возможность оправдать ее, она, под влиянием ревности, а потом и трусости, промолчала.

– С той самой минуты, как пропала Нэн, – продолжала Эстер, – совесть не переставала мучить меня.

Но гордость не позволяла сознаться, я не могла смириТЬ себя и покаяться.

– А теперь?

– Теперь у меня только одно желание, одна молитва: чтобы Энни осталась жива.

– Подумали ли вы о том, что, если миссис Виллис и ваши подруги узнают об этом, они могут осудить вас.

– Они не могут судить меня строже, чем я сама себя сужу. Мне нужно только, чтобы Энни жила.

– Нет, Эстер, вам не только это нужно. Вам нужно гораздо больше. Может быть, Богу угодно призвать к себе Энни, пути Господни неисповедимы. Но вам нужно, чтобы бедная, обиженная вами девочка прощила вас и чтобы простил Господь Бог.

Эстер безутешно рыдала.

– Я бы хотела... видеть ее... пока она жива...

– Я постараюсь это устроить. Теперь идите к себе. Мне надо

поговорить с мисс Драммонд. На ее совести лежит большая тяжесть, чем на вашей.

Провожая Эстер, мистер Эверад шепнул ей:

– Останьтесь в часовне сегодня вечером, после молитвы. Мы вместе помолимся.

Заперев дверь, пастор вернулся к Сьюзен.

Кроткий и отечески-ласковый в обращении с Эстер, мистер Эверад теперь совершенно преобразился. Лицо его стало серьезным, и глаза глядели сурово, когда он обратился к Сьюзен.

– Вы слышали, что сказала мисс Торнтон. У вас есть возражения?

– Нет, что проку возражать, – отвела глаза Сьюзен.

– Я должен предупредить вас, что только правда, без малейшей утайки, может спасти вас от публичного скандала. Я желаю знать в подробностях, как было дело.

– Я и не намерена ничего утаивать. Все это было проделано ради шутки. У меня есть кузина, мастерица рисовать карикатуры. Как-то раз, оставшись одна в нашей комнате, я решила посмотреть, что Энни держит в бюваре. Я собираю старые ключи, один из них подошел к замку. В бюваре была очень удачная карикатура на миссис Виллис. Я послала ее кузине, и она следующей же почтой прислала мне копию. Ее-то я и перевела на тетрадку Сесиль, а рисунок Энни положила обратно. Я не люблю Дору Рассел, поэтому намеренно завернула сладости в ее сочинение. Но с Сесиль все было проделано ради шутки. Интересно было посмотреть на физиономию этой праведницы. Мне и в голову не приходило, что будут подозревать Энни. Когда это случилось, я собиралась было сказать правду, да все откладывала, ведь миссис Виллис наказала бы меня, а кому же хочется быть наказанной...

Сьюзи перевела дух и продолжила:

– Дора Рассел всегда скверно со мной обращалась, и вообще она вечно задирает нос. Вздумала писать на премию и воображает, что это ей удастся. Я и решила сбить с нее спесь. Взяла первые страницы ее сочинения и послала той же кузине. Та написала такую остроумную пародию и так хорошо подделала почерк, что я не удержалась от искушения подменить листы в сочинении Доры. На мою беду, Эстер в это время была в классной комнате. Знай я об этом, ни за что бы этого не сделала. Это было в ту самую ночь, когда мы с Энни ходили на пикник на «волшебное поле». Я совсем не собиралась вовлечь в беду Энни или Эстер; но когда все так получилось, было бы странно доносить на саму себя...

Сьюзен рассказывала эту историю своим монотонно-певучим голосом,

без тени волнения, стыда или раскаяния. Мистер Эверад молча слушал ее.

— Столько хлопот, чтобы устроить эту невинную шалость, — продолжала Сьюзи недовольным тоном. — Не понимаю, почему все придают этому такое значение. Вряд ли я буду впредь устраивать что-либо подобное с моими подругами, они не стоят такого труда.

— Впредь вы ничего не будете устраивать, — возразил господин Эверад, вставая с места. — По той простой причине, что вас здесь не будет. В отсутствие миссис Виллис я беру на себя право вынести вам приговор. Сегодня же вы оставите школу. Мисс Гуд отвезет вас домой и объяснит вашим родителям причину исключения из школы. Вы не увидите больше своих подруг. Я не нахожу слов, чтобы описать низость вашего поступка. Ради злой шутки вы навлекли подозрение на ни в чем не повинную ученицу. Из-за вас сердце Энни было разбито, и если она умрет, вы будете в этом виноваты. Дай Бог, мисс Драммонд, чтобы вы раскаялись! В Писании говорится о людях, совершенно лишенных каких бы то ни было чувств. Несчастная девушка, неужели и вы принадлежите к их числу? Кайтесь и молитесь, пока еще не поздно. Уходя, я запру вас. Через час мисс Гуд зайдет за вами.

Сьюзи Драммонд опустилась на стул и заплакала. Может быть, слова мистера Эверада все-таки задели ее за живое.

Вечером она покинула «Лавандовый дом» и навсегда исчезла из жизни своих подруг.

Глава L. Отец

Вот уже несколько дней Энни лежала без сознания в доме миссис Вильямс, балансируя между жизнью и смертью. Добрая женщина не могла выгнать больную девочку, хотя муж и соседи уверяли ее в том, что она напрасно дает приют какой-то бродяжке.

– Не стоит так беспокоиться из-за уличной девчонки, – говорила женщина, жившая неподалеку. – Ей и в больнице для бедняков будет хорошо.

Но миссис Вильямс только качала головой на жестокие слова соседки и упреки мужа, продолжая делать по-своему.

– Бедняжке нужен материнский уход, – говорила она. – А в больнице она этого не получит.

Девочка металась в бреду на убогой постели, слабея день ото дня. Местный доктор, навещая ее, лишь качал головой. Он не был особенно искусным лекарем, но на другого врача у миссис Вильямс не было денег. Пока Энни боролась за жизнь, Нэн беспечно играла с Пегги и совершенно

освоилась с новой обстановкой.

Сестры Брюс нашли Энни только на восьмой день ее болезни, и в тот же вечер миссис Виллис уже сидела у постели любимой ученицы. Все, что могут обеспечить деньги, было к услугам бедной девочки. Был приглашен лучший доктор, но и он не мог сказать ничего утешительного, лишь заметил, что спертый воздух дурно влияет на ход болезни.

— Я не рисовала карикатуры на твоей книге, Сесиль... — бредила Энни. — Я знаю, что ты так думаешь, но это неправда... Бог видит... Я так люблю миссис Виллис... Разве я бы могла... Бог видит...

Миссис Виллис слушала все это со слезами на глазах, но помочь больной девочке ничем не могла. Энни была в сильном волнении, и только когда произносила «Бог видит», немного утихала и на губах ее появлялось нечто вроде улыбки.

Поздно вечером приехала Сесиль и вызвала на минутку миссис Виллис.

— Я приехала сообщить вам, что все открылось, — объявила Сесиль и рассказала начальнице о признании Эстер и Сьюзен.

— Да простит мне Бог, что я усомнилась в ней, — печально промолвила миссис Виллис и, простившись с Сесиль, вернулась к постели больной.

Минуту спустя Энни снова начала бредить. — Они не верят мне, — жалобно говорила она, — миссис Виллис не верит... тогда как я...

— Я верю, верю, — проговорила директриса, положив руку на горячий лоб Энни. — Миссис Виллис верит своей Энни.

Сознание, словно луч света, пронизало воспаленный мозг больной. Она взглянула на миссис Виллис и пробормотала:

- Так это вы?
- Я, моя девочка.
- И вы мне верите?
- Вполне.
- Бог верит.

Энни отвернулась к стене и опять начала бредить. Но теперь миссис Виллис удавалось хоть немного успокоить ее.

На следующий день ученицы, которые не разъехались по домам, бесцельно бродили по саду. Мистер Эверад уехал к Энни и обещал завернуть на обратном пути в школу. Все с нетерпением ждали известий.

С тех пор как Нэн вернулась домой, Эстер не расставалась с ней ни на мгновение. Взявшую сестру за руку, она пошла по главной аллее и села на скамейку у ворот, чтобы первой увидеть мистера Эверада по его возвращении. Нэн вертелась около нее. Вскоре тонкий слух Эстер уловил

шум колес, она вскочила на ноги.

– Как скоро он возвратился, – холода, подумала Этти. – Значит, все кончено...

Она сама отворила ворота, чтобы не терять времени на ожидание привратника. Но это был не мистер Эверад. У ворот стоял шарабан, которым правил высокий красивый мужчина, похожий на иностранца. Эстер сконфузилась и хотела убежать, но незнакомец, увидев ее, спросил:

– Это и есть «Лавандовый дом», маленькая леди?

– Да, сэр, – отозвалась Эстер.

– А вы одна из воспитанниц?

Эстер кивнула.

– Могу ли я видеть миссис Виллис?

– Нет, сэр, ее нет дома, и вряд ли она вернется к вечеру, поскольку уехала по одному очень печальному делу.

Выражение лица Эстер и грусть в ее голосе поразили незнакомца. Он соскочил с шарабана и подошел к ней.

– Скажите мне, мисс...

– Торnton, – подсказала Этти.

– Вы, может быть, сообщите мне то, что я хочу знать, мисс Торnton. Так как вы здешняя ученица, то, конечно, знаете мою... Я хотел спросить, нет ли у вас подруги, черноглазой плутовки, похожей на цыганку, по имени Форест, словом, Энни Форест. Я хотел бы ее видеть.

– Вы ее отец? – воскликнула в волнении Эстер.

– Да, милое дитя, я ее отец. А теперь отведите меня к ней.

Эстер закрыла лицо руками.

– Я не могу этого сделать. Ах, если бы вы все знали, вы бы убили меня! Не спрашивайте меня об Энни. Не спрашивайте, не спрашивайте...

Незнакомец с испугом смотрел на Эстер. В эту минуту маленькие пальчики Нэн дотронулись до его руки.

– Нэн вести вас к Энни. Моя Энни очень больна. Нэн вести.

Незнакомец наклонился и взял Нэн на руки.

– Больна, ты говоришь? Послушайте, мисс, – обратился он к Эстер. – Я вас не понимаю и прошу объяснений. Пожалейте бедного отца. Где моя девочка?

– Она в окрестностях Оклея, сэр, – ответила Эстер, вытирая глаза.

– Это в нескольких милях отсюда?

– Да, и она очень больна.

– Что с ней?

– У нее горячка. Врач опасается за ее жизнь.

– Поедем к ней. Если она так больна, я тем более должен ее видеть. Едем, садитесь скорее; и ты, малышка, тоже.

Капитан Форест так гнал лошадь, что менее чем через час они уже были у дома миссис Вильямс. Бросив вожжи мальчику, он, держа Нэн на руках, стоял на пороге скромного жилища в ту самую минуту, когда мистер Эверад выходил оттуда.

– Вы здесь, Эстер? – удивился священник. – А я хотел ехать за вами.

– Значит, ей хуже?

– Она в сознании и спрашивала о вас. Только она очень слаба.

– Мистер Эверад, этот джентльмен – ее отец.

– Не в добный час вы возвратились, сэр, – сказал пастор, с сожалением взглянув на отца Энни. – Пойдемте к ней.

Капитан Форест пошел к больной с Нэн на руках. Эстер осталась на кухне. Вся семья Вильямсов, за исключением матери, переселилась на это время в другой дом, поэтому Эстер могла плакать в пустой кухне сколько душе угодно. Она напряженно прислушивалась, ожидая, что ее позовут, но все было тихо. Что там делается? Увидит ли она Энни живой? Будет ли она в состоянии вынести взгляд умирающей? Заливаясь слезами, Эстер упала на колени и начала молиться. Вошел мистер Эверад.

– Она уснула, – сказал старик. – Это хороший знак. Нэн легла около нее. Она все гладила ее по лицу и твердила: «Бедная Энни, бедная Энни». Потом обе уснули. Я уверен, что ласка малышки успокоила нервы больной. На отца она даже и не посмотрела. Вы, Эстер, можете взглянуть на нее, если хотите.

Эстер на цыпочках вошла в комнату. Прежде она сошла бы с ума от ревности при виде открывшейся картины. Но теперь она обернулась к священнику и кротко прошептала:

– Пусть Нэн любит ее больше, чем меня, лишь бы Энни жила.

Глава LI. Награда за сочинение

Энни выжила. Медленно возвращались к ней силы и вместе с силами сознание того, что она воскресает для радостной, счастливой жизни. Эстер из врага сделалась самым преданным ее другом. Отец вернулся, и Энни уже не чувствовала себя одинокой сироткой. Возвратившись после выздоровления в «Лавандовый дом», она не только вернула себе прежнее положение, но и сделалась еще дороже его обитательницам. Тигр остался с ней. Он очень привязался к Энни и ее отцу. Капитан Форест, узнав, что пес спас жизнь его дочери, поклялся, что никогда не расстанется с ним.

Вследствие событий, взволновавших всю школу в начале лета, ни торжества, ни вручения наград в обычный день, 21 июня, не было. Когда девочки после каникул вернулись в школу, миссис Виллис открыла новый учебный год следующей речью.

— Милые мои, — начала она, встав, по обыкновению, во главе длинной классной комнаты. — Перед началом занятий я намерена вручить вам премии, которые вы должны были получить еще до каникул. Они будут разданы во время большой перемены.

Подождав, когда стихнет радостное шушуканье, директриса продолжила:

— А теперь я хочу сказать кое-что о главной премии за английское сочинение. Шесть очерков было представлено мне на рассмотрение. По некоторым соображениям я не буду говорить о сочинении «Река» моей бывшей ученицы Доры Рассел. Но я хочу особо отметить прекрасный исторический очерк Эстер Торnton «Мария Антуанетта». Мэри Пирс написала эссе, в котором много неординарных идей. Остальные работы ничем не выделяются. Вы, может быть, удивитесь, узнав, что ни одно из шести сочинений не будет удостоено главной премии. Я назначаю ее за седьмое, которое только вчера представила мне мисс Дейнсбери. Эта работа даже не окончена, ибо болезнь помешала автору. Но и в таком виде это сочинение, озаглавленное «Одинокое дитя», вызвало целую бурю чувств в моем сердце. В нем много оригинальных мыслей и сильных эмоций, но я не буду читать его вслух, потому что оно очень печальное. Надеюсь, юный автор впредь будет писать что-нибудь повеселее. Подойди сюда, дорогая моя Энни.

И под бурные аплодисменты воспитанниц миссис Виллис надела на ее шею золотую цепочку с медальоном. Глаза Энни засверкали от счастья,

когда она обнаружила на нем портрет любимой воспитательницы.

– Энни Форест не только красивее и милее, но и умнее всех нас, – единодушно решили девочки.

– Мне бы очень хотелось прочитать «Одинокое дитя», – сказала одна из учениц. – Энни, дорогая, расскажи нам, что ты написала в сочинении?

– Не помню, – улыбнулась Энни. – Теперь я не чувствую себя одинокой; как же я могу описывать то, чего не чувствую?

notes

Примечания

1

Детские комнаты в английских домах располагались, как правило, на верхнем этаже.

2

В Англии школами назывались все средние учебные заведения.

3

В учебных заведениях так называлось помещение, в котором учащиеся проводили свободное от занятий время, зала для отдыха.

4

Во многих школах Англии несколько классов помещались в одной и той же комнате. Иногда их разделяла драпировка, иногда нет. Учащиеся, с ранних лет привыкшие к такому порядку, не отвлекались на уроки соседних классов.

5

По средам и субботам занятия в школах Англии продолжались только до полудня. Такие дни назывались «полупраздниками».

6

Первый класс в английских школах являлся старшим.

На первой странице было принято писать свою фамилию или инициалы, утверждая таким образом право на владение книгой.

8

Бильбокé (*фр. bilboquet*) – игрушка; представляет собой шарик, привязанный к палочке, один конец которой заточен, а к другому прикреплена чашечка. В процессе игры шарик подбрасывается и ловится на один из концов палочки.

9

Награды, называемые в Англии «премиями», присуждались не за годовые баллы, а за сочинение по избранному предмету. По сочинению судили о познаниях и развитии учащегося.

10

Наши современники знают эту песенку в переводе С. Я. Маршака:

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.
Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может Шалтая,
Не может Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать!

11

Шлафрок – домашний халат.

12

Бриошь – сдобная булочка из белой муки в форме пышки с шишечкой наверху.

13

Пинта – английская мера объема, равна 0,57 литра.

14

Кварт – английская мера объема, равна 2 пинтам, или 0,95 литра.